

Мир политики. Философское измерение

А. И. Демидов

**Мир политики.
Философское измерение**

НОРМА
ИНФРА-М
Москва, 2018

УДК 1:32.001
ББК 66.01
Д30

Электронно-
Библиотечная
Система
znanium.com

Сведения об авторе

Александр Иванович Демидов — известный российский философ и политолог, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии Саратовской государственной юридической академии.

Д30 **Демидов А. И.**
Мир политики. Философское измерение : монография /
А. И. Демидов. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. — 272 с.

ISBN 978-5-91768-732-2 (Норма)
ISBN 978-5-16-011897-0 (ИНФРА-М, print)
ISBN 978-5-16-104404-9 (ИНФРА-М, online)

Монография последовательно раскрывает механизм прямого влияния философских идей на политику. В ней показана связь традиционных проблем политической философии (природа власти, человек и политика, мотивация политического действия, цели и средства, рациональное и иррациональное в политике) с новыми реалиями и способами их теоретического представления (сети, сетевая власть, информационная революция, постмодерн и постмодернистский человек в политике).

Книгу можно использовать как учебное пособие при изучении курсов политологии, политической философии и политической антропологии.

УДК 1:32.001
ББК 66.01

В оформлении переплета использована литография М. Эшера «Относительность».

ISBN 978-5-91768-732-2 (Норма)
ISBN 978-5-16-011897-0 (ИНФРА-М, print)
ISBN 978-5-16-104404-9 (ИНФРА-М, online)

© Демидов А. И., 2016

*Посвящаю светлой памяти моих
родителей — Тамары Петровны
и Ивана Павловича Демидовых*

Введение

Политика и философия. Выявление соотношения политики и философии оказывается далеко не простой задачей. Основания и главные интенции этих двух видов занятий различны, если не сказать — противоположны: политика — это прежде всего разнообразие властных отношений (т. е. отношений зависимости, влияния), а философия — это прежде всего свободная мыслительная работа. Тем не менее нахождение философа рядом с правителем или по крайней мере в активной с ним переписке — явление в истории весьма распространенное. Примеров тому великое множество, достаточно напомнить закончившуюся продажей в рабство попытку Платона воздействовать на тирана Дионисия, наставничество Аристотеля над Александром Македонским, влияние Лейбница на Фридриха Великого или переписку Вольтера с Екатериной II.

Что их толкает друг к другу? А что делает философа, не обращающегося в своих размышлениях непосредственно к политическим вопросам, объектом властной репрессии? Вспомним трагические судьбы выдающихся русских философов Павла Флоренского и Алексея Лосева. Почему пароход, увозивший в 1922 г. цвет русской интеллигенции к далеким берегам, назывался именно «философским пароходом»? Не «историческим», «экономическим» (хотя были там и те, и другие), а именно «философским»? Почему последней идеологической судорогой «культурной революции» в 70-е гг. XX столетия в Китае была кам-

пания по «критике Линь Бяо и Конфуция»? Что позволило объединить низвергнутого ближайшего соратника Мао Цзэдуна и философа, жившего более двух с половиной тысяч лет назад?

Перечисление можно продолжить, но вывод будет один — несмотря на очевидные различия, у политики и философии есть сущностные совпадения. Философия интересуется *общим*, и политика интересуется тем же самым. А определить, найти это общее в действительности без философии нельзя.

Именно философия как рефлексия о предельно общих основаниях бытия формирует характерные для разных культур мировоззрен-

ческие представления об основаниях этого общего, о способах постижения его человеком, о формах отражения этого знания в бытии человека.

Обособление политической философии как особой отрасли знания происходит постепенно и в явном виде оформляется в середине XIX в. в ходе становления политической науки (политологии, политической социологии). Политические исследования принимают новый облик: они становятся эмпирическими, направленными на изучение конкретных объектов, используют разнообразные методы (статистические, психологические, социологические и т. д.). Политическая наука мыслится прежде всего как анализ и обобщение полученных эмпирическим путем данных. В таком виде она определенным образом дистанцируется от политической философии и даже противостоит ей, считает ее предшествующим, незрелым и преодоленным в ходе развития науки этапом, характеризующимся спекулятивным, умозрительным, абстрактным рассмотрением политических явлений, оторванным от конкретного политического объекта, неспособностью эффективно влиять на реальные политические процессы.

Однако время все расставляет по своим местам. И в современном политическом знании место политической философии определяется достаточно четко, ибо сохраняется потребность именно в таком — философском — анализе политики, позволяющем выявить только им устанавливаемые черты столь специфического объекта. Так, спекулятивность, умозрительность философского мышления не только не исключает возможности установления некоторых важных аспектов существования объекта, но и позволяет представить объект в любом его состоянии: в прошлом, будущем, возможном, т. е. выйти за границы эмпирической данности. Многие важные элементы политической реальности, такие как власть, государство, лидерство, сама политика — абстрактные объекты, полноценный анализ и определение которых возможны при использовании специфических для философии методов познания: логики, диалектики, метафизики, герменевтики. Существует достаточно много политических проблем, которые могут быть осмыслены и решены только в рамках философских методов мышления. Среди них: определение сущностных качеств политики и ее места в социуме, возможность обнаружения специфических для данной сферы действительности закономерностей, выбор наиболее целесообразных методов ее анализа, установление места человека в политике, допустимых средств и пределов политической власти, границ политических изменений и т. д. По-прежнему весьма значимой для политических исследований остается проблема смысла политиче-

ской рациональности, анализ таких ее качеств, как способность понимания и истолкования мира как целостного, взаимосвязанного и однородного.

Определение предмета политической философии как науки предполагает отказ от субъективного толкования, сведения его к набору произвольно выбранных каким-либо автором мыслей, кажущихся ему важными. Такого рода мнения представляют интерес, но, будучи несистематизированными, отражающими только субъективную позицию того, кто их высказывает, они не соответствуют духу и смыслу науки — системы обоснованных знаний, относящихся к четко установленному объекту.

Произвольность в выборе предмета ведет как к расширению, так и к сужению границ познания до одного-двух его аспектов, группы проблем. Между тем традиция и история философского знания таковы, что в ходе его развития предмет познания последовательно уточнялся, уходя от тех вопросов, которые гораздо лучше решаются другими науками, обладающими более конкретизированным предметом и более разнообразными и точными методами исследования объекта. Поэтому мы считаем полезной продолжающуюся работу по уточнению предметов и смыслов различных областей политического знания. Она позволяет уйти от тавтологии, произвола в выборе терминов и их значений, четко разграничивая и показывая взаимосвязь, например, политической науки (знание о сущем) и политологии (предполагающей включение в свой предмет еще и знания о должном). При этом «философия политики» может трактоваться как приложение философии к области политической жизни, тогда как «политическая философия» является саморефлексией политики, ее «внутренним» знанием о самой себе. «Первая решает вопросы, которые ставит перед философией политика, тогда как вторая решает вопросы, которые ставит перед политикой философия»¹.

Предмет политической философии задается границами основных разделов философского знания: учениями о бытии (онтология), познании (гносеология) и сущностных характеристиках человека (антропология). Он соотносит главные вопросы философского знания с миром политики.

Любая наука специфична своими методами — способами получения нового знания. Методы философии спекулятивны — они обеспечивают виртуальный контакт с объектом и не ограничивают возмож-

¹ Мощелков Е. Н. Философско-политическое знание как система наук: этапы развития // Сети в публичной политике. Политическая наука: Ежегодник 2014. М., 2014. С. 340.

ность его представления в любых состояниях, в том числе и невозможных, невероятных. У такой методологии (а в сфере именно ее интереса находится определение целесообразности и границ применения того или иного метода) есть как преимущества, так и недостатки. В данном случае можно представить все возможные состояния объекта познания, но при этом столь же вероятен отрыв от реальности, условий, задающих параметры бытия объекта.

Смена парадигм политического знания. Философия, воздействуя на методологию политических исследований, влияет как на отбор приемов и методов, применяемых для получения знаний об объекте, так и на способы интерпретации этих знаний, на формирование теоретического образа объекта познания.

При этом смена или одностороннее обесценивание философских по-

при этом смена или существенное обновление философских парадигм — господствующих в ту или иную эпоху или в определенной среде моделей, способов восприятия и истолкования действительности — вызывает ощутимые как для теории, так и для политической практики изменения образа политики, представлений о ее сущности и месте в системе общественных отношений. В значительной степени эта смена происходит под воздействием самой политической практики — с появлением новых ее черт, открытием новых возможностей или приходом новой волны разочарований после неудачных попыток их практической реализации.

Таких крупных версий политики, парадигм ее осмысления, возникающих в пределах или под воздействием изменений в философской мысли, можно выделить несколько: *доклассическая*, *классическая*, *неклассическая* и *постклассическая*. Каждая из версий имеет свои особенности, и переход к новой парадигме в политической философии не означает отбрасывания старой, она в снятом виде присутствует в новом типе политического мышления и истолкования политической действительности, обеспечивая как их преемственность, так и возможность сопоставления.

Доклассическая версия (представленная, например, в политических воззрениях Конфуция, Платона) характеризуется синкретизмом, слитностью политических, моральных, религиозных и философских проблем. Суждения о политических явлениях облечены здесь не в логическую, а скорее в образную, мифологическую форму, представления об этих явлениях не стали понятиями. Но они способствуют кристаллизации исторического опыта, в том числе и по поддержанию упорядоченности, гармонизации человеческих отношений. Так появилась великая мысль о слове, которым можно руководствоваться

всю жизнь: «Это — снисходительность: чего сам не желаешь, того не делай другим»¹.

Для этих суждений характерна слитность политической деятельности и рассуждений о ней. Политическое знание здесь существует в виде советов, наставлений с выраженным утилитарным смыслом, практически всегда обращенных к конкретному адресату, лицу. Достаточно напомнить «Наставления о соискании выборной должности» Квинта Цицерона (брата великого оратора), «Поучения» Владимира Мономаха или переписку Ивана Грозного с князем Курбским. Их авторы исходят или из самых общих представлений «о природе вещей», или из моральных оснований (опять-таки вытекающих из этой природы), а не из знания или исследования (хотя бы умозрительного) конкретной области отношений, которой в данном случае выступает политика. Рефлексия — самоанализ политического знания, выявление его бытийственных и мыслительных оснований — пока отсутствует. Такое знание обладает выраженным *нормативизмом* и сводится к рассуждениям о том, какой политика должна быть (для того, чтобы соответствовать природе вещей). Есть ли у политики собственная природа — такой вопрос пока не ставится.

Это только начало движения к политическому знанию (зачастую весьма удачное, поскольку содержит многие его важные компоненты), ему еще предстоит развернуться в полноценную теорию. Ею политическое знание становится в своей классической версии (Аристотель, Макиавелли, Монтескьё, Маркс), приобретая такие качества, как четко выраженный объект, границы специфики, основания существования, собственные законы, основные структурные компоненты и тенденции развития. Облик современного политического знания сложился в рамках этого подхода. То, что ему предшествует или за ним следует, рассматривается как его предпосылки и как следствия преодоления оснований, им заложенных; то, что было до и будет после некоего основного события или свершения. Такая версия полити-

ки со временем будет преодолена, перестанет приниматься во внимание теоретиками и практиками, но совершенно ясно, что, несмотря на развитие новых версий, все они представляют собой критику, пересмотр, отрицание или расширение некоего отправного, фундаментального знания о политике. Им и является классическая версия.

Политика здесь рассматривается как воплощение сущностных качеств человека, знание о ней исходит из веры в возможность создания объективной, выявляющей законы, принципы, действующих

¹ Конфуций. Афоризмы мудрости. М., 2008. С. 159.

лиц картины политической действительности. Эта действительность проницаема для разума, поэтому существует возможность ее рационального познания, и делом субъекта является как познание, так и приведение ее в соответствие с познанным. Компонентами такого отношения к политике и ее познанию служат интерес к общему, повторяющемуся, поиску механизмов поддержания ее равновесного и устойчивого состояния¹.

Большое значение при этом придается *интересам* как объективным силам, притягивающим субъекты к объектам или друг к другу; считается, что познание интересов открывает выход к созданию объективной картины политической реальности. Отсюда вытекает возможность действовать в соответствии с «природой политики» или «природой человека» (Н. Макиавелли). Происходит четкое разделение нормативистского и эмпирического подходов к интерпретации политической действительности; в противоположность теологическим или морализаторским интерпретациям такая методологическая позиция ориентирует на поиск естественных, фундаментальных, константных основ политики — считается, что люди стремятся к власти как к средству реализации своих потребностей. Фокусом же политики признается взаимодействие интересов, которые формируют институты, являющие себя в действиях (К. Маркс). Исследовательское внимание сосредоточивается здесь на структурной, предметной стороне политической реальности, на которую она и раскладывается при анализе (позиции, группы, институты). Фундаментальной категорией политической теории служит политическая организация (государство). Высказывается уверенность в возможности ее рационального познания, управления и преобразования на разумной основе. Отражением такой позиции служат, например, трактат «К вечному миру» И. Канта, весь комплекс идей «утопического социализма», да и «научного» тоже.

Принципиальной методологической установкой является рассмотрение политики как специфической сферы бытия со своими собственными законами и принципами организации. Здесь действует презумпция возможности системного видения политики, создания целостной, взаимосвязанной картины мира политического. При этом считается, что методы познания, адекватные сущности данного явления, формируются наукой, а инструментом его рационального преобразования служит власть.

¹ См.: Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999. С. 25—26.

В рамках классической версии — при использовании методов и методик, ориентированных на отражение *объективного* в политике, — в качестве объяснительного принципа в основном принимаются концепции линейного детерминизма. В русле этой традиции возникают и естественно-научные объяснения политической динамики, реализующие исследовательский интерес к силам, вызывающим массовые исторические и политические движения (А. Л. Чижевский).

В данной картине политического мира наиболее нагруженными, имеющими большой методологический смысл понятиями служат законы, интересы, силы, движения, организации. Считается, что человек находит себя в политике в том или ином качестве (лидера, последователя, исполнителя), причем лидером считается глава движения, знающий свои предназначение и задачи. Если же человек не участвует в политике, не берет на себя миссию лидера, сливается с массой, то исследовательский интерес к нему резко ослабевает, если не исчезает вовсе.

Произошедшая на рубеже XIX—XX вв. смена философских парадигм — переход от классической к неклассической, а затем, в конце XX в., к постклассической модели — изменила образ политики. Она зачастую рассматривается как феномен с прямо противоположными значениями и смыслом, наделяется такими различающимися качествами, что возникает вопрос о возможности обозначения столь различного явления одним словом. Если это все-таки делается, то только в силу наличия в этом образе при любом ракурсе его рассмотрения немногих, но постоянно воспроизводящихся черт, среди которых прежде всего следует назвать связь политики с властью и с сущностью человека.

Неклассическая версия политики возникла в конце XIX — начале XX в. (В. Парето, М. Вебер, Г. Лассуэлл) под влиянием преобразований в сфере культуры, фундаментальных изменений, происходящих в науке и философии и характеризующихся интересом к субъекту, растущим пониманием зависимости от него мира политики.

Вхождение неклассических идей в ткань политического анализа осуществлялось под воздействием как внешних (социальных, исторических, философских), так и внутренних (собственно методологических) предпосылок.

Под воздействием этих факторов в политических исследованиях происходят важные преобразования.

Утверждается новое видение мира политики и тенденций его изменения на основе отказа от приоритета линейного детерминизма. Неопределенность, неоднозначность рассматриваются как естествен-

ные и неустранимые характеристики жизни человека в этом мире, как проявления его сущностных качеств, а политика представляется сочетанием логических и нелогических поступков (В. Парето).

Важным конституирующим фактором в становлении такой методологической позиции был *фрейдизм*, раскрывший роль бессознательного в жизни человека, представивший политику как кристаллизацию инстинктов, показавший их доминантное влияние на политическое поведение, описавший механизм вхождения иррационального в ткань политической реальности (Г. Лассуэлл).

Данное изменение методологических установок достаточно красноречиво отразилось на трактовке идеологии и ее роли в политике, которая рассматривается как выражение субъективного в политике. Идеология искажает картину мира, но и фокусирует ее, привязывает

видение политической реальности к потребностям и миру субъекта, устанавливая субъективную связь между индивидом и наблюдаемым социальным феноменом. Предпринятая критика идеологии (К. Маркс, К. Манхейм, Д. Белл) выявила не только эти ее характеристики, но и ее нерасторжимость с миром политики, то, что она служит структурой ценностей, основанием политического сознания и политический культуры.

Но трактовка самого механизма ориентации в мире становится иной: происходит отказ от рассмотрения идеологии в качестве основного элемента этого механизма, детерминирующего последовательную, логически выстроенную систему поведения в политике, в пользу политической культуры. Логика замещается вариативностью, обоснованность касается причин, но не доводится до следствий, степень же возможного многообразия поступков в рамках выбранной модели или линии поведения оказывается гораздо более высокой.

Эта версия связана и с пониманием значения разнообразных сравнительных политологических исследований, дающих возможность воочию представить гигантское многообразие мира политического.

В рамках неклассической версии политика рассматривается скорее как отчуждение, патология человеческих качеств и способностей — считается, что человек больше теряет, чем находит себя в этой сфере. На смену принципу детерминизма приходит свобода выбора, признается приоритет интуитивного постижения политической реальности перед ее рациональным познанием, приемлемость иррациональных средств управления и воздействия на поведение, ибо оно является массовым; активно используются методы познания, ориентированные на отражение субъективной, личностной стороны политического процесса.

Исследовательское внимание сосредоточивается на надструктурной, надпредметной стороне политического сообщества (ценности, тенденции, власть, культура, события, ситуации), для описания которой используется прежде всего категория политической культуры — ей, по сути дела, придается статус объяснительного принципа. Интерпретация политической реальности на основе данного принципа опирается на политические ценности — считается, что именно они инициируют действия в политике, которые потом кристаллизуются в институтах.

Интересно, что, оказав значительное влияние на развитие политического познания, такой подход не вытесняет классическую версию. Она существует наряду с ним и воздействует на политическую практику, которая при этом становится менее результативной, но зато более предсказуемой, хотя и более пессимистичной.

В своем движении к новой, постклассической парадигме развитие политической мысли сталкивается со все более остро осознаваемым противоречием: с одной стороны, признается бессмысленность попыток реализации просвещенческих проектов освобождения людей с помощью рационалистического критицизма и реформизма¹; с другой стороны, растет понимание опасности иррационализации политики, так как очевидно, что такие ее проявления, как разрушение структуры политического мышления, его хаотичность, разрыв между целями и средствами, принятие на этой основе политических решений, оборачиваются катастрофическими последствиями.

Ограниченность и недостаточная действенность парадигм инициируют поиск новых систем интерпретации и исследования политики. Начинается движение к *постмодерну*, признаками которого являются:

— отказ от жестких детерминистских схем, замещение их принципами многовариантности, нелинейности, неустойчивости²;

— убежденность в том, что различные исследовательские парадигмы должны не исключать, а лишь дополнять друг друга, учитывая

сложность политических реалий, требующих именно взаимодействия, — отразить все их многообразие в рамках одной парадигмы или одного подхода просто невозможно, односторонность оборачивается искажением;

— выраженный интерес к человеку, его индивидуальности, признание неосуществимости устранения оценочного момента в процес-

¹ См.: Ball T. Reappraising Political Theory. Revisionist Studies in the History of Political Thought. Oxford, 1995. P. 290.

² См.: Василькова В. В. Указ. соч. С. 29—30; Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 9.

се изучения политики, необходимость обеспечить единство казуального (случайного, единичного) и аксиологического подходов;

— усиление внимания к новым общенаучным методам и методикам, которые способны синтезировать как объективные (ритмы, циклы, ресурсы, стимулы, угрозы, тенденции), так и субъективные основания активности агентов политики (стереотипы, ориентации, мотивы, оценки, предрассудки, страхи, влечения), создавая общую картину политической жизни;

— рост по мере повышения роли средств массовых коммуникаций осознания сотворенности мира современной политики и искусственности такого его фундаментального основания, как потребности. Сформировавшись в сфере экономики, «перевернутая последовательность» (Дж. К. Гэлбрейт) все более активно преобразует политику, ведь «на этой фазе для системы становится жизненно необходимым контролировать не только аппарат производства, но и потребительский спрос, не только цены, но и то, что будет запрошено по этим ценам»¹;

— понимание органической связанности этой сферы действительности (рациональности, способности движения к истине) с социальными условиями (свободой, автономией, благосостоянием)², соблюдение параметров политического развития которых делает возможным поиск рациональных путей для решения наиболее фундаментальных социальных проблем;

— учет всего многообразия исторического и политического опыта человечества, интерес ко всем его проявлениям, вытекающим из богатства возможностей и затаенных смыслов человеческого бытия;

— понимание ценности человеческой индивидуальности, необходимости сохранения и развития политических структур, которые ее выражают и защищают (актуальность этой задачи становится все более очевидной на фоне нарастания процессов массовизации и стандартизации в современном глобализирующемся мире).

В центре исследовательского внимания вновь оказывается власть (М. Фуко, П. Бурдьё), выступающая в двух своих ипостасях: как глобальная сеть отношений, организующих общество и делающих его управляемым, и как механизм господства, директивного влияния одного лица на другое.

Весьма перспективными для понимания власти как глобальной сети отношений оказываются *синергетические представления*. Они отрицают жесткий характер как детерминизма, так и целеполагания и

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 99.

² См.: Plant R. Modern Political Thought. Oxford; Cambridge, 1992. P. 245—254.

утверждают принципы полидетерминации, нелинейности, неоднозначности, упорядочивают сферу политики в результате сложного взаимодействия разных тенденций бытия, соотношения как стохастических, так и целенаправленных механизмов в процессе его становления. В свете этих идей становится явным вхождение политики как составной части в более общие, фундаментальные координационно-управленческие процессы. Здесь действует не линейная, но многоканальная или многофакторная детерминация, преломляясь в сознании и поведении субъектов политики, постоянно умножая количество возможных последствий их действий.

Что касается власти как механизма господства, то постмодерн, обосновывая значение множественности, плюральности в современном мире в противовес господству универсализма и целостности¹, рассматривает ее как среду тотального ограничения, насилия, элиминации самого главного в человеке — его самобытности, а «легитимность всегда выполняла роль покрывала, которым маскировалось подавление инаковости, вытеснения других на периферию, что благоприятствовало центрации власти и авторитета»². Поэтому принципиально важным оказывается реализация единства без навязывания господства, поиск мировоззренческих (или политических) технологий, которые бы соединяли людей, но не манипулировали ими.

Новое видение политики и перспектив ее развития дает *информационная парадигма*³, исходящая из признания радикального изменения ее природы в условиях информационной революции.

Информация является важнейшим политическим ресурсом, содержащим в себе огромный потенциал влияния. Особенность этого ресурса заключается в том, что до информационной революции он всегда существовал в дозированной, канализированной, в той или иной степени ограниченной форме. Многие политические процессы и явления зависят от системы распределения и направления информации. Функцию селекции информации, надления этим ресурсом членов группы и обеспечения его влияния выполняла идеология. Иерархия с этой точки зрения связана с неравномерным доступом к информации и к ее источникам, а власть предполагает использование унифицированного информационного воздействия.

Специфика современной ситуации заключается в неограниченности, абсолютной доступности информации. Политика как система,

¹ См.: *Сморгунов Л. В.* Философия и политика: очерки современной политической философии и российской ситуации. М., 2007. С. 91.

² Там же. С. 95.

³ См.: *Василенко И. А.* Политическая философия. М., 2004.

сопряженная с дозировкой и канализацией информации, в этих условиях меняет свою природу, становится принципиально иной. И мы это видим, когда сталкиваемся с феноменами глобализации, массовой культуры, создания «электронного правительства», реформой местного самоуправления и т. д. В этих условиях многие явления, такие, например, как автаркия, ксенофобия, тоталитарные и авторитарные властные системы, становятся уходящей архаикой, хотя и злободневной.

Все более значимую роль в современных социальных отношениях, и далеко не только политических, играют горизонтальные — сетевые взаимодействия.

Сети радикально расширяют возможности общения, значительно увеличивают скорость распространения информации. А поскольку

информация в современном обществе служит основным политическим ресурсом (и не только политическим), это отражается на динамике политических процессов, характере их протекания, открывая новые возможности и новых участников. С уходом организационной сложности взаимодействия участников растет непосредственность, открытость контактов и отношений. Количество людей, интересующихся той или проблемой, личностью, может увеличиваться в течение кратчайшего периода времени, требуя столь же быстрой коррекции политического поведения, смены его тактики. Политическая жизнь в подавляющем большинстве своих проявлений теперь проходит в «реальном времени» открытой для наблюдения. Разного рода ограничения, лакуны и умолчания воспринимаются как нарушения писанных и неписанных норм.

В сетях формируются специфические формы властных отношений, сочетающие зависимость и свободу, демонстрирующие возможность децентрализованной мобилизации (основное назначение властного ресурса), властного действия на основе информационной составляющей. Здесь используются иницилирующие, жестко не предопределяющие и не регламентирующие активность стимулы и нормы, придающие ей не столько упорядоченность, сколько необходимое направление, предполагающие значительную внутреннюю автономию субъекта действия. Происходит очевидный рост значения неинституциональных форм реагирования (договоренности, умолчания, согласования и т. д.); власть все в большей мере дематериализуется и вписывается в культурные коды.

Возникают предпосылки для радикального изменения функций политического представительства и участия, поскольку «небольшая скорость информации создает потребность в делегировании и пред-

ставительстве, современные средства массовых коммуникаций дают возможность непосредственного участия в принятии решений»¹.

Постоянные изменения как в природе политики, так и в способах ее интерпретации порождают у всякого человека, интересующегося политическими проблемами и знакомого с политической литературой, уверенность в колоссальной многоликости и противоречивости этого феномена, в наличии больших возможностей для изменения его образа и качества в зависимости от методологической позиции рассмотрения.

Но это многообразие и противоречивость могут быть обнаружены только при последовательном выявлении устойчивых ее характеристик, воспроизводящихся от эпохи к эпохе, в разных ситуациях и местах — везде, где возникает то, что называется политическими отношениями.

¹ McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. N. Y., 1965. P. 204.

Глава 1

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Между философской и политической мыслью существует давняя и взаимная связь. Изначально политические знания развивались в лоне философии, а классики политической мысли были философами. Осмысление политической реальности давало мощный импульс для развития философской мысли. Именно здесь философ воочию сталкивался с проблемами, далеко выходящими за рамки обыденной жизни, требовавшими для своего понимания и решения логического мышления, рациональной аргументации, видения единства в многообразии, допущения естественности противоречий, установления устойчивости в динамике изменяющегося мира.

Восточная традиция: политика с точки зрения гиперэтики. Мыслителями Древней Индии и особенно Древнего Китая человек в многообразии его отношений с другими людьми и миром в целом представлялся однозначно вписанным в общий порядок жизни, установленный высшим существом (существами). Постигание предначертанного ему жизненного пути возможно через выстраивание правильных отношений с людьми и природой (окружающим миром) через следование сложившимся укладам жизни и традициям. Необходимо не нарушать установленного, а стремиться влиться в общий характер движения. Здесь человеку открывается возможность войти в строй жизни, не им установленный, ведь «человек следует земле. Земля следует *дао*, а *дао* следует естественности»¹. Поэтому, по словам Лао Цзы, «лучший правитель тот, о котором народ знает лишь, что он существует. Несколько хуже те правители, которых народ любит и возвышает. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всего те правители, которых народ презирает»².

Этому же учил Конфуций: «Если знание достигнуто, и мы не сможем хранить его при помощи гуманности, но будем управлять без соблюдения внешнего достоинства, то народ не будет уважать нас. Но если и знание законов, истины достигнуто, и мы сможем хранить его при

¹ Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 1. М., 1969. С. 183.

² Там же. С. 188.

помощи гуманности, и будем управлять с достоинством, но не будем вдохновлять народ при помощи обрядовых правил, то это нехорошо»¹.

Так закладывались основания восточной политической традиции, где обустройство общих дел предполагает установление связи человека и независимого, зафиксированного в традиции строя жизни. Оформленная на Востоке в качестве принципа данная мысль имеет общечеловеческое значение и означает необходимость учета исторического опыта, проверки новации традицией.

Античность: политика как рациональное распоряжение властью. Такой же образ мысли поначалу мы находим и в мировоззрении древних греков: это видно, скажем, в понимании справедливости как необходимости соблюдения установленных от века границ поведения². Но в греческой философии появляется совершенно новый мотив в трактовке идеи соответствия между Космосом — государством (обществом) и Человеком: «Человек есть мера всех вещей» (Протагор). Вектор их отношений меняется радикальным образом.

У Сократа добродетель — это знание добра и действие в соответствии с этим знанием, а справедливость — одна из добродетелей, приобретаемая человеком путем познания и самопознания. Следующая ступень в развитии этой идеи — мысль Платона о зависимости политики от человеческих идей. Ведь человек у Платона — носитель божественного разума, познающий мир через деятельность своей души.

Таким образом, знание и способность упорядочения как мира, так и человеческих отношений не сводится к простому учету издавна сложившихся связей и традиций. Необходимо заглянуть внутрь себя, своего сознания, там черпать представления об основаниях мироустройства и собственной причастности к нему. Так возникает чрезвычайно важная для последующего, в том числе и политического, развития идея (принцип) разумности оснований бытия и сопутствующая ей уверенность в возможности их постижения (слияния с божественным разумом) в результате самостоятельных усилий разума человека (микрокосм), тождественного разуму Бога.

Участие в политике (решение государственных и общих вопросов) человека, постигшего требования Высшего разума, оказывается в рамках такого подхода инструментом, обеспечивающим это реальное тождество уже в мирских, общественных делах. Политическая реальность, по Платону, рациональна: рационально постигаема и поэтому может быть рационально управляемой.

¹ Конфуций. Указ. соч. С. 161—163.

² См.: Рассел Б. История западной философии. М., 1959. С. 45.

На Востоке действие (оно может быть и статичным — недействием) предшествует постижению Высшего (слиянию с ним). На Западе познание (постижение) предшествует действию. И то, и другое — политика. Но разная.

В трудах Платона и Аристотеля были заложены и две версии политики: *реляционная* и *субстанциональная*. Платон и софисты считали, что государственные дела, политические отношения возникают в результате взаимодействия людей, решающих общие проблемы, т. е. являются феноменом некоторым образом вторичным, сопровождающим существование людей. «...Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства»¹.

Аристотель определял человека исходя из его природы в качестве существа политического², вступающего в контакты с другими людьми в силу своей природы, требующего таких отношений для своего становления. Если в рамках первого подхода возникновение политики связывается с формированием государственных или протогосударственных образований, то вторая позиция видит политику уже в самых ранних проявлениях социальности, связывая ее с оформлением элементарных властных отношений, их первоначальной институционализацией.

Значительный интерес представляет учение Аристотеля о «среди́нном элементе», его стабилизирующей роли в общественной жизни и полезности в политических делах. Аристотель стремится доказать, что благодаря таким качествам, как *среди́нность*, умеренность, избегание крайностей, политическое образование приобретает стабильность, а стало быть, и возможность и время для обсуждения и постепенного решения стоящих перед ним проблем. Различные формы политического радикализма связывают возможность существования одной стороны взаимодействия с обязательным уничтожением другой. Нетрудно увидеть, что, несмотря на постоянное возникновение радикальных форм политической деятельности, существование политических режимов, основанных на них, оказывается исторически недолговечным, а политических систем — неустойчивым.

Описывая линии влияния философии на политические идеи и собственно политику, следует отметить значение учения Эпикура о двух типах движения атомов: согласно весу и согласно отклонению. Оно

¹ Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 130.

² См.: Аристотель. Политика // Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 378.

содержит идею спонтанной причинности, возможности самопроизвольного отклонения от необходимости, «своим учением о самопроизвольном и неопределенном в пространственно-временном отношении движении атомов Эпикур ввел в физику учение о спонтанности движения и в самой природе нашел основание для свободы человека, его мышления и поведения»¹. Так утверждается идея, что свобода человека не привносится извне, не даруется, это такое же естественное состояние, как вес, протяженность, тяготение, время. Она встроена в основания бытия человека, в том числе и в сфере политики.

Политика и теология. На рубеже старой и новой эры развитие политической мысли попадает под влияние новых мировоззренческих опор — монотеистических религий; утверждается их безусловное господство в христианском и мусульманском мирах, в мировоззрении людей и, следовательно, выстраивание всего комплекса социальных, в том числе и политических, отношений именно на этой основе.

Связь человека с Богом, реализация в своей жизни Его заповедей становятся главным мерилом социального бытия, критерием оценки и основой интерпретации всей картины действительности, в том числе и таких ее сторон, как власть, государство, социальная стратификация, мораль, право и т. д. Религиозное толкование политики исходит из принципа божественного происхождения власти, и повиновение ей рассматривается как важнейшая обязанность верующего человека.

В объяснении характера этой связи, степени зависимости политики от божественного предопределения между христианством и исламом существуют ощутимые различия. В христианстве принципиально важной является идея автономии государства, политической среды в Богом установленном порядке жизни. Известные слова Иисуса Христа: «Цезарево отдайте Цезарю, а Божье — Богу» (Марк 12:17) и развивающие эту мысль идеи великого христианского богослова и философа Августина Аврелия (354—430) о разделении «града Божьего

философа *Августин Лорели* (354—430) о разделении «града божьего» и «града земного» оказываются основой представлений о наличии в политике своих, тоже установленных богом, но специфических и действующих только в данной среде законов и принципов существования. Если это так, то человек в сфере политики обладает относительной свободой, он может ставить и реализовывать цели, порожденные потребностями данной конкретной среды, теми проблемами и возможностями, которые возникают только в ней. Для ориентации

¹ Чанышев А. Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991. С. 87.

ему недостаточно постижения библейских истин, но требуется некоторое специфическое, раскрывающее именно данный предмет знание.

В исламе политика, государство — сфера прямой, непосредственной реализации воли Аллаха или столь же прямой, побуждаемый дьяволом вызов ей. Грань между сакральным и бытийственным отсутствует. Это возводит все политические проблемы в высочайшую степень противостояния божественных и дьявольских сил, что заставляет мусульманина искать ответы на политические вопросы только в Коране или толкованиях его, рассматривая заповеди пророка Мухаммеда как прямые предписания политического поведения. В политический конфликт вносится высочайшее напряжение конфессионального противостояния.

Влияние на политическую мысль православной и католической традиций. Христианская версия политики далеко не однозначна и несет на себе следы влияния основных направлений этой религии, сформировавшихся в течение веков вследствие как догматических, так и исторических и других различий. И православная, и католическая церкви источниками своего вероучения считают Священное писание (Библию) и Священное предание (труды отцов церкви (II—VIII вв.), решения семи Вселенских и ряда поместных церковных соборов). Православная (ортодоксальная) церковь строго относится к отбору идей и текстов, входящих в Священное предание и формирующих символ веры. В католицизме в Священное предание включается более широкий круг источников, в том числе постановления Вселенских соборов, решения римских пап.

Такое расширение постепенно позволило включить в основания теологических толкований античную традицию и философскую аргументацию, в ходе формирования которой привлекаются произведения Аристотеля, осуществляется логическое обоснование догматов, появляются образовательные институты, где эта традиция развивается (вначале в целях сугубо теологических). Возникают первые европейские университеты, где богословское знание соседствует со столь же полезным светским (медицина, юриспруденция), а в культивируемой здесь схоластике развивается логика и отсутствует противопоставление античности и христианства. В рамках этой традиции политическая мудрость начинает рассматриваться как результат познания, воссоздается интерес к политическому знанию, постепенно происходит его накопление, обособление и развитие в виде «политического искусства» (Альберт Великий), «политической науки» (Фома Аквин-

ский), «политического учения» (Л. Гвирини), «божественнейшей гражданской науки» (С. Брант) уже в XIII в.

Формируются способы рациональной — философско-логической, исторической, моральной — аргументации в рассуждениях о политических вопросах, в полной мере представленной в произведениях *Никколо Макиавелли* (1469—1527). Имя этого итальянца стало нарицательным, он считается создателем жизненной тактики «макиавеллизма», игнорирующей этические нормы, использующей любые средства для достижения поставленных целей, цинично относящейся к людям.

Макиавелли пытался доказать, что в сфере политики люди руководствуются специфическими интересами и мотивами поведения, что успех определяется не религиозным рвением или моральной чистотой, не красотой помыслов и не грандиозностью планов, но верным расчетом, умением трезво предвидеть последствия событий и своих действий, глубоким знанием природы человека, которая отнюдь не безгрешна. Поэтому «расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь со множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности»¹.

Основаниями заложенной Макиавелли науки о политике были представления о природе человека (сочетающей черты как человека, так и зверя, с повадками как льва, так и лисицы) и предопределяемой ею природе политики. Интерес — ведущий мотив человеческой деятельности. «Люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества»², поэтому по возможности не следует совершать ничего, что возбуждает ненависть и презрение подданных; дела, не угодные подданным, надо поручать совершать другим, угодные — совершать самому; не вторгаться в частную жизнь.

Новый тип понимания политики раскрывается Макиавелли в таких характеристиках, как значение силы для изменения традиционного поведения; апелляция к утопии как к протоидеологии, содержащей ориентации на «другие» общества, доказывающей их возможность; понимание непродолжительности участия масс, вовлекаемых в

¹ Макиавелли Н. Соч. СПб., 1998. С. 88.

² Там же. С. 92.

политику экстраординарными обстоятельствами (голод, завоевания с угрозой уничтожения, нарушения властью традиционных прав).

Более строгая в отборе аргументации православная (ортодоксальная) традиция гораздо дольше не может преодолеть слитности религиозных и нравственных поучений, использует теологическую аргументацию при рассмотрении политических проблем, отвергает античных авторов как греховное «эллинское суесловие»¹. Царская власть рассматривается здесь как вид церковного служения, а политический конфликт приобретает форму непреодолимого противостояния греха и благодати.

Элементы политического знания именно как рационального, опирающегося на учет исторического опыта и земных обстоятельств, использующего логическую аргументацию, в том числе содержащуюся в

работах предшественников (особенно Н. Макиавелли), появляются в России в XVII в. у *Юрия Крижанича* (1618—1683). Показательно, что Ю. Крижанич по вероисповеданию был католиком и из 17 лет, прожитых в России, 15 провел в ссылке.

Конечно, у такого рода ретардации существуют и исторические основания: это и достаточно позднее (IX в.) принятие христианства, и запоздалое и столь драматичное формирование централизованного государства, и огромная роль православия в его становлении, и отсутствие в русской истории эпизодов или периодов, сопоставимых с европейским Ренессансом и Реформацией. Но не видеть здесь действия факторов мировоззренческого, теологического, культурного плана было бы ошибкой. Тем более что их действие не ограничивается прошлым.

Что это за факторы?

Синкретизм политики и теологии, морали и философии², выражающийся в слитности, включенности одного в другое. «Тактильное ощущение» присутствия Бога в делах человеческих ведет к доминированию теологической аргументации при рассмотрении политических проблем. Столь же значимым оказывается придание нравственного звучания любой мировоззренческой или политической проблеме.

Своеобразие гражданского общества: оно формируется не в результате взаимодействия и согласия свободно действующих индивидов, но возникает как иерархически организованная сложность, нацеленная на реализацию неких «метафизических» политических и религиозных задач. Следствием приниженности индивидуального на-

¹ Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Политическая мысль России. От истоков до февраля 1917 года: антология. М., 2008. С. 26.

² Там же. С. 12.

чала служит то, что органичность как увязывание частей единого целого достигается в иерархии, а не в согласовании и конкуренции, а личностные отношения в иерархической организации оформляются на основе принципа служения для одних (Богу, суверену, родине, народу) и владения — для других. Все это объемлет идея долга как способа приобщения индивидов, общностей и их вождей к большему, выраженная в «учении о царской власти как форме церковного служения»¹, которое есть «краеугольный камень» догматического обоснования принципа самодержавия.

Отсутствие «прокладки» в отношениях между человеком и государством, философией и теологией — в виде университетских свобод, личной заинтересованности и активности, общественных объединений граждан — оборачивается запаздыванием в постановке и поиске новых проблем, ограничивает способность видеть всю многогранность и сложность мира (как природного, так и социального). К тому же *«сама русская национальная власть, вмещающая дефекты народного правосознания, не ценила автономную лояльность в подданном и потому не воспитывала его к самостоятельности и свободе, требуя внешней покорности и формализуя государственный режим; и, формализуя самые цели государственности, периодически являла свою собственную гетерономию то в форме беспредметной тирании, то в унизи-тельном образе временищика»*².

Отсутствие четких критериев практического и теоретического различения сфер религиозного, морального и политического конфликтов создает предпосылки радикализма — стремления до крайности, до предела обострить проблему, выявить ее антагонистическую противоречивость, идти в защите избранной позиции или в низвержении оппонента до конца, до полной победы. Наиболее предпочтительными оказываются средства, обеспечивающие быстрое и кардинальное решение возникшей или поставленной проблемы.

Последствия воздействия этих факторов далеко не однозначны и в

значительной степени зависят как от исторических обстоятельств, так и от людей, в этих обстоятельствах действующих. Однако в рамках этих особенностей на российской почве возникает ряд оригинальных идей, политический потенциал которых только нарастает в актуальных обстоятельствах.

Приоритет ценности над интересом, коммунитаризма, органичности над отбором, конкуренцией и организацией, ассоциацией был

¹ Коваленко В. И. Пролог // Политическая мысль России. От истоков до февраля 1917 года: антология. С. 18.

² Ильин И. А. Родина и мы. Смоленск, 1995. С. 159.

наиболее последовательно выражен в идее *соборности*, грани которой формировали следующие представления:

— «человечество представляет некий большой организм», «человек — существо социальное, и высшее дело его жизни, окончательная цель его усилий лежит не в его личной судьбе, а в социальных судьбах всего человечества» (В. С. Соловьев);

— сутью соборного сознания является «нахождение себя в единении с другими», «задача организованной общественности имеет две стороны: не только свободу, но и подчинение, не только равенство, но и различие, не только братство, но и принудительную организацию» (С. Н. Булгаков);

— «каждый отвечает за всех» (Н. А. Бердяев)¹;

— соборность — это «органическое единство общества» (С. Л. Франк)².

Все более привлекательными в современном обществе риска, глобализации и информатизации, значительно радикализирующем многие политические и социальные процессы, становятся идеи Л. Н. Толстого о ненасилии как средстве достижения политических целей. В России эти идеи в свое время привлекли очень немногих, но в Индии, Южной Африке они нашли массовую поддержку, оказав мощное влияние на освободительные движения в этих и других странах. На наш взгляд, в современном мире, где степень доступности любого типа оружия (как и его истребительные возможности) становится просто запредельной, ненасилие как средство решения политических проблем оказывается все более эффективным и привлекательным.

Удивительно созвучными чувствам современного человека, все более остро осознающего свою включенность в процессы и состояния более высокого порядка, находящиеся далеко за горизонтом его возможностей видения, оказываются идеи *русского космизма*, как раз синтезирующего и синкретизм, и иерархичность, и радикализм. Они воплощены в следующих его положениях:

— движение истории не хаотично, оно организуется внеисторическим и запредельным для него началом, воплощенным в направленности развития Вселенной на человека (К. Э. Циолковский, Н. Г. Холодный);

— разум господствует во Вселенной, и возникновение жизни и человека не есть результат стохастических, случайных процессов,

¹ Цит. по: Горбунов В. В. Идея соборности в русской религиозной философии. М., 1994.

² Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию // Русское зарубежье. Л., 1991. С. 304.

описываемых статистическими закономерностями (К. Э. Циолковский, Н. А. Умов);

— социальные процессы зависят от космических катаклизмов, прежде всего от активности солнца (А. Л. Чижевский).

Т. Гоббс и Дж. Локк: поиск естественных оснований политики. Между тем в Европе в XVII в. под влиянием господствующего в то время в философии мировоззрения — механицизма — поиск рационального объяснения политики принимает новую форму. В то время казалось, что механика как сугубо рациональная наука может объяснить все: и законы движения небесных тел, и принципы работы рукотворных человеческих инструментов. Ее выводы использовались при создании так похожих на людей движущихся и говорящих кукол, ее пытались положить в основу объяснения хода социальных и исторических событий. Механическую версию политики мы находим у *Томаса Гоббса* (1588—1679).

Если естественное движение тел происходит под воздействием силы тяжести, то в обществе ее аналогом, приводящим в движение людей, служит интерес. Это та сила, которая и сталкивает, и соединяет людей друг с другом, лежит в основе всех общественных взаимодействий. Природа человека отнюдь не идеальна, и люди в естественном состоянии, преследуя свои интересы, друг другу вредят. Поиск условий, обеспечивающих их собственную безопасность, т. е. создающих гарантии их самосохранения, требует обуздания опасного эгоизма человеческой природы — сведения воли многих людей в единую волю искусственного существа — государства, которое Гоббс называет *Левиафаном*, по имени библейского морского чудовища. Так возникает регулируемое законами гражданское состояние отношений между людьми, назначение которого — жесткое подавление отклонений от нормы во имя сохранения гражданского мира и обеспечения безопасности, избавления от бедственного состояния всеобщей войны.

Для *Джона Локка* (1632—1704) борьба людей за реализацию их интересов не ведет однозначно к враждебным отношениям и даже в естественном состоянии содержит возможность кооперации и взаимной выгоды. Природа человека выражается в его правах, в неотделимых от его бытия сущностях: жизни, собственности, свободе. Государство имеет договорную природу и возникает как средство обеспечения гарантий прав человека, его безопасности. В ходе создания государства часть прав отчуждается, передается суверену, государю. Конституция — это документ, где взаимные обязательства и права фиксируются и гарантируются. Нарушение Конституции, т. е. не-

выполнение обязательств по обеспечению взаимной безопасности порождает право народа на восстание.

Тому, что мыслители, стоящие на столь близких онтологических и гносеологических позициях, и к тому же практически современники, принадлежащие одной культуре, дают радикально различающиеся версии государственного управления, есть объяснение: они исходят из совершенно разных толкований природы человека.

У Т. Гоббса человек — это полузверь, в своем эгоизме и своеволии вредящий другим и себе и поэтому нуждающийся в очень жесткой опеке и директивном управлении. У Дж. Локка человек — носитель заложенных Богом сущностных качеств (жизнь, свобода, владение и др.), реализация которых не может повредить ни ему, ни его сородичам. Поэтому надо создавать условия для их максимальной, ничем

не ограниченной реализации, для сотрудничества и взаимопомощи. Естественно, регуляция общественных отношений должна быть минимальной и базироваться на охране столь значимых качеств.

Нетрудно заметить, что Гоббс и Локк продолжили спор, начатый задолго до них, но по сию пору длящийся в политической теории и практике, воплощаясь в аргументах либерализма и консерватизма, марксизма и анархизма...

И у Гоббса, и у Локка большое значение имеет *безопасность* как условие прочности связей, отношений, обязательств между человеком и государством. Отсутствие безопасности эту связь разрушает, приводит к восстаниям, отчуждению, аномии; это относится и к разрушению безопасности в результате деспотической политики государства по отношению к собственному народу. В условиях таких режимов наступает деструкция важнейших человеческих качеств, входящих в права человека, поэтому «индивидуальными правами нельзя жертвовать во имя всеобщего блага»¹.

Дж. Вико и К. Маркс: где границы «делания» истории? Рассмотрение интереса в качестве ведущего мотива политики (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк) служит важным шагом к созданию картины мира политического, приближающейся к непредвзятой картине естественной истории, свободной от возмущающего воздействия субъективных предпочтений. Но довольно скоро становится ясно, что интерес всегда субъективен, так как «человек, действующий исходя из своих интересов, зависит от убеждений (верований) в том, что для него хорошо или предпочтительно»². Для Гоббса это служит основой разграничения естественной (где нет элемента субъективности) и социальной

¹ Гуторов В. А. Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // Полис. 2001. № 1. С. 164.

² Ball T. Op. cit. P. 59.

истории (где он очевидно присутствует даже в объективных основаниях): в природе являет себя искусство Бога, в обществе — искусство человека: «причины естественных вещей не в нашей власти, но в Боге, и мы не можем вывести их качества из этих причин... но мы сами создаем принципы, становящиеся причинами справедливости и несправедливости (законы и соглашения)»¹.

Итальянский мыслитель *Джамбаттиста Вико* (1668—1744) делает отсюда вывод, что мы можем познать историю, потому что сами ее делаем, а *Карл Маркс* (1818—1883) усиливает эту позицию положением, что «история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»², а ее «обстоятельства изменяются именно людьми»³.

Утверждение идеи свободы, ответственности человека в истории, трактовка политики как акта творения истории имеют и обратную сторону: способствуют формированию уверенности в независимости от наличных обстоятельств, практически снимая вопрос о пределах социальной активности, вопрос о том, как далеко человек может зайти в преобразовании социальной действительности. В радикальных политических движениях XX в. эти границы отрицались, а политика превращалась в акт творения истории.

Вообще практически во всех философских и политических учениях считалось, что таким пределом служит сам человек, его неизменные сущностные качества. Они могут быть разными в зависимости от предпочтений, но они всегда в человеке присутствуют и определяют основные черты его бытия. В «Тезисах о Фейербахе» Маркс предлагает иную трактовку сущности человека, отказываясь от рассмотрения ее в качестве неизменной константы: «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть ансамбль общественных отношений»⁴, изменяющийся со сменой этих отношений, что может происходить как естественным, так и организованным путем. Русский последователь Маркса — В. И. Ленин (1870—1924) это положение еще более радикализирует, рассматривая политику как механизм творения истории, состоящий

из таких элементов, как *идеология* (овладевая массами, она становится материальной силой) и *организация* (основное средство материализации идеи).

Консерватизм Э. Бёрка: прорыв Востока на Запад. Пафос европейского Просвещения XVIII в. — в торжестве механически понятой рациональности. В работах Руссо, Вольтера, Дидро активно обсужда-

¹ Ball T. Op. cit. P. 95.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 102.

³ Там же. Т. 3. С. 2.

⁴ Там же. С. 3.

лись основные принципы разумного устройства и переустройства общества, в ходе этого обсуждения возникли различные проекты их практической реализации, а в работах утопистов (Сен-Симон, Фурье, Оуэн) достаточно подробно описывалась жизнь в таком обществе, где все рационально организовано и математически точно отмерено. Ведь что такое фаланстер, как не копия механического кукольного театра, где у каждого есть своя строго отмеренная роль — функция, где есть общий двигатель, воплощающий относительно данного места общий закон, общую волю, есть и маленькие двигатели — пружинки, которые позволяют каждой куколке-человечку свободно — самостоятельно и отмеренно — выполнять свое действие.

Но основанные на этих утопиях и других проектах попытки рационального переустройства общества, как правило, оборачивались совершенно неожиданными последствиями. И какими! Постоянное нежелание реальной политики и истории подчиняться рациональному проектированию и расчету рождает сомнения в безграничных возможностях человеческого разума, уверенность в его ограниченности. Основные философские аргументы консерватизма — политической идеологии, отвергающей рациональное насилие над историей, настаивающей на необходимости понимания бесконечной сложности социальных организмов, учета традиций и исторического опыта, — были сформулированы прозорливым англичанином *Эдмундом Бёрком* (1729—1797) в работе «Рассуждения о революции во Франции». Гениальность этого мыслителя заключалась прежде всего в том, что выводы из европейских катаклизмов конца XVIII — первой половины XIX в. им были сделаны, собственно, еще до того, как они произошли, ведь в 1790 г., когда была впервые опубликована эта работа, «заря свободы» еще только разгоралась.

Э. Бёрк считал общество результатом взаимодействия бесконечного множества разнородных компонентов. Пытаться его радикально изменить, направить жизнь с помощью столь несовершенного инструмента, каким является человеческий разум, исходя из ложной уверенности в его всемогуществе, — значит делать серьезную ошибку, порождая из благих пожеланий неожиданные и непредсказуемые последствия. Поскольку возможности человеческого познания ограничены, то его наиболее приемлемой формой служит опыт, его учтивание и постепенное закрепление в традициях и морали человечества, ведь «человеческий род мудр, а индивид — нет». Поэтому именно институты, устойчивые и устоявшиеся отношения, главные из которых — отношения собственности и социальная иерархия (неравенство), формируют человека, а не наоборот.

На основе философской аргументации делались политически значимые выводы:

— негативную оценку Бёрка получила популярная в эпоху Просвещения идея народного суверенитета — из-за возможности прихода в политику людей с весьма низким уровнем интеллекта и слабым интересом к политике, т. е. к общим, а не частным делам;

— для общества приемлемы только медленные, постепенные перемены, в ходе которых возможны учетывание и использование опыта предшествующих поколений.

Нетрудно заметить, что основные принципы европейского консерватизма удивительным образом совпадают с идеями и принципами, сформулированными Конфуцием и даосскими мудрецами, убеждая нас в том, что данный тип мировоззрения и мировосприятия связан не столько с определенным временем и историческими событиями, сколько с определенным типом мышления и отношения к жизни, периодически продуцируемым в истории. Во главу угла здесь помещена установка на уже ставшее в переменах, приоритет ценности того, что есть, а не того, что может быть. То, что такое отношение к переменам постоянно присутствует в политике, время от времени актуализируясь острейшим образом, политический опыт последней четверти XX и начала XXI в. показал достаточно ясно.

И. Кант: критика и защита политического разума. Творческое наследие великого немецкого философа *Иммануила Канта* (1724—1804) — пожалуй, наиболее яркий пример глубины влияния собственно философских идей на содержание как политических идей и концепций, так и проблемного поля политики, причем в весьма отдаленной временной перспективе. Присутствие этого влияния нетрудно обнаружить как в современной политической лексике, так и в содержании многих политических документов, особенно международных. В значительной мере современный политический дискурс сформировался под влиянием философии Канта.

Как бы предчувствуя (а может быть, и задавая) всю остроту спора, которому еще только предстоит развернуться в XIX и XX вв. относительно возможности переустройства общества на рациональной основе, Кант предпринимает в своих работах критический анализ познающего и практического разума для определения пределов и критериев его достоверности. Он доказывает, что эти пределы существуют в порожденных самой природой познания и деятельности человека границах возможности человеческого разума в познании, проектировании, построении социального мира. Эти пределы огромны, как огромна и ответственность человека, как рода, так и индивида. Политику Кант

представляет важнейшим инструментом рациональной организации мира, значительным, мощным, но не всемогущим.

Громадный потенциал политической рациональности теряется или переходит в свою противоположность, порождая непредвиденные и разрушительные для человеческого рода последствия, с того момента, когда человек вступает в противоречие со своей сущностью, которая складывается:

— из свободы, которая, по Канту, есть возможность спонтанной причинности, существующая только в человеческом мире; и поскольку «свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам, — это одно и то же»¹, безусловный нравственный закон — категорический императив — гласит: «*Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы*

она стала всеобщим законом»²;

— автономии личности, предполагающей в том числе и инициативу, конкуренцию, наличие у человека разнообразных возможностей;

— гражданского общества, как сообщества людей, имеющих нерушимые права и защищенных поэтому правовым (т. е. признающим эти права) законом;

— правовой регуляции общения между свободными людьми, возникающей для сдерживания правом естественного, вытекающего из природы автономии личности эгоизма; право в таком случае служит совокупностью условий, «при которых произволение одного (лица) совместимо с произволением другого с точки зрения всеобщего закона свободы»³. Как человек не может быть средством для другого человека, так и право не может быть средством для политики;

— правового государства, которое Кант представлял не как данность, а как цель исторического развития. Оно имеет такие признаки, как принадлежность законодательной власти объединенной воле народа, подчинение исполнительной власти закону и независимость судей.

В трактате «К вечному миру» И. Кант изложил принципы международной политики, чрезвычайно созвучные ее современному состоянию и актуальным задачам. По его мнению, договор о вечном мире не должен содержать тайных статей; государства, его заключающие, должны отказаться от захвата других государств и не иметь постоянных армий; при этом для народа и мира важен способ правления (политический режим) в том или ином государстве, заключающем договор, а не форма государства.

¹ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 290.

² Кант И. Метафизика нравов // Соч.: в 8 т. Т. 6. М., 1994. С. 133.

³ Там же. С. 140.

Польза как основа рациональной политики. Эпоха Просвещения раскрывает важное качество разума как родового качества человека — его способность социального проектирования. Раньше роль разума в политике — в обустройстве общих дел — выглядела как обобщение опыта, организация целенаправленного действия и эффективная защита общих или личных интересов. Но в конце XVIII в. в Северной Америке и во Франции происходят революции, приведшие к существенным преобразованиям: реализуются мировоззренческие принципы, политические идеи и социальные проекты, выросшие из философских и политических дебатов, проектов справедливого и необходимого переустройства общества.

Но даже предварительные итоги этих преобразований, опирающихся на сходные философские и политические принципы, были, как известно, радикально различны. В Северной Америке на основе разумно спроектированной и более или менее рационально обсужденной Конституции (действующей, как известно, по сию пору) возникло государство, уже через 100 лет занявшее лидерские позиции в мире. Во Франции реализация тех же идей и лозунгов обернулась неожиданными и негативными последствиями как для французов, так и для других европейских народов: террором, войнами, реставрациями и т. д. Конечно, эта гигантская встряска не только погубила, но и воодушевила многих, но очевидно, что воплощения лозунгов Свободы, Равенства и Братства не получилось. Становится ясно, что политика, власть, государство — это гигантская сила, способная изменять мир под воздействием идей, причем очень часто далеко не в лучшую сторону.

В этих условиях радикально обостряется вопрос о критерии разумности рациональной политики, ведь политика может быть инструментом реализации как благородных (или кажущихся таковыми) побуждений, так и корыстных замыслов, эгоистических интересов, пустых, эфемерных намерений, а то и просто ужасающих химер.

Такой рациональный критерий предложил великий англичанин *Иеремия Бентам* (1748 — 1832): наибольшая счастье для наибольшего

Джереми Бентам (1748—1832), наибольшее счастье для наибольшего количества людей, понимая под счастьем минимум страдания при максимуме удовольствия. Полезность означает способность политической системы обеспечить движение от первого ко второму в направлении к росту социального благосостояния¹. Такая цель политики многими критиками И. Бентама оценивается как слишком приземленная, прагматичная, его называют «утилитаристом». К тому же критерий счастья кажется весьма неопределенным, относительным, субъективным. Однако ясно, что общего для всех счастья не бывает,

¹ См.: Plant R. Op. cit. P. 140.

оно у каждого человека свое, имеет выраженный субъективный, даже личный смысл. Существует счастье человека, но не бывает «счастья государства» или «счастья народов». Именно человек, а не оруэлловское «министерство правды» или геббельсовское министерство пропаганды служит конечной инстанцией, определяющей, хорошо ему или плохо.

Разумность данного критерия выражается и в том, что он прост и неопределен, может наполняться различным субъективным смыслом и не сопрягается с детализированными планами грандиозных социальных переустройств, предпринимаемых глубокими знатоками человеческих потребностей и интересов, так хорошо знающими, что каждому человеку должно быть отмерено.

История обществ, где идея таким образом понятого утилитаризма была воспринята, оказалась более благоприятной, нежели обществ, где возобладали политические идеи и практики, считающие такого рода цель слишком «утилитарной», приземленной, по сравнению со всякого рода проектами социальных переустройств. Люди предпочитают жить в обществах «победившего утилитаризма» и покидают другие, занятые реализацией очередного сочиненного бюрократами или лукавыми благодетелями человечества грандиозного проекта.

Иррационалистический поворот в европейской философии и его отражение в политике. Классический этап в развитии философии отразился в политической мысли и иницилируемой ею политической практике в таких характеристиках, как:

- универсальность — уверенность в возможности создания и полезности практического применения целостного, системного знания;
- линейный детерминизм, четко выраженный в идее «первичности» материальной или идеальной субстанции;
- жесткое разделение объекта и субъекта, человека и мира;
- рационализм как убежденность в возможности рационального познания и истолкования мира; отождествление духовности и законов логики.

Неклассический этап означает изменение общего настроения культуры, разочарование в разуме, науке, критическое отношение к рационалистическому сознанию. Он характеризуется поиском новых оснований бытия и способов его понимания, интересом к субъекту, растущим осознанием зависимости от него мира политики.

Особое значение имело наступившее под воздействием критического переосмысления опыта европейских революций и войн конца XVIII — начала XIX в. разочарование в безграничных возможностях разума как средства познания и преобразования действительности, критика рациональности в философии европейского иррационализма

(А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Н. Гартман). Методологическими следствиями этого стали существенные преобразования в способах интерпретации действительности:

- расширение методов философствования, выход за рамки рациональности, подключение к интерпретации интуиции, мистики, поэтики, других способов художественного, а также психологического познания;

- переход от идей линейного детерминизма к полидетерминизму и многофакторности как объяснительным принципам;

- понимание невозможности возникновения знания, полностью свободного от влияния субъекта;

- изменение предмета философии, включение в него таких тем, как жизнь, воля, язык, психика, интуиция, — того, что не делится (анализируется) разумом без остатка, поддержание интереса к этим остаткам;

- движение от логики — к поэтике, от понятия — к метафоре.

Как считал *Артур Шопенгауэр* (1788—1860), в главном «мы руководствуемся не столько ясным пониманием того, что надо делать, сколько внутренним импульсом, можно сказать — инстинктом, который исходит из самой глубины нашего существа»¹, ведь понятия науки не дают знания подлинной сущности, его дает наглядное постижение мира через интуицию, озарение, откровение.

Важным методологическим средством рассмотрения как отдельных политических явлений, так и интерпретации политики в целом становится категория жизни. Благодаря Ф. Ницше в жизни начинают видеть длящееся, непреодолимое противоречие между укорененностью, устойчивостью и стремлением к изменению, выходом за пределы наличного состояния. Важнейшим проявлением жизни, т. е. связи с глубинными параметрами человеческого бытия, служит власть, которая, как и культура и порядок, имеет иерархическую организацию².

Понимание политики как жизни, а того и другого — как проявлений бессознательного было предложено О. Шпенглером, видевшим смысл жизни в вечном, непрестанном становлении³. Специфика духовного освоения жизненных процессов заключается, по его мнению, в выходе за рамки привычных, омертвляющих эти процессы форм рационального познания, в обращении к таким проявлениям духовной деятельности, где объективное не отделяется и не противопоставляется субъективному: к переживанию, аналогии, интуиции, озарению.

¹ Шопенгауэр А. Избранные произведения. М., 1993. С. 342.

² См.: Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 633, 686.

³ См.: Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М., 1993. С. 103, 184.

Это меняет представления и о качествах, необходимых для успешного политического действия и руководства им. Созревает понимание востребованности для политического деятеля не только знаний, но и опыта, инстинкта¹.

Г. Лассуэлл, мировоззрение которого формировалось под сильным влиянием идей З. Фрейда, интересовался ролью бессознательного в политике, иррациональными аспектами человеческого бытия. Благодаря его классической работе «Психопатология и политика» произошел очень важный для последующего развития политической науки поворот от изучения институциональной стороны политики к анализу поведения, зависимости политики от человеческой природы и активности. Выражение этой стороны политической реальности нуждается в специфических средствах, понятиях и методиках.

Мотивация поведения в политике осуществляется в результате конфликта между социально адаптированными и неадаптированными импульсами личности, а психические качества человека отражаются на его политическом поведении, той роли в политике, которую он на себя берет. Г. Лассуэлл был уверен, что важнейшие предпосылки этого поведения формируются в результате политической социализации, при определяющей роли семьи, влияние которой может быть лишь частично рефлексировано, в основном же оно осуществляется на подсознательном уровне. Поэтому психологические методы описания личности оказываются вполне приемлемыми для анализа политического поведения.

Своеобразную комбинацию философского иррационализма и политического радикализма мы находим в **анархо-синдикализме**. Его крупнейший теоретик *Жорж Сорель* (1847—1922) создал «политическую философию активного радикализма, основанного на иррационализме — на превосходстве мифа, выбрасывающего впечатление, над здравым смыслом»².

Если рационализм и детерминизм сковывают человека, то именно бессознательное является источником спонтанного массового действия. Это происходит, по мнению Ж. Сореля, в силу следующих причин.

Поскольку рациональное мышление неспособно проникнуть в глубинные основы социальных изменений, то следствием исторической работы разума служит социальный и моральный хаос³. Так происходит банкротство объективистской интерпретации истории, осво-

¹ См.: Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 105.

² Horowitz I. L. Radicalism and revolt against reason: The Social Theories of Georges Sorel. L., 1961. P. 2.

³ См.: Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1907. С. 35.

божающей познание от присутствия субъекта и снимающей с него ответственность за развитие событий. Понимание реальной истории требует участия в ней. Детерминизм рождает фатализм и оборачивается оппортунизмом. Именно в таком направлении развития Сорель в своих «Размышлениях о насилии» обвинял Маркса.

По его же убеждению, активность несовместима с детерминизмом, а эмпирическая история не имеет директивной ценности. Поэтому решение действовать принимается импульсивно, а не на основе рационального предвидения. Огромную роль здесь играет миф, который возбуждает и направляет импульс, приобретает тем самым способность фокусировать энергию масс.

Единственным эффективным средством воздействия на массы оказывается в таком случае насилие. Оно существует в двух основных ипостасях — авторитет (власти) и восстание — и является двигателем примитивного сознания. Поскольку воплощающая первый вид насилия демократия лишь маскирует государственное насилие, Сорель настаивает на том, что потребности масс могут быть удовлетворены лишь в рамках его второго вида — «при прямом конфликте с политиками вне структуры политики»¹. Что и называется «тактикой прямого действия».

Важнейшим элементом этой тактики анархо-синдикалисты считают всеобщую забастовку — действие, способное разом решить основные проблемы социалистической революции: «всеобщая забастовка есть именно та мифологическая концепция, в которой заключен весь социализм: совокупность образов, способных вызвать именно те чувства, которые соответствуют различным проявлениям социалистической борьбы против современного общества»².

Анархо-синдикализм — леворадикальная политическая концепция. Но по своим философским, методологическим основаниям она удивительным образом сочетается с аргументами правых радикалов: «интеллектуалы — враги режима», «масса понимает только простые истины», «народ не состоит из людей, способных думать, рассуж-

истины», «народ не состоит из людей, способных здраво рассуждать» — а тактика прямого действия положена в основу принципов штурмовых отрядов: дисциплина и натиск. Конкретным носителем и воплощением мифа является вождь, под истерические вопли которого: «Судьба указывает нам перстом, выдав Россию в руки большевизма», «культурный и образованный» немецкий народ ринулся на Восток. И надо было положить миллионы жизней, разрушить практически всю Европу, чтобы культура и образование все-таки снова

¹ Цит. по: *Horowitz I. L.* Op. cit. P. 80.

² *Сорель Ж.* Указ. соч. С. 58.

возобладали над мифом и истерией, обманом и жестокостью, а люди снова стали людьми, а не машинами для убийства.

Неокантианские корни социал-демократической политики. Возникшее в конце XIX в. философское течение **неокантианства** (*Г. Коген* (1842—1918), *П. Натоп* (1854—1924), *В. Виндельбанд* (1848—1915), *Г. Риккерт* (1863—1936)) вызвало важные преобразования в методологии социального познания, понимании его специфики.

Неокантианство связано с четким разделением сфер естественно-научного (характеризующегося интересом к общему) и социального, культурно-исторического познания, для которого характерен интерес к единичному, индивидуальному.

Методология генерализации в естественных науках и индивидуализации в науках гуманитарных обусловлены спецификой объекта познания в том и в другом случаях. Природа — это совокупность того, что возникло само собой, культура — это то, что создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям. Поэтому во всех явлениях культуры всегда воплощаются ценности, ради которых эти явления создаются, а всякая реальность имеет свой неповторимый индивидуальный отпечаток¹.

Макс Вебер (1864—1920) вводит ценностную проблематику в контекст политических исследований, доказывая, что ценностную природу имеют многие политические явления. Политические ориентации и предпочтения, идеологии и политические движения, способы восприятия мира политического и представления о наиболее приемлемых способах его организации своими корнями уходят в представления о значимости того или иного явления для субъекта. Мир ценностей для политики и ее изучения не менее важен, чем мир объективных условий, интересов, последствий политических действий.

Различие ценностных ориентаций предопределяет и различие типов действующих в политике людей: «Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как к средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает»². По М. Веберу, к политике можно относиться как к призванию: и жить и действовать «для» нее, а можно относиться к ней как к профессии: жить «за счет» политики, видя в ней постоянный источник дохода³. Нетрудно видеть, что определяющие различия между действующими в политике людьми сводятся к этим основным характеристикам.

¹ См.: *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911. С. 52—67.

² *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. С. 646.

³ Там же.

Обращение к ценностной проблематике заменило линейный детерминизм интересом к духовной стороне политического мира, многообразием ее состояний и проявлений. Это снизило степень радикализма в трактовке многих политических явлений и направлений политического действия. Так, социализм начинает рассматриваться не столько как неизбежный этап в развитии общества, predetermined наличными условиями и интересами действующих сил, как цель конкретного политического действия, а как ценность, направляющая долговременное движение к желаемому состоянию и воплощающаяся в действительность постепенно.

Нараставшие разногласия между радикалами и реформистами раскололи рабочее социалистическое движение, привели к образованию двух его направлений: коммунистического (В. И. Ленин и его сторонники) и социал-демократического (последователи Э. Бернштейна, К. Каутского). Коммунисты опирались на учение К. Маркса о неизбежности смены общественно-экономических формаций: объективно происходящие при капитализме изменения в экономической структуре общества служат предпосылками для реализации целей социалистической революции. Элементами механизма реализации этих закономерно обусловленных целей (программы социалистического переустройства общества, коммунистического строительства) служат последовательная классовая борьба, деятельность политической партии, выражающей интересы рабочих, совпадающих с интересами общества в целом, и установление диктатуры пролетариата.

Социал-демократы отказались от представления о социалистическом переустройстве общества как решения четкой задачи, реализации конкретной цели в течение короткого промежутка времени. Социальное переустройство мыслилось не как единовременный акт, но как результат долговременного движения в избранном направлении, предполагающий солидарные усилия всех социальных слоев. В таком случае отпадает потребность и в таких решающих звеньях механизма преобразования, как социалистическая революция, диктатура пролетариата.

Результаты практической реализации двух проектов в течение XX в. известны.

Революционный проект, столь привлекательный своей быстротой и целостностью преобразования, обернулся и неожиданными последствиями, и результатами, мизерными при сопоставлении с теми гигантскими усилиями и жертвами, которых потребовала его реализация. Ставшие (или поставленные) на этот путь развития общества вернулись, по сути дела, в свои начальные перед революционным социалистическим экспериментом состояния, не обеспечив ни качественного экономического роста, ни приемлемого уровня благосостоя-

ния, ни особых политических привилегий своим гражданам (демократия, снижение роли бюрократии, свобода). Социальная однородность как цель такого рода преобразований также оказалась недостижимой.

Результативность социал-демократического пути была более эффективной и стабильной. Не сразу, но последовательно в обществах, где социал-демократы в разное время приходили к власти, устойчиво рос жизненный уровень трудящихся, были выработаны эффективные механизмы социального партнерства и политического контроля населения над властью. Реализация социал-демократического проекта не требовала непомерных социальных усилий, жертв и невиданных трансформаций в социальной системе.

Причина кроется в более точном понимании специфики природы человека и общества — их колоссального многообразия и сложности.

Радикально формулируемые цели, наоборот, превращаются в противоположные первоначальным замыслам результаты: свобода труда — в его неэффективную и принудительную организацию; отмена (отмирание) государства — в корыстную и жестокую бюрократическую машину; изобилие — в скудость; расцвет культуры — в «социалистический реализм», когда искусство творит то, что «должно, желательно быть», являясь, по сути дела, разновидностью сюрреализма; свободный человек — в зарегламентированную, скованную идеологическими предрассудками и нищетой личность.

К. Поппер против историцизма и «закрытого общества». В развернутом виде аргументацию, объясняющую возможность такого рода исторической аберрации, мы находим у *Карла Поппера* (1902—1994), одинаково много сделавшего как для становления философии позитивизма, так и для развития политической науки.

Следуя за М. Вебером, отказавшимся от поиска тотальных форм обобщения исторической реальности, он стремился доказать невозможность нахождения необходимых и устойчивых связей — исторических закономерностей — средствами науки. Среди приводимых аргументов особенно важны следующие:

— очевидное различие природы и общества выражается и в различии действующих в этих средах законов: для природы характерны объективные, естественным образом реализующиеся закономерности, в обществе действуют нормативные, самими людьми устанавливаемые законы, и оценивание вторых по образу первых — существенная ошибка, порождающая пагубные политические последствия¹;

¹ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1: Чары Платона. М., 1992. С. 91.

— поиск таких законов не может быть делом науки в силу невозможности точного описания объекта с практически бесконечной степенью сложности, коим и является общество;

— в ходе истории развития человеческой мысли выявилась неоправданность каких-либо схем: круговорота, прогресса, смены формаций и замкнутых на себя цивилизаций.

Исходя из этого, делается вывод о том, что законы и долговременные тенденции исторического движения выявить практически невозможно. Что подвластно человеческому мышлению, так это способность обнаружить недолго длящиеся, но зато очевидные тенденции исторических изменений и приспособляться к ним, каждый раз с появлением новых обстоятельств и тенденций меняя план и направление действий. Различие методологических ориентаций предопределяет особые типологии политических действий.

Методология первого типа (К. Поппер называет ее *историцизмом*) рождает всякого рода тоталитарные искушения, будирует страсть к радикальным изменениям, построенным на уверенности в возможности целостного охвата истории и ее интерпретации на основе определенного принципа, на однозначном предвидении и деятельности на его основе. Но движение к отдаленной, раз навсегда установленной цели бессмысленно, так как сама цель обязательно изменится с течением времени и сменой обстоятельств¹. Невозможным оказывается и планирование общественной жизни в силу ее бесконечной сложности и многообразия, наличия огромного количества тенденций и обстоятельств, влияющих на развитие. Поэтому, считает Поппер, «историцизм должен быть заменен логикой ситуаций»².

Для демократического общества оказывается приемлемой иная методология политического действия — *социальная инженерия*, характеризующаяся признанием плюрализма как естественного основания принятия политических решений. Они не ориентируются на однозначно предсказанную историческую перспективу, а учитывают конкретные

предказанную историческую перспективу, а учитывают конкретные обстоятельства, в которых разворачивается политическое действие.

Смысл политического развития Поппер видел в движении от «закрытого» к «открытому» обществу, в котором индивид максимально свободен от разного рода историцистских схем — религиозных, идеологических, утопических — он больше полагается на свой разум и строит политику в кооперации с другими людьми, такими же свободными и разумными.

¹ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. С. 203.

² Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 51.

Структуралистская версия политического постоянства. В середине XX в. в методологии науки и философии начинается мощное движение, связанное с интересом к исследованию проблем целостности, взаимосвязи, тех новых свойств и качеств явлений, которые появляются именно в результате взаимодействия. Общим принципом этого движения стало понимание того, что качества объектов зависят не только от их субстрата, но и способов соотношения его частей. Системное движение отвечает на потребности развития реальной практики, в том числе техники, где все большее значение приобретают не столько отдельные механизмы или инструменты, сколько сложные системы отношений между объектами; экономики — где нарастают процессы интеграции, а глобальные зависимости разных сегментов рынка и производства становятся решающим фактором развития.

Большое значение имело становление системного анализа политической жизни и формирование понятия политической системы, произошедшее благодаря новаторским работам американского политолога Дэвида Истона (1917—2014). В значительной степени эта методология основана на использовании общих принципов и методик сформировавшейся к тому времени общей теории систем. Благодаря ей политическая теория приобретает новый облик: «От традиций в духе Платона, Аристотеля современная теория отличается описательностью, эмпирической ориентированностью, бихевиористичностью, операциональностью и причинностью»¹.

Внимание исследователя сосредоточивается на анализе взаимодействий: людей между собой, образующих системы поведения (при этом специфика политических систем видится в том, что «ценности взаимодействия в ней устанавливаются авторитарно»²), и системы со средой.

Несомненно повлиял на реализацию этой идеи показавший к середине XX в. свою эвристическую ценность системный метод познания, среди важнейших принципов которого:

— идея целостности системы — образования в результате сочетания разнообразных явлений новых качеств, свойств, которыми они не обладают в разрозненном состоянии;

— значение выявления всего многообразия связей системы с внешней средой; описание каналов, способов такого взаимодействия имеет большое значение для правильного понимания отношений внутри системы;

— представление о том, что жизнь системы определяется взаимодействием происходящих в ней процессов изменения и стабилиза-

¹ Easton D. A. Systems Analysis of Political Life. N. Y., 1967. P. 5.

² Ibid. P. 21.

ции, обновления и сохранения, что длительное, нарастающее их нарушение оборачивается разрушением системы.

Д. Истон видел смысл политической системы в учете взаимодействия со средой; сущность системного анализа политической жизни — в выявлении способов поддержания равновесия, а назначение политической системы — в растворении социальных различий, преодолении политических конфликтов и противоречий¹.

Системный подход позволяет определить, формализовать и описать все многообразие связей как внутри, так и вне политики, четко выделить составляющие политическую жизнь компоненты. Он дает возможность сравнительного анализа различных типов политических систем, применения математического аппарата в политологических исследованиях.

Структуралистское движение в философии отмечено ростом интереса к исследованию глубинных, неизменных качеств и оснований в разнообразных сферах (культуре, языке, сознании, политике), эти константы и называются *структурами*. Для развития политического знания в этом направлении большое значение имели новаторские работы французских исследователей *Мишеля Фуко* (1926—1984) и *Пьера Бурдьё* (1930—2002), предложивших свои оригинальные версии константных характеристик политики и власти. Власть, по М. Фуко, — это сеть разнообразных зависимостей без руководящего центра и без суверена, сочетающая в себе надзор, принуждение, нормативность и дисциплину как всестороннюю детализацию поведения, «искусство ранга и технику преобразования размещений»².

Политику они понимают как явление, укорененное в таких фундаментальных, органически присущих обществу отношениях, как иерархия, господство, распределение ролей, в таких мыслительных структурах и операциях, как анализ (разделение), синтез (обобщение, объединение), целерациональность. Весьма емким и значимым для отражения специфики социального и политического пространства, в рамках которого осуществляется распределение власти и прибыли, определения места отношений действующих в обществе сил, оказывается введенная П. Бурдьё категория *поля* как «структуры рядоположенности социальных позиций»³.

Обращение к исследованию устойчивых, неизменных во времени качеств политики, выявление их связи с сущностными характеристиками человеческой деятельности и мышления инициировали рост интереса к политической антропологии — изучению таких качеств и отношений в догосударственных, «примитивных» обществах. Это

¹ См.: Easton D. Op. cit. P. 18—19, 153.

² Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 213.

³ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 35.

также способствовало дальнейшему анализу колоссального разнообразия властных отношений, установлению их управленческих, психологических, моральных параметров. Природа власти заключена во взаимодействии, взаимовлиянии, в ее способности конвертироваться в другие виды социального капитала.

Принципы синергетики и сетевая политика. Благодаря синергетике утверждается представление об упорядоченности как результате сложного взаимодействия разнонаправленных тенденций бытия, соотношения случайных и целесообразных механизмов в его становлении. Политическая упорядоченность формируется не только при помощи законов, но и различных параметров, участвующих в обеспечении существования социальной системы, например, в виде ограничений, инвариантности, постоянства соотношений, регулярности¹. Наряду с

целенаправленными усилиями в социальных системах действуют собственные процессы самоорганизации, среди которых наибольшей значимостью обладают:

- необратимость движения системы к состоянию, соответствующему максимуму вероятности;
- установление упорядоченности через случайные отклонения — флуктуации;
- наличие множества путей развития системы, возникновение в их пересечении точек бифуркации, характеризующихся множественным расслоением следствий;
- конструктивная роль хаоса, который рассматривается не только как предел упорядоченности, порог, за которым начинается разрушение системы, но и как начало движения к новому порядку.

Можно говорить о порядке и хаосе как о предрасположенных, виртуальных по отношению друг другу формах существования. Так, очевидно, что чревато движением к хаосу anomia — состояние разрушения, падения влияния норм на отношения между людьми, но хаосом чревато и обратное — состояние чрезмерной институализации и нормативизации². Хаотизирующий эффект здесь оказывается следствием той несвободы, которая наступает в результате излишней, сковывающей агента действия детализации, а «система, где нет автономии, не выдерживает больших напряжений»³. «Анархия может быть проявлением хаоса, но может быть и формой порядка, если воспроизводит с постоянством присущие ей черты»⁴.

¹ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 28.

² См.: Федотова В. Г. Анархия и порядок. М., 2000. С. 21.

³ Кравец А. С. Вероятность и системы. Воронеж, 1970.

⁴ Федотова В. Г. Анархия и порядок. С. 32—33.

Синергетические идеи в значительной мере повлияли на формирование представления о сложности механизмов и многообразии источников упорядочения, привели к пониманию, что децентрализация и нарастание разнообразия не обязательно и не всегда хаотизируют состояние объекта, более того — могут порождать новые формы упорядочения.

Сопряженные с развитием постиндустриальной технической базы управления большими социальными системами такие представления вызвали интерес к изучению и созданию иных — неиерархизированных, спонтанно возникающих форм организаций — сетей, для которых характерны децентрализация, активность и самостоятельность каждого звена, постоянное движение, циркуляция и обмен информацией.

Для сетей характерны:

- децентрализация, отсутствие иерархии;
- координация и управление без жесткой (фиксированной, институциональной, аппаратной) специализации;
- нацеленность на обмен информационными и материальными ресурсами;
- отношения доверия, возникающие на основе общих ценностей;
- непостоянство состава участников;
- неформальное участие, отсутствие фиксированного членства;
- направленность на решение определенных проблем;
- самостоятельность каждого звена, незапрограммированность его поведения¹.

Поскольку любое властное отношение предполагает обмен информационными и материальными ресурсами, а сеть как раз предназначена для такого обмена, многие виды отношений в ней носят властный характер и имеют очевидное политическое значение. Но в сети их своеобразие заключается в том, что власть реализует себя в нежестких, вариативных отношениях, лишенных выраженной или нормативной иерархичности, с размытыми санкциями, или вообще при от-

сутствии таковых.

Преимущества сетевой коммуникации для становления активной политики и политического участия — в ее интерактивном характере, практически не ограниченных возможностях контактов и иницилируемых на их основе действий. Но при этом возникают и существенные преграды. Ячейки сетевого сообщества реально изолированы, а «дея-

¹ См.: Дегтярев А. А. Принятие политических решений. М., 2004. С. 122—125; Сергеев В. М., Сергеев К. В. Механизм эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети // Полис. 2003. № 3. С. 53; Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2002. С. 229; Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003. С. 270.

тельность в условиях сетевого пространства, децентрализованного, лишенного непосредственности взаимодействия, деятельность в отсутствие вертикальной иерархии подрывает привычные стратегии взаимодействия индивидов¹. В сети возникают новые формы не только свободы и общения, но и контроля и властной зависимости, появляется и «нетократия» — круг людей, влияющих на направление и распределение информационных потоков.

Философия постмодерна и политическая практика. Вторая половина XX столетия — время научно-технической революции, невиданных успехов науки и инноваций, буквально преобразивших основания и структуру производства, формирования постиндустриального общества. Производство, распространение научных знаний становятся ведущей силой социальных изменений. Всесторонность и радикальность преобразований позволяют говорить о формировании нового типа общества — постиндустриальной цивилизации.

Но и традиция антиинтеллектуализма, критического отношения и отторжения разумных оснований социального устройства получает новые импульсы, активно влияет на строй культуры, СМИ, досуг.

Для политической философии постмодерна характерна радикальная критика тоталитарных интенций любой власти, разоблачение культурных, мыслительных процедур и средств ее легитимации через навязывание определенных правил дискурса (Ф. Лиотар).

Постмодернисты исходили из методологической предпосылки о грандиозных преобразованиях, происходящих в мыслительной деятельности человека. Она становится другой вследствие увеличения объема поступающей и доступной информации, повышения скорости мыслительных процессов, радикального расширения сенсорных возможностей человечества, доступности и разнообразия источников информации, трансформации самой логики мыслительных операций.

В качестве политически значимых принципов сторонники постмодерна декларируют децентрализацию, нигилизм, неприятие тотальности, взаимосвязанности мира. Поскольку глобальные трансформации невозможны из-за разделенности, обособленности индивидуального бытия (С. Жижек), постмодернисты выступают за спонтанность установления связей между людьми без предварительных условий².

Социальность, по мнению постмодернистов, все в большей мере приобретает знаковый характер, осуществляется в символической форме. Мир реальных социальных отношений если не замещается или

¹ Тихонова С. В. Коммуникативная революция сегодня: информация и сеть // Полис. 2007. № 3. С. 59.

² См.: Сморгунов Л. В. Философия и политика: Очерки политической философии и современная российская ситуация. М., 2007. С. 94—95.

вытесняется, то уж явно подчиняется этому символическому, состоящему из рукотворных объектов миру. Происходит и виртуализация мира политики, он насыщается образами, знаками, а политическая деятельность в значительной мере связана с виртуальными объектами.

Главное, что радикально меняет ситуацию, — возникающая в новой социальной среде возможность формирования и внедрения искусственных потребностей¹, что делает основание политики не только все более зависимым и управляемым феноменом, но вообще меняет его, делает в значительной степени регулируемым. Если раньше информация была посредником между человеком и средой, доносящим важные данные о ее изменении, то теперь она становится силой, непосредственно воздействующей на человека.

Виртуальная, знаковая среда творит символы нового типа — симулякры, знаки, не имеющие своего аналога в реальности, подчас живущие сами по себе и не представляющие в коммуникации ничего, кроме скрытой воли своего создателя.

Размывание ткани социально-политической реальности преобразует фундаментальные онтологические основания политики. В условиях всеобщности, доступности информации необходимость в иерархизированной упорядоченности, в значительной степени служащей формой распределения, дозирования дефицитной и ограниченной информации, уходит.

Методологически важным для постмодернизма является положение, выдвинутое французским философом Франсуа Лиотаром о «тотальном недоверии к метанарративам целостности», отдающее приоритет технике дезинтеграции и волюнтаризации мира.

Составляющими этой техники служат процедуры:

— децентрации — отрицания, разрушения центра как организующего принципа, распыление его функций среди элементов системы;

— детерриторизации — «невозможность определить свое место, вынужденность блужданий по пограничным линиям и временно освободившимся территориям»²;

— деконструкции — для увеличения многообразия погружение в текст (при использовании герменевтических процедур) в поисках все новых глубинных подтекстов.

Некоторые следствия использования данных процедур имеют очевидное политическое значение, когда, например, логоцентризм, монолог господства и подчинения, замещается дискурсом или диалогом

¹ См.: Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 99.

² Шапинская Е. Н. Постструктурализм // Социокультурная антропология: История, теория и методология: энциклопедический словарь. М., 2012. С. 328.

аргументов или утверждается ценность фрагментарности, многообразия, децентрализации вместо иерархии и централизации.

Политические последствия утверждения новой реальности неочевидны и противоречивы. С одной стороны, мир политики открывается, ибо ликвидируются информационные, идеологические, территориальные границы и предубеждения. Но, с другой стороны, он становится все более закрытым, а формирующиеся здесь интересы, мотивы — все более ограниченными. Мы ведь не знаем, что происходит на регулярных встречах мировой политической и экономической элиты на всякого рода форумах, в закрытых клубах. Творцы виртуальной реальности, производя симулякры, знаки, полезные для манипулирования или по крайней мере для сохранения удовлетворяющего их status quo, все меньше соотносят себя с миром обыкновенных людей.

Следует иметь в виду, что в ряде стран, к которым относится и Россия, постмодернизм оказался не только явлением теоретическим или культурным, но и феноменом актуальной социально-политической практики. Проповедь цинизма, пренебрежение к рациональности, замена науки интуитивизмом были восприняты многими социально-политическими силами и воплотились в таких знакомых явлениях, как психологическое манипулирование, политический авантюризм, экономическое бесплодие, культурная всеядность, пренебрежение к науке и образованию. Конечно, это происходит не потому, что «новые русские» изучают произведения парижских интеллектуалов, они просто усвоили и воспроизводят то, что транслируется через механизмы культуры, пропаганды, информации и рекламы.

Неприятие многих социально-политических последствий постмодернизма как матрицы поведения для нас очевидно. Но необходимо видеть и то, что как философская позиция он связан с осмыслением последствий вхождения нового виртуального мира в мир политики. Эти новации инициируют децентрализацию, увеличивают значение знаковой гиперреальности, размывают вертикали и иерархии, изменяют роли и статусы в политике, увеличивают возможности и переходные состояния социального и политического бытия.

Глава 2

ПРИРОДА ПОЛИТИКИ

Атрибуты политики. Основой философского знания служит онтология — учение о бытии, что предполагает выявление наиболее фундаментальных свойств изучаемого явления.

По отношению к политике — сфере реальности, очень многообразной и постоянно меняющейся с течением времени, поиск и описание такого рода свойств оказываются вполне рациональной исследовательской задачей. Ведь есть же в этом многообразии нечто такое, что остается устойчивым, неизменным, что делает политику не просто словом с произвольно устанавливаемым смыслом, а тем, чем она была, есть и будет.

По аналогии с трактовкой ряда других философских проблем и фундаментальных понятий все многообразие точек зрения о сущности политики можно свести к двум основным версиям:

— *субстанциональной* — в ее рамках политика (политическое) рассматривается как органическая черта человека, порождение самой его сущности, сопоставимое с такими его сущностными же качествами, как разумность, жизнь в сообществе, трудовая активность и т. д. По-видимому, такая позиция яснее всего выражена Аристотелем, считавшим, что «человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном отношении существо, либо сверхчеловек»¹;

— *реляционной* — политика в таком случае рассматривается прежде всего как сфера отношений, порождаемая взаимодействием специ-

фических социальных групп и институтов (нации, классов, государств), отсутствие которых естественно ведет к элиминации данной сферы отношений, т. е. политики, которая «есть область отношений всех классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между всеми классами»². Среди всего многообразия определений политики можно выделить два типа подходов, которые условно можно было бы назвать *узким* и *широким*. В рамках первого подхода, давшего много известных, афористичных ее дефиниций, политика,

¹ Аристотель. Политика // Соч.: в 4 т. Т. 4. С. 378.

² Ленин В. И. Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 79.

однако, сводится обычно только к одному из своих проявлений: «участие в делах государства», «концентрированная экономика» (В. И. Ленин), патопсихология (Г. Лассуэлл), игра (А. А. Зиновьев, А. С. Панарин) или религия (Б.-А. Леви), исключая другие ее существенные качества и модусы бытия. Широкий подход к определению политики, когда под нею, например, понимается «структура институционализированных установок и авторитарных ценностей»¹, не дает, однако, возможности определить ее качественное своеобразие по сравнению с другими типами властных отношений, прежде всего моралью и правом. Смысл проблемы заключается в действительной сложности, многоаспектности исследуемого феномена, при определении которого необходимо избегать как расширительных, так и ограничительных его трактовок, не улавливающих главного. Это можно сделать, постепенно выделяя те качества политики, без наличия которых ее существование оказывается невозможным.

Важнейшее из этих качеств, делающее политику тем, что она есть, и определяющее как ее позитивные, так и негативные проявления, — это служение общему интересу, отягощенное интересом частным (выраженное через частный интерес). Наличие этого отягощения порождает массу критических суждений о политике, действительно фиксирующих сопутствующие ей негативные качества (корысть, бюрократия, коррупция, разделение, классовость и т. д.). Но все эти явления оцениваются именно как отход от ее сущности, которая служит выражением, представлением, защитой, реализацией общего интереса, а он «является таким интересом, который превосходит и объединяет в себе противоположные интересы»².

Видя сущность политики не в борьбе, а в сотрудничестве, выходе за рамки частных интересов, И. А. Ильин выделял объединяющие, коммуникативные свойства политики: служение общему, искусство объединения людей, искусство социального воления, рациональность (нельзя переоценивать голос массы в политике), отбор лучших (иерархия), твердый реализм³.

Природа политики сочетает частное и общее, общее и единичное, а общий интерес вырастает из взаимодействия частных интересов, в силу чего политика служит «сферой принятия общих решений о судьбах людей»⁴.

¹ Handbook of Political Science. Vol. 1: Political Science: Scope and Theory. Massachusetts, 1975.

² Гурвич Г. Д. Философия и социология права: избр. соч. СПб., 2004. С. 76.

³ См.: Ильин И. А. Родина и мы. С. 461—464.

⁴ Deutsch K. Politics and Government: How People Decide Their Fate. Boston, 1976. P. 27.

Таким образом, в сущности политики переплетаются, сливаются, соперничают два начала, две линии, что делает ее единством унификации и разъединения, общего и частного. И все ее качества можно условно разделить на две взаимодействующие группы свойств: идущие от общего и идущие от частного. Конечно, здесь нужно видеть условность подобного деления, так как в реальности эти качества неразрешимы, а осознание общего, забота о нем вырастают из частного, из взаимодействия по его защите. Как пишет К. Дузинас: «Общий интерес вырастает из частных контактов и соглашений»¹.

Реализуемая в политике возможность соединения частного и общего предопределена природой самого человека. Наша идентичность складывается как из тысяч особых, уникальных черт психологии, культуры, физиологии и т. д., отличающих нас от других людей, так и из тысяч черт, связывающих нас с ними, общих по социальной принадлежности, психическому типу, историческому наследию, территориальной и конфессиональной близости и т. д. Органическое единство, переплетение этих характеристик заключается в том, что фактически те же черты, сочетание которых уникально для нас, служат проявлением единства с другими людьми, делают нас членами различных общностей: социальных, культурных, конфессиональных.

На линии общего *политика* — это коммуникативная среда, она формируется благодаря разнообразным контактам и взаимодействиям людей, их сообществ и организаций. Коммуникация осуществляется для выработки целесообразного действия, в ее основе находится информация, создающая возможность выбора и сопоставления вариантов действия, установления обратной связи с его объектом.

Но как можно выразить, понять общее, то, что непосредственно не фиксируется чувствами, не дано эмпирически? *Только разумом, рационально*. Поэтому для политических отношений характерно единство деятельности и рефлексии, и сам смысл политики (*policy*) заключается в «достижении выдвинутых и относительно отдаленных целей в ходе преодоления разнообразных препятствий»². Здесь нет «невидимой руки рынка», как в регуляции экономических отношений, отсутствует стихийный механизм разрешения возникающих проблем (из-за разного уровня общности встречающихся, сталкивающихся интересов партнеры в политике абсолютно не равноценны и не уравнивают друг друга). *Поэтому здесь всегда нужна теория (или утопия),*

¹ Douzinas C. Human Rights and Empire: The Political Philosophy of Cosmopolitanism. Cornwall, 2008. P. 39.

² Deutsch K. Op. cit. P. 190.

умозрительно, рефлексивно устанавливающая связь между взаимодействующими сторонами, частным и целым. Здесь не обойтись без программы, показывающей возможности, способы и пути реализации выдвинутой цели, и всегда существует необходимость в средствах институционального контроля ее реализации.

Развивая идеи А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана об экстерииоризации как главном условии создания объективного социального мира и исходя из посылки о том, что социальная реальность возникает, функционирует и развивается только благодаря способности людей создавать и накапливать знание о порядке, формах и смыслах взаимодействий, Г. В. Пушкарева предлагает вполне приемлемую и эффективную модель, раскрывающую механизм участия человеческой субъективности в творении объективного политического мира. Она вклю-

чает в качестве элементов образы (запечатленные в нашей памяти конкретные объекты), обобщенные образы (представления, в которых аккумулируются суждения о типичных свойствах политических объектов), сценарии (знания о свойствах типичных политических ситуаций), а в качестве структур, их объединяющих и объясняющих: «три когнитивные конструкции: мифы, героизирующие правителей, идеологии, обосновывающие необходимость того или иного политического порядка, научные концепции, объясняющие функциональную целесообразность форм правления и политических режимов»¹. Важную функцию здесь выполняют концепты — четвертый вид интериоризированного знания о политике, «позволяющие человеку соединять воедино знание о фрагментах нормативного политического порядка, объяснять процессы, происходящие в политической сфере, поддерживать ощущение целостности политического мира в условиях его изменения, нарастания неопределенности и непредсказуемости»².

В своем экзистенциально-антропологическом измерении политика — это более чем средство (а ведь именно к нему ее сводят, когда видят смысл политики в «господстве человека над человеком»³). Не в инструментальном, а в своем экзистенциальном смысле она есть организованная реакция человека на неустройство социального бытия. Все, что здесь происходит, зависит от человеческого материала и человеческого усилия. Политические процессы значительно видоизменяются в зависимости от культуры, психологии, опыта, человеческих

¹ Пушкарева Г. В. Когнитивные механизмы конструирования политической реальности // Полис. 2015. № 1. С. 61.

² Там же. С. 61—62.

³ Freund J. L'Essence du politique. P., 1965. P. 32.

симпатий или антипатий. Одних людей она неудержимо притягивает и удерживает, для других — она отталкивающе непривлекательна.

Материя политики — межсубъектные отношения¹, их предмет — обмен властными полномочиями. В центре объектно-субъектного взаимодействия находится государство, в ходе контактов с которым агенты (акторы) политики и меняют свою субъектно-объектную принадлежность.

Выражение этой динамики — неразрывное сочетание в политических отношениях структуры и действия. С одной стороны, политика всегда институциональна и предстает как сложно организованное взаимодействие учреждений, государств, союзов, партий, а также норм, регулирующих их деятельность: от конституций до уставов и всякого рода соглашений, имеющих своим конечным назначением как раз обеспечение относительной независимости их деятельности (функционирования) от субъективизма, произвола и настроения отдельного человека.

С другой стороны, политика — это множество самых разнообразных действий людей и их сообществ по достижению поставленных целей, вносящих в ткань политических отношений все богатство человеческой субъективности — от эмоций до дальновидного расчета. В английском языке для выражения разнообразия смыслов политики используются даже три слова: *politics* (наука и искусство правления, политические взгляды, дела, вопросы), *policy* (целесообразная деятельность, искусство правления) и *polity* (форма или процесс правления, общество как организованное состояние, государство)². Выделение различных аспектов, смыслов политики происходит в результате теоретического анализа, в рамках которого их смешивание недопустимо; оно, как правило, искажает смысл рассматриваемых здесь проблем, поставленных вопросов.

Органична связь политики с правом, и очевидной является интен-

ция политических отношений к нормативному оформлению (в законе, договоре, принципе и т. д.); характерна в связи с этим мысль известного американского политолога Л. Пая: «Политика только там, где есть государство, и там, где оно может изменять законы»³. Связь с пра-

¹ См.: Ильин В. В., Панарин А. С. *Философия политики*. М., 1994. С. 9.

² См.: Hornby A. S. *Oxford Student's Dictionary of Current English*. Oxford, 1984. P. 484; Aron R. *Etudes politiques*. P., 1972. P. 150—155; Deutsch K. *Op. cit.* P. 190; Соколова Р. О пользе политической философии // *Общественные науки и современность*. 1992. № 5. С. 73.

³ *Political Culture and Political Development* / ed. by L. Pye and S. Verba. Princeton, 1965. P. 3.

вом делает политику фактором обеспечения устойчивости социальных отношений, именно в таком качестве они могут быть более или менее комфортными для человека. Жизнь, превращенная в непрерывную цепь политических перемен (зона политической нестабильности) практически всегда воспринимается людьми как наказание.

По своему онтологическому статусу политика служит проявлением виртуального бытия. *Виртуальность* — это преддверие реальности, возможность, для реализации которой существуют все предпосылки. Нетрудно заметить, что в политике именно данный слой бытия имеет огромное значение и воплощается в таких разнообразных феноменах, как программы, партии, кандидаты, лидеры и т. д. Вообще значение будущего в политике чрезвычайно велико, различие его с реальным такое же, как, например, различие между президентом и кандидатом в президенты.

Политика — это деятельность прежде всего с виртуальными объектами. Она представляет собой, по словам О. Бисмарка, «искусство возможного». Смысл же этого искусства — в поведении в сфере бытия, где встречаются, переходят друг в друга или, наоборот, дистанцируются реальное и возможное, невозможное и вероятное, настоящее и будущее и т. д. Может быть, наиболее точная и афористичная формулировка этой сущностной специфики политического бытия появилась в виде лозунга парижских студентов в мае 1968 г.: «Будьте реалистами — требуйте невозможного!»

В современных условиях благодаря развитию новых информационных технологий проблема виртуальности политического бытия обостряется и усложняется. Множество политических явлений, фигур, образов, событий возникают благодаря телевидению и Интернету. Они не покидают границ информационного поля, но по степени влияния на политические процессы намного превосходят реальные политические феномены. В литературе оправданно обращается внимание на то, что в современных условиях произошло изменение структуры политического факта: появилась гиперреальность, создается много симулякров, неотделимых от реальных событий, грань между реальностью и нереальностью оказалась стертой¹. В результате этого происходит фундаментальная трансформация практически всех политических явлений и процессов: от власти до идеологии и политической культуры, в том числе и преобразование основополагающих качеств человека политического.

¹ См.: Соловьев А. И. *Политическая идеология: логика исторической эволюции* // *Полис*. 2001. № 2.

Имитация. Все большее значение для политика имеет не столько само действие, сколько его имитация, создание необходимого и устойчивого впечатления за счет разнообразных операций с виртуальными объектами. Поэтому «проект» становится самым ходовым термином современного политического лексикона. Но проект — это фрагменты виртуального мира, только часть из них приобретает черты реальности, осуществляется.

Смысл имитации — в символическом «обозначении» действия или объекта как существующего, принимаемого во внимание и в качестве такового воздействующего на процессы и людей. То есть объект, не приобретающий качества реальности, должен оцениваться как реальный.

Имитация характеризуется неполнотой цепочки звеньев, ведущих к результату: действие прерывается на каком-то из звеньев. Она может быть целью без средств, или средством без цели и действия, или действием, не подкрепленным участием и ресурсами, затухающим действием, становящимся таковым в связи с потерей интереса или значимости для субъекта. Как правило, в этот момент происходит актуализация другого действия, другого «проекта», на нем сосредоточиваются все усилия, оно ставится в центр медийного пространства. Выполнив свое назначение — возбудить интерес, задать направление общественному мнению, «информационная поддержка» затухает, переносится на другой «проект».

Поскольку политика характеризуется сложным переплетением универсальности и партикулярности, а сохранение целостности «обеспечивает привилегии держателям» (Ж. Баландые), существует органическая потребность в механизме обеспечения унификации в условиях социального разъединения. Этим механизмом выступает власть. Политику поэтому определяют как «производство власти»¹, опирающееся на силу и принуждение. В принципе, если бы общая воля (common will) реализовывалась автоматически, властного действия не понадобилось бы. Однако этого не происходит, к тому же существует тенденция дерационализации политики, вытекающая и поддерживаемая частным интересом, и это обременение политики практически непреодолимо.

Логика господства реализуется через иерархию (однозначное статусное неравенство участников) и субординацию (подчинение одних людей другим во властном отношении). И то и другое воплощается в политических институтах — устойчивых, организованных на основе

¹ См.: Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. С. 31, 34.

норм (правил) отношениях, служащих механизмом удержания, объединения всех этих характеристик, обеспечивающих сложный баланс во взаимодействии общего и частного интересов. Наступающая в силу разных причин абсолютизация одной из сторон уничтожает всю конструкцию политики, построенную на удержании этого противоречия. К. Маркс в таком случае говорит о «неполитическом государстве», а Х. Арендт — о тирании как «уничтожении публичной сферы».

Политика — это не только виртуальная, но и символическая среда («символическая коммуникация»¹, как пишет А. И. Соловьев). Роль символов и выражаемых ими значений в ней чрезвычайно велика. Символ осуществляет связь человека с тем общим, зримым представителем которого он является. Это общее надо уловить, вы-

разить в политике, оно не дано людям непосредственно, неосвязаемо, как данность, его понимание не может быть результатом непосредственного впечатления, его надо выразить и идентифицировать себя с ним.

Важнейший механизм такой идентификации — пропаганда, смысл которой заключается как раз в наделении фактов значениями. Как пишет последовательный и вдумчивый критик пропаганды и идеологии Жак Эллюль, «те, кто распределяют информацию, неизбежно организуют и этот перевод и в результате непрерывно усиливают, развивают, усложняют этот мир представлений, который современный человек путает с действительностью. Все политические проблемы всплывают в этом мире. Когда факт превращается в факт общественного мнения — в политический факт, — он способен породить политическую проблему. В наши дни пропаганда — это творец почти всех политических проблем»².

Все основные фрагменты мира политики — творимая, зависимая от сознания людей среда. Ее состояние меняется как под воздействием объективных обстоятельств, так и в результате целенаправленных усилий, в том числе и пропагандистских. Эта зависимость корректируется двумя глобальными факторами, преобразующими социальную среду современного общества: 1) информационной революцией, радикальным возрастанием объема и значимости информации; 2) развитием в качестве все более значимой характеристики социальных отношений разнообразных социальных сетей. Последствия кумулятивного действия этих факторов противоречивы: они и объединяют,

¹ См.: Соловьев А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции. С. 6.

² Эллюль Ж. Политическая иллюзия. М., 2008. С. 211—212.

интегрируют социум, и дробят, разъединяют его; наделяют статусом реального влияния феномены, обладающие статусом виртуального бытия. Поскольку сеть социальных взаимозависимостей усложняется, потребность в разнообразных символических средствах идентификации со все более разветвленным целым обостряется.

Детерминация политики. Статус любой науки предполагает возможность объяснения ею причин и предвидения явлений, происходящих в области ее исследовательского интереса. История политической мысли дает огромное разнообразие ответов на вопрос о том, что определяет поведение людей в этой сфере, от чего зависят характерные черты политических событий. Но эта же история показывает, что всякий раз, когда ученые придерживаются той или иной жесткой схемы истолкования политической жизни, многие важные ее стороны и проблемы остаются вне исследовательского внимания, объяснение грешит односторонностью, и его полнота оказывается возможной только при существенном искажении реальности в угоду избранной схеме.

Многообразие позиций сводится к двум основным версиям: *детерминистской* и *индетерминистской*. Первая исходит из принципа зависимости политической жизни от тех или иных факторов внешней по отношению к политике среды, прежде всего экономики. Наиболее полно смысл такого подхода выражен в известных словах Маркса: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»¹. Политика рассматривается как сфера взаимодействия классов и организаций, защищающих классовые интересы: государств, партий, вождей, лидеров. В своем крайнем варианте, абсолютизируя значение необходимых связей и отношений в обществе, детерминизм оказывается фатализмом, практически исключая возможность человеческого влияния на ход политических событий.

В рамках индетерминистской версии политика объявляется «обла-

В рамках индетерминистской версии политика объявляется «областью выбора, а не необходимости», отрицается ее зависимость от внешних объективных обстоятельств. В развернутом виде аргументацию в пользу такой версии политики можно найти у Поппера. Следуя за Вебером, отказавшимся от поиска тотальных форм обобщения исторической реальности, он стремится доказать невозможность обнаружения средствами науки необходимых и устойчивых связей — исторических закономерностей².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6—7.

² См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1.

Крайний индетерминизм оборачивается *волюнтаризмом* — отрицанием каких-либо реальных ограничений собственной воли и поведения, ведь здесь отсутствуют какие-либо внешние критерии состоятельности.

Нетрудно заметить, что и в том, и в другом крайних вариантах необходимость в политике как области целенаправленного управления, институционализированной сфере решения общих вопросов просто отпадает. Она не нужна там, где все предопределено, или там, где действия личности ни от чего не зависят и ничем, кроме ее собственной воли, не направляются.

Несмотря на принципиальные различия детерминистской и индетерминистской версий, хотелось бы обратить внимание на их некую общность. Она заключается в признании пределов, возможностей в политике. Наличие пределов признает и К. Поппер, говоря о трудностях, но не невозможности их выявления, а для Маркса и его последователей очевидна зависимость политического процесса от деятельности и свободы человека. Различие заключается в признании длины шага политического движения: у Маркса она достаточно велика, у Поппера — коротка.

Факторы, влияющие на формирование политических решений и определяющие возможности и результативность политического действия, весьма многообразны и связаны с различными сферами бытия.

Так, очевидна вписанность политических процессов в общий ритм природной жизни на нашей планете, их зависимость от физических, химических, математических и других закономерностей. Механизм влияния солнечной активности на масштабы и интенсивность политической жизни людей был раскрыт великим русским космобиологом А. Л. Чижевским. Наступающие каждые 12 лет пики активности Солнца вызывают возмущения магнитосферы Земли, что отражается на психике людей, повышает их нервно-психическое возбуждение, «физико-химические агенты внешней среды колеблют степень «социальной раздражимости». Это обстоятельство в свою очередь способствует повышению или понижению темпа общественной жизни. Следовательно, агенты внешней среды как бы регулируют распределение массовых движений во времени, отнюдь, конечно, не вызывая их»¹. Чижевский не отрицал влияния факторов чисто социального происхождения, инициирующих политические явления, понимая, что политика зависит от гораздо более сложного комплекса явлений и их

¹ Чижевский А. Л. Земля в объятиях Солнца // Космический пульс жизни. М., 1995. С. 406.

взаимодействий. Но, зная достаточно доказательные расчеты и сравнительные таблицы, составленные российским космобиологом, считать, что они полностью независимы от гораздо более мощных по своей энергетике природных процессов, было бы значительным упрощением картины детерминации политической жизни. Хотя очевидно, что только на основе такого рода представлений невозможно объяснить действия конкретного человека или группы людей, причины выдвижения именно таких целей и выбор для их достижения именно этих средств.

Люди включены в геосоциальные процессы, связанные с потреблением ресурсов, освоением и распределением территорий, налаживанием коммуникационных путей, и все это тоже может вызывать те или иные политические процессы и события, существенно менять их форму и результаты, влиять на выбор целей и средств их достижения в политике.

В литературе совершенно оправданно говорится о необходимости учитывать влияние биологических факторов на поведение человека в сфере политики. Пол, возраст, темперамент, физические задатки индивида формируют определенные границы возможностей, специфические подходы к видению и решению возникающих проблем. Очевидно, что качество политических решений, эффективность политических процессов, политического руководства находятся под ощутимым воздействием такого показателя психического и соматического здоровья (вернее нездоровья), как степень алкоголизации населения и широта распространения этого порока в политической элите.

Конечно, существует и активно действует зависимость всей политической среды и динамики ее изменения от состояния экономики общества, уровня развития техники. В этой сфере формируются наиболее устойчивые интересы и насущные потребности, требующие для своего удовлетворения активных политических действий, вмешательства властных структур. Здесь же создаются средства наиболее радикального, действенного их решения, раскрываются информационные возможности обеспечения политических процессов.

Весьма значительным и многоплановым оказывается воздействие социальной структуры, многообразные элементы которой (доход, род занятий, образование, структура социальных связей, статусные характеристики, выражающие собственные представления субъекта о его месте и роли в общественной жизни) формируют условия, потребности, представления о социализации. Раскрывая механизм этого влияния, американский политолог Р. Лэйн, включивший понятие политической жизни в контекст политической науки, писал: «Группы

влияют на политическую активность своих членов в основном через (а) определение содержания морали и обязанностей, (б) структурирование их убеждений о социальном окружении, (в) влияние на их мнение о самих себе, (г) воздействие на их жизненные цели, (д) снабжение средствами для их реализации»¹.

Для понимания механизма детерминации политики огромное значение имели труды Г. Тарда, Г. Ле Бона, В. М. Бехтерева, раскрывших специфическую роль психологии в массовых политических процессах. Именно она, ее стереотипы и динамика направляют поведение людей, определяют его интенсивность и результаты. Благодаря им, а также З. Фрейду была раскрыта роль бессознательного в детерминации политических процессов. Особое значение для анализа внутрен-

них механизмов политического поведения имели труды знаменитого американского политолога Г. Лассуэлла, обратившегося к изучению подсознательных мотивов политической деятельности, рассматривавшего ее как продукт частных мотивов, направленных на публичный объект и рационализированных в терминах публичного интереса. У данной версии политики оказалось много последователей и интерпретаторов, существенно развивших ее. Но очевидна и жесткость предложенной схемы, ее односторонность, игнорирование иных факторов детерминации и мотивации политического поведения.

Политика как вид деятельности, форма человеческих отношений не может не зависеть от состояния и специфики своего субъекта: поставленных им целей и жизненных задач, характера его психики, культурного уровня. В политической науке второй половины XX в. эта зависимость становится все более выраженной, что позволяет обнаружить постоянно проявляющиеся черты, константы политики: некоторые стереотипные формы («архетипы») поведения, стандартные способы разрешения политических конфликтов и, конечно, ценности, ориентирующие людей в политической среде (власть, справедливость, суверенитет, законность, благосостояние и т. д.). Культура, действующая как звено, через которое осуществляется воздействие на политику факторов природной и социальной среды, является сферой взаимодействия субъектов политики. В ее границах и происходит все, что в политике имеет место. А смысл «законов политики» заключается в необходимости учета закономерностей тех сфер действительности, с которыми политика взаимодействует: техники, психологии, демографии и т. д.

¹ Lane R. Political Life. Why people get involved in politics. Glencoe, 1959. P. 195.

Процесс детерминации политики характеризуется не только многофакторностью, но и изменчивостью. В ходе его реализации возникают новые обстоятельства, изменяющие условия его протекания, требующие значительной коррекции деятельности, быстрых и действенных решений. Необходимо использовать разнообразные формы воздействия на ситуацию для придания ей нужной конфигурации, что становится возможным при мобилизации субъектом политического действия всех своих интеллектуально-волевых качеств, и прежде всего опыта, логики и интуиции.

Политика — наука, искусство, игра или патология? Отношение к политике как к науке предполагает признание ее зависимости от объективных факторов, установление действующих в ней законов, тенденций. Ее можно и нужно изучать, опираясь на научные методы. В рамках такого подхода предполагается изучение опыта истории, политики других стран, особенностей культур народов. Большое значение придается реализации возможности моделирования политических процессов и предвидения политических событий. Трудность установления реальных, устойчивых и необходимых связей в политике, конечно, связана с бесконечной многоликостью и изменчивостью этого явления, с высокой степенью его зависимости от человеческой воли, психологии, деятельности и культуры. Это ведет к формированию разных, противоречивых (но, на наш взгляд, дополняющих друг друга), конкурирующих образов политики, которые формируются в литературе о ней и оказывают мощное влияние как на общественное мнение, так и на политическую практику.

Политика — это свободная деятельность человека, имеющая объективные основания и творящая новую реальность. Она исходит из многообразия ситуаций и приемов действия, «здесь надо действовать сразу и хорошо», по словам цитированного выше Ж. Фрёна.

Для руководства действием очевидна ограниченность чисто науч-

ных, ориентированных на фиксацию объективного, приемов.

Способность учитывать эти порожденные самим действием новые обстоятельства и требования и делает политику искусством, т. е. видом деятельности, ориентированной на творчество, на умение использовать многообразие случайных обстоятельств и нетривиальных ситуаций. Это предполагает и понимание зависимости политического процесса от участвующего в нем человека, его культуры, психологии, его активности. Уровень этого искусства в значительной степени зависит от многообразия средств, которые в состоянии использовать участники политического процесса.

Высокая степень неопределенности, риск, отсутствие однозначности, включенность в политическое действие таких элементов, как состязательность, роли, правила, позволяют рассматривать политику как вид игровой деятельности, не только направленной на результат, но и выводящей человека за рамки жизненной рутины, удовлетворяющей потребности коммуникации и свободы. Существуют и предпосылки истолкования политики как вида социальной и психической патологии. Г. Лассуэлл, изучая биографии политических деятелей, обратил внимание на большое, явно превышающее среднестатистические нормы количество психических аномалий среди политиков: алкоголизм, неврозы, сексуальные отклонения. Сказываются последствия деятельности в условиях постоянного стресса, что практически неизбежно в реальной политике. Отнюдь не всякий человеческий тип станет участвовать в этом роде занятий, тем более делать это с тем упоением и азартом, которые часто демонстрируются, причем без видимых причин. Для политического человека, считает Лассуэлл, принципиальной ценностью, т. е. тем, к чему стремится и чего он желает более всего, служит власть; ее достижение становится основной жизненной потребностью.

И действительно, в политике все это есть. Она включает самые разнообразные человеческие действия, отношения и события, привлекает людей благородных и низких, дураков и гениев, злодеев и их жертв. Задача политической философии — увидеть то общее, что все это многообразие объединяет, позволяет ему быть выраженным в одном понятии: властная форма управления общими делами.

Глава 3

БЫТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО: ВЛАСТЬ

Генезис власти. Философское знание о наиболее общих, фундаментальных свойствах реальности — это учение о бытии, онтология. В философской традиции сложились два основных подхода к трактовке данной фундаментальной категории.

В рамках первой традиции под бытием имеется в виду то, что есть, что обладает статусом существования, а смысл существования заключается в наличии признаков выраженности в чем-либо. Бытие в данном смысле оказывается предельно широкой категорией, объемлющей все, что существует. Все сказанное об этом существующем оказывается характеристикой бытия. Задача исследователя становится безграничной и теряет рациональный смысл.

Более эвристична идущая от Платона традиция суженного истолкования бытия: это нечто такое в реальности, что является постоянным, неизменным, скрыто содержится в любом предмете и определяет все его качества.

В проявлениях своего бытия политика чрезвычайно многообразна, многолика, но всегда в любом ее состоянии она представляет собой прежде всего управление государством. Уже в первых древних трактатах о политике, например диалогах Платона «Государство» и «Законы» (IV в. до н. э.), «Книге правителя области Шан» Шан Яна (IV в. до н. э.), «Артхашастре» (IV в. до н. э.), речь идет именно об этом, а эффективность деятельности правителя определяется его способностью обеспечить сохранение целостности государства и благосостояние его жителей. Такое понимание сущности политики сохранилось по сию пору: люди готовы простить автократа, способного обеспечить и то и другое, и склонны считать божьим наказанием правление «приятного во всех отношениях» лидера, если результатами его «руководства» становятся развал и разруха.

На формирование современных представлений об управлении в наибольшей мере повлияли идеи и принципы кибернетики (науки об информации), синергетики (теории самоорганизации) и системного подхода. Они и позволяют выявить некоторые онтологические черты власти и политики как особых видов управления.

Управление как внутреннее свойство систем — это их способность к самоорганизации, обеспечению равновесия в отношениях с внешней средой, сохранению целостности и реализации внутренних и внешних функций.

В биологических системах управление выражается в целесообразном реагировании на внешние воздействия. Живые существа и их сообщества действуют так, чтобы сохранить себя (избегая угрозы или явно неблагоприятной и вредной среды) и обеспечить наиболее благоприятные условия для своего существования (так, цветок поворачивается к солнцу, червяк уползает от огня, популяции животных сокращаются при недостатке ресурсов и т. д.). Внешними механизмами, регулирующими их поведение, служат объективные законы (устойчивые, повторяющиеся, необходимые связи), а внутренними — форми-

рующиеся в результате естественного отбора специализированные органы управления, которыми являются системы нервных клеток и мозг как высший уровень их развития. В результате такого взаимодействия складываются атрибуты порядка, которыми, по мнению создателя синергетики И. Пригожина, являются законы, ограничения, постоянство, регулярность.

Под воздействием этих факторов формируются специфические черты управления: в результате действия внутренних механизмов самоорганизации происходит отбор наиболее устойчивых и целесообразных (оптимальных) форм регуляции отношений между людьми: традиций, норм, правил не разрушительного, но конструктивного взаимодействия.

Но важнейшие качества социальной среды, такие как динамизм происходящих изменений, постоянное несовпадение интересов действующих субъектов, вытекающая отсюда необходимость решения общих задач в условиях разделенного общества и дефицита времени, требуют иной формы упорядоченности, опирающейся на единство воли, сознательный выбор возможных вариантов действия. Такой характерной для общества внутренней способностью структурирования, сочетающей в себе конфликт и господство (М. Фуко) и опирающейся на автономию, рациональность действующих здесь субъектов, обладает власть. А элементами властной организации общества служат нормы (правила поведения), санкции (последствия, наступающие вследствие их нарушения), дисциплина, распределение ответственности (иерархия) (К. Манхейм).

Для формирования и отбора наиболее эффективных форм упорядоченности большое значение имеют стабильность, постоянство отношений, ролей. А основой отбора, движения к оптимальным фор-

мам регуляции (сущности порядка) служит устойчивость этих форм во взаимодействиях с внешней средой. Эта устойчивость предполагает и возможность усложнения, разветвления форм организации в зависимости от воздействия внешней среды.

Точками стабилизации, т. е. аттракторами, вокруг которых происходит отбор наиболее приемлемых и необходимых форм регуляции, выступают потребности — устойчивые отношения социальных субъектов к условиям своего существования — и интересы — более сложные формы отношений, связи между субъектами по поводу условий существования. Институализация этих отношений в нормах их упрочивает, делает предсказуемыми, цивилизованными.

Власть оказывается антиэнтропийным фактором — важнейшим средством преодоления неопределенности. Она служит субстанцией политики и порождается фундаментальной потребностью регулирования, действующей как в социальных, так и в биологических системах.

Потребность во властном механизме управления возникает еще на досоциальном уровне, когда не срабатывают, оказываются незапрограммированными генетические механизмы регуляции поведения. Вряд ли возможно обнаружить властные отношения в жестко запрограммированной жизни муравейника, но они очевидны в стаях высокоорганизованных животных типа волков или обезьян. Вожаками становятся особи, принуждающие других к подчинению себе в ходе жесткой борьбы. Властные механизмы возникают у наших биологических предков при появлении в их поведении элементов выбора, наличия разных возможностей.

Проявлениями политической власти служат устойчивые отношения субординации, преобладания, порядка, а сущностью политической власти — совмещение влияния одного субъекта на другого с целью изменения поведения и применения или угрозы применения санкций — наступления последствий за нарушение предъявленных в ходе такого взаимодействия требований (Г. Пассолунг, М. Каппел).

ходе такого взаимодействия преобладания (т. Лассуэлл, ит. Каньян).

Во власти справедливо видят способность действовать с определенными последствиями под влиянием программ, технологий, рациональностей¹. В таком качестве она преобразует человеческую энергию из скалярной, ненаправленной — в векторную, направленную величину, превращает ее в действие, способное к реализации цели. Власть структурирует социальные отношения, делает их более целенаправленными, эффективными, служит причиной взаимной мобилизации

¹ См.: Hänninen S. Power as Relation // Law and Power: Critical and Socio-Legal Essays / Kaarlo Tuori, Zenon Bankowski, Jyrki Uusitalo (eds.). Liverpool, 1997. P. 31.

поведения как властителей, так и подвластных, значительно понижая долю неопределенности в поведении, реализуясь в таких формах, как субординация, преобладание, порядок, культурная и политическая интеграция¹. Снижая величину случайных отклонений, она становится фактором обеспечения эволюционного преимущества тех сообществ, в которых возникает.

Столь высокая оценка властных отношений для регуляции жизни сообществ не означает отказа от видения другой стороны медали: где власть — там соперничество и иерархия, она может быть связана с жестокостью, подавлением, усилением межгрупповой и внутригрупповой дифференциации и эксплуатации. Однако существует и очевидная необходимость развития регуляционных отношений в человеческих сообществах именно по властному типу. Она определяется, на наш взгляд, следующими факторами.

Во-первых, многообразием субъектов, видов связей и интересов в человеческих сообществах и их взаимозависимостью друг от друга. Этим продиктована необходимость руководства, часто во властной, принудительной форме из-за противодействия различных интересов людей, вовлеченных в процесс управления. Закрепление, институционализация властных отношений ведет к образованию нового типа человеческих сообществ — организаций, обладающих по сравнению с первичными человеческими сообществами (группами) рядом преимуществ: они более стабильны и возникают для реализации той или иной разделяемой их членами цели.

Во-вторых, разумностью, целенаправленностью поведения людей и их сообществ. Специфика социальных систем — чрезвычайное многообразие связей, интересов и действий — делает невозможным детальное предвидение и регламентацию общественной жизни только на основе знания. Степень его точности весьма относительна, а невозможность рационального объяснения и организации социальной жизни очевидна. Неустранимый из ткани социальных отношений элемент неопределенности, неточности, непредсказуемости (при наличии такой предпосылки преодоления неопределенности, как разум, научное знание) формирует необходимость волевого, т. е. властного, опирающегося не на логику и доказательность, а на силу или угрозу силы, решения при преодолении возникающих противоречий, выборе варианта дальнейших действий.

В-третьих, спецификой социальных закономерностей. Социальная закономерность как совокупность повторяющихся связей и тен-

¹ См.: Бalandье Ж. Политическая антропология. М., 2001. С. 40—41; Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. Л., 1988.

денций указывает на объективно заданные пределы деятельности, ее условия, не предопределяя результатов социальных процессов и действий. Но интересы существующих и взаимодействующих социальных групп требуют от входящих в них людей как раз вполне определенной и согласованной линии поведения в конкретных обстоятельствах. Так возникает потребность во властном механизме воздействия на поведение людей. Ее смысл состоит в употреблении волевого, целенаправленного принуждения, влияния на реализацию тех возможностей, которые соответствуют интересам действующих в обществе социальных групп. Таким образом, власть выполняет регулирующую роль в отношениях между различными, зачастую противоположными установками в общественной жизни, помогая реализации одних тенденций и блокируя другие.

Власть и сила. Очевидна сопряженность, связанность этих двух феноменов. Обладания властью и силой совпадают в определенной степени, но они не тождественны. Сила как непосредственное воздействие, как способность причинения — это энергетика власти, потенциал ее влияния. Явно и скрытно власть опирается на силу и в разных формах использует ее. Это то, что сближает ее с природой, естественностью.

Но нужно видеть и отличия. Власть всегда реализует себя в определенном культурном контексте, это окультуренная сила, действующая в искусственной символической среде. Она использует аргументы, апеллирует к разуму и психике тех, к кому обращена.

Сила — реальна, прежде всего она есть возможность непосредственного воздействия, рождающаяся в контакте. Ее аргументы находятся вне культуры, это зона непосредственности, физического влияния. Власть — виртуальна, содержит бесконечное количество возможных изменений, она выстраивает сложный механизм подчинения, влияния и ответственности.

И власть, и сила способны добиваться определенного результата, но сила — это скалярная, а власть — векторная величина, она имеет выраженный волевой компонент, она направлена, четко мотивирована, более рефлексирована.

Нормативная организация власти в политике. Очевидно, что множество установленных или спонтанно сложившихся правил поведения, исходящих от групп и организаций, придают поступкам людей направленный, регулируемый и должный характер, соответствующий определенным требованиям. Нормы стимулируют (нормы-цели) и ограничивают (нормы-рамки) социальные отношения. Под воздействием норм происходит конвертация идеи в действие, принципа —

в отношение. Усложнение структуры норм отражает реальное многообразие человеческих отношений.

Оформленные нормами социальные отношения — институты — представляют собой разветвленную сеть взаимодействий, взаимозависимостей и организаций. Они структурируют и стабилизируют общество, создают возможность контроля и предвидения действий участников, выражают и защищают их права. Но нормы и создаваемые на их основе институты действуют в противоречивой среде, одни фрагменты которой генерируют и укрепляют механизмы упорядочения, в том числе и нормативные, другие, наоборот, их расшатывают, разрушают.

Однако существует и власть, не опирающаяся на нормы. У нее нет устойчивой вертикали, она подменяется постоянной борьбой за вер-

ховенство между представителями разных групп интересов. Отсутствует и более или менее устойчивая горизонталь, поскольку все заняты борьбой за передел сфер влияния. Нормы здесь «закрыты» — известны только узкому кругу лиц. Большинству предлагается «кодекс послушания» — система обязанностей по отношению к носителям власти без каких-либо прав. Ясно, что такая власть в качестве главного своего ресурса опирается на насилие или угрозу его применения, используя страх вместо легитимности.

В этом случае основные властные конструкции, состоящие из скрытых или известных узкому кругу лиц правил, негласных договоренностей и допущений, а также наиболее эффективные ресурсы власти оказываются в тени. Общество в итоге может получить власть, совершенно для него неожиданную и неконтролируемую. Формы противодействия такой власти находятся с трудом именно в силу размытости ее контуров, неясности ядра властного поля: нет обязательных для нее норм, а эффективные механизмы, направляющие ее действия, совсем не те, которые на виду.

Сами же властные действия оказываются стереотипной реакцией на новые обстоятельства, создавая видимость решения противоречивыми высказываниями.

Пределы власти. Обращает на себя внимание трудноуловимость самого феномена власти, отсутствие его привязки к определенному виду деятельности или отношений, текучесть, фактическое проникновение во все сферы социальной реальности, присутствие в экономике, политике, культуре, духовной сфере и т. д. Но если власть везде, то есть ли у нее пределы? Ведь, оказавшись без них, она станет неразличимой, слитой с реальностью, с любым ее фрагментом и проявлением.

Пределы власти могут быть:

— пространственными — она всегда действует в определенных границах, сообществах, отношениях и умах; не локализованной, не привязанной к месту власти нет;

— человеческими — власть распространяется на членов определенного политического сообщества, на граждан, ее вмешательство в иные — неполитические и негражданские — дела неоправданно и неэффективно;

— временными — в той или иной своей модификации власть не может существовать бесконечно долго, но ей нужно какое-то время, чтобы успеть проявить себя;

— информационными — лишаясь информационной поддержки, власть становится беспомощной и не может направлять энергию людей; однако если субъекты и объекты власти имеют одинаковый информационный потенциал, власть тоже не может нормально функционировать — она теряет основу своей компетенции;

— ресурсными — без них власть не может удовлетворять интересы людей, а это главное в политике — практическое применение власти;

— ценностными — действия власти регламентируются определенным набором ценностей, а разные конфигурации ценностей формируют ее различные типы: власть экономическую, политическую, социальную, военную и т. д.

Власть, ограничивая и направляя самое себя, становится культурным феноменом. Выходя за пределы культуры, она меняет свои качества, становится незаконной, неэффективной и неконтролируемой, т. е. не конструктивной, а опасной для людей.

Жесткие или неуместные для определенных социальных отношений ограничения порождают негативные последствия, не меньшие, чем их отсутствие. Объектами нормативного регулирования в политике служат права и свободы человека, действующие в обществе механизмы самоуправления (экономические пропорции, потребности,

интересы социальных групп). Их неоправданные ограничения серьезно нарушают жизнь социальной системы. Нежелательно вторжение норм в сферы регуляции, для которых они в силу своей природы просто не предназначены. И в истории, и в современности сплошь и рядом встречаются ситуации вмешательства политики в правовую сферу, морали в политику, политики в экономику и т. п., нарушающие естественные, исторически складывающиеся механизмы и принципы регулирования.

Антистохастическая природа власти выражается в способности целенаправленно воздействовать на имеющиеся в обществе возмож-

ности, собирать вместе или, наоборот, рассредоточивать их предпосылки и основания реализации, она как ограничивает поле их разнообразия, так и расширяет его, делая возможным то, чего не должно было произойти. Внося волю человека в течение объективных процессов, власть, по сути дела, меняет состояние пространственно-временного континуума общества: возвышая одних и подчиняя других, она меняет конфигурацию отношений между субъектами, может ускорять или блокировать наступление тех или иных событий. Таким образом, она меняет модусы социального бытия: делает случайное возможным, изменяет виды возможного, приближая и делая реальными одни события и отдаляя другие.

Власть — мощная сила, способная обеспечить как социальную унификацию, так и дифференциацию, как производить, так и нивелировать различия, сглаживая или, наоборот, обостряя интересы и противоречия. В этом качестве она служит мощным фактором мобилизации ресурсов и влияния, может «заставить субъектов действовать вопреки собственным интересам» (С. Лукес)¹, сочетая в себе функции представительства, регуляции и репрессии.

Две характеристики власти делают ее важнейшим инструментом политики, определяют их взаимное тяготение. Во-первых, это мощный управленческий ресурс, выражающийся в способности снижать степень случайности в социальном развитии и человеческом поведении, «делать случившимся то, что не должно случиться»²; именно в управлении — важнейшее назначение политики. Во-вторых, это, конечно, ресурс влияния, воздействия на других людей со стороны тех, кто этой властью обладает, наделяющий их возможностью подчинения своей воле других людей вопреки их сопротивлению. Поскольку в сфере политики происходит постоянная борьба интересов, присутствует необходимость преодолевать сопротивление других людей и сил, т. е. реализовать управление во властной форме.

Роль власти в политике сходна с ролью денег в экономике: власть распределяет ресурс влияния и осуществляет в разных формах обмен им, она обладает способностью конвертации в другие социальные и политические ценности; как и деньги, власть концентрируется в определенных точках политического пространства, стягиваясь из других локусов, становящихся в этом процессе все более обделенными властью, а стало быть, и социальными возможностями.

¹ Цит. по: Dyrberg T. The Circular Structure of Power: Politics. Identity. Community. L.; N. Y., 1997. P. 164.

² Deutsch K. Op. cit. P. 32.

Автономия и рациональность служат как истоками, так и ограничениями политической власти. Нетрудно понять, что монолитная, жестко структурированная система не нуждается во властном, управляющем воздействии (влиянии, согласовании интересов). Здесь все предопределено, и влиять не на что. Власть упирается в сопротивление обособленных друг от друга субъектов, обладающих собственными возможностями выбора линии поведения и способных сопротивляться воздействию навязываемой им воли.

Типы истолкования власти. В истолковании власти и причин ее возникновения в обществе существует несколько традиций. Видимо, каждая из них имеет право на существование и фиксирует один из многочисленных аспектов власти, которые в реальном процессе взаимодействия и взаимодополняют друг друга.

В рамках биологической интерпретации власть рассматривается как механизм обуздания, смирения агрессивности, укорененной в наиболее глубоких инстинктах человека как биосоциального существа, сама же агрессия рассматривается как инстинкт борьбы, направленный против собратьев по виду и существующий у животных и человека¹.

Для Ф. Ницше власть — это способность к самоутверждению. Об инстинктивной, психической природе стремления к власти и повиновению говорят представители фрейдистской традиции, находя ее источники в структуре бессознательного, формирующейся под воздействием социальных условий, связанных с ранним детством, сексуальным подавлением, образованием, культивирующих страх, услужливость и повиновение.

С социальными факторами, но иного, не культурного, а больше экономического ряда связывает генезис власти марксистская традиция, видя его основную причину в социально-экономическом неравенстве и расколе общества на враждебные классы, в необходимости обеспечения управления социальной целостностью в условиях нарастающей социальной дифференциации и борьбы. Генезис власти связывается со спецификой экономической организации общества, в рамках которой «комбинированная деятельность, усложнение процессов, зависящих друг от друга, становятся на место независимой деятельности отдельных лиц. Но комбинированная деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?»².

¹ См.: Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 62.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 303.

В интерпретации феномена власти активно используется причинная концепция, в рамках которой власть рассматривается как механизм причинения, укорененный в действии или структуре; она производит события, вызывает последствия¹.

Бихевиористская версия власти сводит ее к структурированному механизму влияния на поведение людей и характеризуется:

— методологическим индивидуализмом: сосредоточением исследовательского внимания на факторах, определяющих поведение отдельного человека;

— эмпиризмом, видящем основу анализа в сборе фактических данных и их опытной проверке;

— вниманием к процессу, механизму принятия решений.

При этом во всех этих исследованиях политический интерес оказывается

при этом за скобками исследовательского интереса оказываются возможные разумные, рефлексивные основания как не подлежащие эмпирической проверке².

В современном структурализме развивается версия власти, акцентирующая внимание на ее связи с рациональностью, вообще со структурами, организующими мысль и действие. В мире социального П. Бурдьё выделяет две реальности: материальную (ресурсы, блага, ценности) и символическую (оценки, суждения, эмоции социальных агентов), называет власть символическим капиталом, основанным на вере и признании. Как всякий капитал, власть открывает доступ к экономическим ресурсам и оказывает мощное влияние на материальную среду, а также обладает возможностью взаимного обмена на другие социальные ценности и ресурсы. Власть представляет собой структуру, сеть без центра и без суверена³.

М. Фуко рассматривает власть как некое силовое поле, распределяющее (локализирующее) действующих в нем субъектов, устанавливающее взаимозависимость между ними. Как всякое поле, власть неоднородна, может локализоваться, концентрироваться под влиянием силового потенциала взаимодействующих субъектов. Этот локус и становится центром распространения управленческого воздействия, разрешения той или иной социальной проблемы. Политическая власть замещает насилие в цивилизованном (рационально организованном) обществе, реализуя такие его социально значимые функции, как разрешение конфликтов, управление людьми, достижение соци-

¹ См.: Dyrberg T. Op. cit. P. 27, 28; Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2000. С. 27, 121.

² См.: Dyrberg T. Op. cit. P. 20—22.

³ См.: Бурдьё П. Указ. соч. С. 208; Law and Power: Critical and Socio-Legal Essays. P. 2.

ально значимых целей; сущность власти заключается в надзоре и детализации¹.

Манипулирование и контроль. Новая информационная среда расширяет возможности контроля и управления людьми, делая доступными такие служебные и личные «тайники», о проникновении в которые могли только мечтать любители использовать информацию для контроля над душами. Поэтому значительные преобразования претерпевают такие атрибуты власти, как контроль и манипулирование.

Контроль как важнейший аспект властного управления дает возможность получать необходимую информацию о состоянии управляемого объекта, своевременно и целенаправленно воздействовать на него. Как показал М. Фуко в «Рождении тюрьмы» — книге о генезисе любой власти, всеобщий, тотальный контроль за объектом со стороны властвующего субъекта является идеальным. В полной мере он реализуется в паноптикуме — проекте тюремного заведения, где камеры расположены по окружности, а надзиратель находится в центре и имеет возможность постоянно наблюдать (контролировать) жизнь их обитателей.

Идея всеобщего контроля в жесткой, принудительной форме реализуется при тоталитаризме, ставя человека в полную зависимость от государства, абсолютно сковывая его свободу, разрушая личностные качества. Поэтому большинство политических систем, включая демократические, социальный (в том числе механизмы культуры) и политический контроль ограничивают, сосредоточивая внимание на критических точках, обеспечивая воздействие на наиболее значимые аспекты существования системы.

Сетевая среда значительно расширяет возможности взаимоконтроля личности и государства, делая доступным информацию практически о всех параметрах их существования. Известная формула «все под контролем» оказывается реальностью, в том числе и наши мыслительные действия, многие из которых теперь уже привычно вынесены в Интернет. Конечно, возможности контроля в таких условиях

значительно расширяются. Но этот контроль взаимный.

Манипулирование — это особая форма власти, предусматривающая скрытое влияние с целью направить деятельность субъекта на реализацию чуждых ему интересов (иначе его не надо скрывать). Манипулирование противоположно лидерству, опирающемуся на выражение и представительство интересов руководимых. Механизм лидерства сложен и оказывается востребованным только там, где властитель зависит от подвластного, от его отношения, поддержки, участия,

¹ См.: Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. С. 205—213.

энергии. Там, где действуют традиция или приказ, а властные отношения построены на односторонней силе, лидерство не нужно.

Интерес к изучению манипулирования — теневой стороны лидерства — возникает в политической науке в конце XIX — начале XX в., когда стали использоваться скрытые механизмы влияния на население для получения его поддержки при реализации чуждых ему интересов. Это обнаружилось не только в политике, но и в экономике и других сферах, например в теории пропаганды, рекламы, PR (Г. Тард, Г. Ле Бон, В. Парето, В. М. Бехтерев, З. Фрейд, А. Н. Острогорский, Г. Лассуэлл).

После Второй мировой войны интерес к изучению проблемы манипулирования резко возрастает. Х. Арендт, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе стремятся найти объяснение тому, как удалось превратить образованный, культурный народ в центре Европы в гигантскую банду разнузданных человеконенавистников, развязавших мировую войну с десятками миллионов жертв. И как потом люди, озверевшие при уничтожении миллионов себе подобных, возвратились к мирному труду, снова стали заниматься экономикой, культурой, образованием, сделали свою страну процветающим государством.

Ученые пришли к выводу, что сердцевиной манипулирования служит техника пропаганды, построенная на эксплуатации предрассудков, потаенных пороков человеческой души. Она нацелена на подавление критичности мышления, использование не логической, а эмоциональной или образной аргументации. В результате манипулирования утрачивается рациональность поведения, что оказывается разрушительным для человека и его психики.

В сетевой среде существуют условия и факторы, которые как расширяют (обилие информации с ограниченными возможностями ее проверки, целенаправленная, рекламная форма ее подачи), так и ограничивают (множественность источников информации, разнообразие средств ее сопоставления и критического анализа) возможности манипулирования.

«Мягкая власть». В новых условиях механизмы властного регулирования претерпевают значительные изменения. Оно становится менее категоричным, менее иерархизированным, возможности выбора вариантов поведения в его рамках увеличиваются. Санкции за нарушения нормативных предписаний размываются, становятся менее определенными, уменьшается степень их императивности. Значение их институциональных оснований снижается, значение культурных — растет, они все в большей мере преобразуются в ненормативные регуляторы: цели, мотивы, самоограничения.

В условиях локализации власти в культурных кодах и ее ухода из-под институционализированных форм контроля (М. Кастельс) повышается значение не установленных, но имеющих культурное происхождение норм, существующих и действующих не как жесткие правила и императивные требования, а как договоренности, допускающие различные варианты и отступления, не навязывающие, но постепенно формирующие политические ориентации.

Предложенный известным американским государственным деятелем и политологом Дж. Наем термин «soft power» («гибкая, мягкая власть»)¹ описывал формы межгосударственных отношений и влияния, опирающиеся на культурные ресурсы, моральный авторитет государств и обществ, пропаганду определенных ценностей и превращение их в нормы отношений между государствами, т. е. формирование на их основе уже международных институтов и организаций, публичной дипломатии и т. д.

Но данный термин вполне применим и вне международного контекста, для характеристики разнообразных форм влияния, структура которых не столь однозначно и жестко организована. «Мягкая власть» — это «влияние посредством притягательного воздействия», «способность убедить других делать то, что хотите вы»². Широкое использование нового понятия в современной политической лексике в определенной мере отражает происходящую модернизацию сущностных форм власти, в ходе которой:

- размывается иерархия, растет значение горизонтальных связей и зависимостей;
- ощутимо стираются различия между субъектами и объектами властных отношений, они отличаются не качественными, а позиционными, ролевыми характеристиками;
- директивное управление замещается «ориентацией», в рамках которой растет значимость самостоятельности выбора из множества вариантов действий;
- санкции становятся «размытыми», нежесткими, четко не прописанными;
- наиболее предпочтительным оказывается нежесткое воздействие или скрытое влияние;
- изменяется природа наиболее востребованных норм: для них все более характерным становится не однозначное предписание, а указание на возможные пределы действия, которых может быть много;

¹ См.: Най Дж. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск, 2006.

² Най Дж. Будущее власти. М., 2014. С. 56, 390.

— неформализованное влияние в виде негласных допущений, договоренностей оказывается более предпочтительным, чем институциональное.

Почему власть «смягчается» и меньше нуждается в санкциях, с помощью которых происходит внешняя коррекция поведения людей? Наверное, в силу того, что в современном информационном и технологичном мире возможностей воздействия на внутренний мир человека становится больше.

Однако в новых формах власть сохраняет свои сущностные качества: она направляет человеческое поведение, опирается на силу (формы, проявления и качества которой становятся все более многообразными, а зачастую скрытыми, латентными), предусматривает санкции. Их содержание и способы реализации значительно изменя-

ются. Поскольку нормы в таком типе власти размыты и не существуют в явном или кодифицированном виде, установить меру их нарушения практически невозможно, санкции носят диффузный, тоже мягкий, но весьма ощутимый характер. Они могут выражаться в моральном осуждении, психическом неприятии, отторжении, бойкоте, прямом противодействии.

Две тенденции. Для современных властных отношений и их дальнейшей эволюции характерны две противоречивые тенденции. С одной стороны, «власти предержавные» обращаются к жестким формам управления: устранение общества от участия в принятии решений, элитарность, иерархичность. Такая власть становится более brutальной, иерархизированной, замыкающей в себе, склонной к манипулированию. Она использует техники пропаганды и риторику, характеризующиеся альтернативностью мышления, склонностью к поляризации и неприятию оттенков. И действительно, в определенных ситуациях использование суррогатных, демонстрационных форм «единства» открывает возможность временных согласованных действий. Но подобная система власти могла бы быть успешной в условиях жесткого ограничения информационного поля, в сетевом же информационном обществе это невозможно. Она не улавливает потребности, грубо навязывает свои модели поведения массам, порождает сегментацию общества, сопротивление «автономных идентичностей» (М. Кастельс), действующих как антиподы государственным институтам. Возникают и множатся ячейки «антигражданского общества», руководствующиеся нормами — вызовами институциональным правилам (коррупция, падение дисциплины, неисполнительность, аморализм, доминирование преступных сообществ). Институционализированные нормы все меньше принимаются во внимание участниками

политического процесса, и прежде всего людьми, распоряжающимися властью. Все большее значение имеют негласные договоренности, всякого рода умолчания, экстренные формы реагирования властных структур, согласования властвующих элит. Такую неинституционализированную власть все труднее локализовать и контролировать¹.

Другая тенденция связана с модернизацией властных отношений в результате развития социальных сетей. В сетях происходит формирование своих специфических форм властных отношений, сочетающих зависимость и свободу, демонстрирующих возможность децентрализованной мобилизации (основное назначение властного ресурса), основывающих властное действие на информационном и иных ресурсах. Используются иницирующие, но жестко не предопределяющие и не регламентирующие активность стимулы и нормы для придания не столько нужной упорядоченности, сколько необходимого направления, предполагающие значительную внутреннюю автономию субъекта действия.

Эффективность сетевых властных систем коренится в новых условиях коммуникации: более высокой скорости распространения информации; неограниченных возможностях осуществления обратной связи; значительном сокращении всякого рода посреднических звеньев, способных исказить, присвоить или заблокировать информацию; кодификации, ясной для всех участников взаимодействия.

Существуют и факторы, существенно снижающие эффективность сетей как систем власти. Столь ценное и важное в сетях качество нелинейности лишает их четких линий зависимости, предопределяющих направление действия участников, порождает прерывистость, квантификацию властных импульсов. Санкции здесь размыты, ответственность четко не определена.

Очевидна неоднозначность ситуации: значимость оснований, объясняющих стремление власти к использованию более индивидуализированных, менее идеологизированных, нелинейных, содержащих

большие возможности выбора и ответа подходов, не отменяет необходимости сохранения нормативных форм ее организации, а в определенных ситуациях делает их более востребованными. Поэтому новые формы власти не вытесняют и не замещают старые, которые, правда, видоизменяются в современных условиях. В своих нормативных рамках власть и политика более предсказуемы, понятны, их можно контролировать, выстраивать в соответствии с их стабильными императивами стратегии поведения.

¹ См.: Кочетков А. П. Демократия и элиты. М., 2007. С. 159.

Глава 4

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ПОЛИТИКЕ

Общие представления о пространстве и времени. Обращения к проблематике и терминологии времени и пространства постоянно встречаются как в обыденной, так и в научной политической лексике, обозначая обычно конечность, длительность политических процессов и явлений («100 дней президента...», «времена Хрущева (Ивана Калиты, Брежнева и т. д.)», «время остановилось... в таком-то месте...», «кончилось ваше время») или их отделенность и взаимосвязь друг с другом («властная вертикаль», «пространство (или поле) власти», «жизненное пространство» и т. д.).

Обсуждение этих проблем в научных терминах предполагает учет философской традиции их анализа. Формирование подобных представлений связано с отражением и трактовкой важнейших параметров реальности: *протяженности* ее объектов, их *соотнесенности* друг с другом и *длительности* существования. Эти свойства порождены обособленностью объектов, их отделенностью друг от друга, возможностью самостоятельного бытования. В слитом, неструктурированном и неподвижном мире пространства и времени просто не было бы.

Категория пространства выражает такие свойства реальности, как протяженность (рядоположенность, сосуществование объектов), их структурность (внутренняя организация, строение), сосуществование и взаимодействие. Свойства пространства разделяют на *метрические* (измеримые и изменяемые — например, размер, расстояние между телами, количество элементов в пространстве и т. д.) и *топологические* (не зависящие от количественных параметров объектов — например, равномерность и непрерывность пространства, его структурность (наличие внутреннего строения)).

Зарождаясь как представление о пустоте,местилище тел (Демокрит, Эпикур, Ньютон), категория пространства затем приобретает смысл в качестве представления о протяженности вещества и эфира (Декарт, Спиноза, Бэкон, Гоббс, Гольбах) или упорядоченности ощущений (Беркли, Кант, Мах). Важнейшим элементом современных представлений о пространстве и времени служит понимание их зависимости от процессов, происходящих в тех объектах, к характеристике которых они применяются (критически большие изменения в мас-

се и скорости движения тел ведут к модификации этих характеристик).

Формирование представлений о времени также характеризуется включением различающихся трактовок (например, у Аристотеля и Гольбаха — «длительность, мера изменения материи», у Беркли и Канта — «форма упорядочения комплексов ощущений»).

Представления о времени развиваются вокруг измерения движения и способов его фиксации, отображения таких свойств бытия, как длительность, последовательность событий.

Свойства времени, как и пространства, могут быть метрическими (выражаться в скорости происходящих изменений) и топологическими (проявляться как: длительность — последовательность сосуществования и смены состояний; единство прерывности — длительности существования конкретного объекта и непрерывности — длительности существования субстанции; необратимость движения от прошлого к будущему, наличие «стрелы времени»).

Время связано с изменениями. Там, где нет никаких изменений, нет и периодов существования, нет длительности, а следовательно, нет и времени. Там же, где изменения есть, где существуют длящиеся процессы, возникают проблемы их обратимости или необратимости, т. е. возможности абсолютного воспроизведения того, что уже было, а также оценки направленности происходящих изменений, что связано с нахождением меры, эталона, которыми эта направленность может быть установлена и измерена. Рано или поздно появляется и вопрос признания или отрицания зависимости течения и восприятия времени от тех событий, мерой которых оно является. И гипотетически мы можем предположить, что время способно остановиться (если не будет абсолютно никаких изменений), ускориться или замедлиться (в зависимости от скорости и темпов происходящих изменений), течь вспять (если происходит абсолютное восстановление того, что было).

Политическое пространство и его специфика. Наличие глубокой связи между политикой и пространством фиксируется в целом ряде, может быть, случайных, но весьма существенных для рассмотрения данной темы представлений:

— первоначальное значение исходного для политики понятия polis — специальное место (пространство) в Афинах для проведения общих собраний¹;

¹ См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 137.

— смысл политики — влияние, отношение, всегда имеющие некую структурированную форму, включающую соотнесенность субъекта и объекта, их отделенность, занятие места (в том числе и символического, статусного) относительно друг друга, т. е. в пространстве;

— сущностные признаки таких политических явлений, как государство и его суверенитет, — контроль над определенной территорией, владение *пространством*; если он отсутствует — нет ни государства, ни суверенитета.

Политическое пространство — это разнообразные формы отношений между людьми и политическими институтами, сфера деятельности политических субъектов. Данное понятие выражает по крайней мере два важных качества политических отношений:

— их зависимость от состояния физического, вернее, географического пространства, в рамках которого разворачивается политическое действие: от размеров территории и ее рельефа, климата, плодородия почвы и богатства недр. Обусловленность эта сложна и неоднозначна, зависит от уровня развития общества, задач, которые данное общество решает, но она всегда существует и изучается специальными науками: геополитикой и политической географией;

— неоднородность ролей, различие позиций участников политических отношений, их иерархичность, то, что каждый человек в политике использует собственный потенциал властных полномочий (может выступать в качестве активиста, руководителя, чиновника, оппозиционера и т. д.), которые к тому же распространяются на разные по численности группы людей.

Модели политического пространства. С течением времени представления о возможных пределах и формах взаимодействия политических субъектов менялись, отражая те реальные изменения, которые с этими взаимодействиями происходили. Среди этих представлений достаточно четко различаются три.

Замкнутое политическое пространство (у Аристотеля). Место действия — полис, а характер отношений определяется проблемами управления им. Здесь действуют основные акторы «Политики» Аристотеля. Политические отношения разворачиваются внутри полиса, а внешние сношения политических общностей нерегулярны и происходят чаще всего неполитическим образом (война). За границами политического пространства начинается пространство войны, где действуют не собственно политические механизмы взаимодействий (власть, влияние, убеждение, зависимость), а сила и насилие (захват, разрушение, овладение и т. д.). Они обеспечивают не взаимодействие

политических субъектов, а их взаиморазрушение. Результат политики — изменение отношений между ее субъектами (трансформация политического пространства), результат войны — изменение пространства политики — элиминация политического субъекта и его замещение другим.

Классическое политическое пространство (начиная с Бодена, Канта) — это силовое пространство влияния, очерченное и изменяющееся и внутри, и вовне под воздействием суверенитета государств, измеряемое, фиксируемое средствами политической науки. Его основными субъектами являются государства, партии, лидеры, а важнейшим качеством служит четкая фиксация, определенность границ, позиций, зон влияния, ролей. Политика в значительной степени сводится к ролевой игре, каждый из участников которой знает свое место, функцию и стремится получить необходимый для него результат.

В политической теории и практике существует две основные точки зрения на границы классического политического пространства. Этатизм (его крайней формой служит тоталитаризм) исходит из принципа необходимости и полезности беспредельного расширения политического пространства, возвышения всех социальных проблем до политического уровня, а роли государства — до единственного регулятора общественных отношений. Либерализм, наоборот, считает необходимым сужение политического пространства до небольшого круга проблем и отношений (оборона, внешняя политика, регулирование некоторых конфликтов в социальных отношениях), уменьшение роли государства в обществе. Реальные границы политического пространства зависят от состояния социального организма, в одних случаях требующего усиления политического вмешательства и регулирования (например, в условиях войны или радикального преобразования общества), в других же — освобождения все большего количества сфер социальной жизни от политического контроля и регулирования.

Постклассическая модель фиксирует, как меняется политическое пространство под воздействием глобализации, информационной революции, нарастания сетевых взаимодействий. Оно характеризуется размытостью границ политических субъектов, неопределенностью, переходностью их позиций, сменой ролей и трансформацией их существенных качеств. Появляется множество новых субъектов, взаимодействия между которыми создают совершенно неожиданные конфигурации политического пространства. Пространство политики становится в подлинном смысле мировым, так как действия все множасьего числа политических субъектов выходят за пределы национальных гра-

ниц и территорий. Более или менее точно предсказать их последствия практически невозможно. Политическое пространство виртуализируется: радикально умножается количество возможностей, направлений и форм политического действия, увеличиваются всякого рода зависимости. Довольно часто они не воспринимаются самими участниками политического действия как сколько-нибудь значимые, но содержат в себе громадный потенциал последствий.

Свойства политического пространства. По аналогии с общими свойствами пространства и времени первую группу свойств политического пространства можно назвать метрическими свойствами, вторую — топологическими.

Политическое пространство неоднородно и в зависимости от состояния социального организма способно как расширяться, так и сужаться, открывая или ограничивая круг проблем, решение которых происходит с участием субъектов политики, использующих специфические политические средства. Представляя собой прежде всего совокупность отношений, позиций, политическое пространство формируется энергией власти, его свойства и конфигурация (топология) зависят от характера ее использования.

Оно проявляет себя как «распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически (как тела, привязанные к постоянному месту: закрепленное место жительства или главное место обитания) и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг»¹. Границы политического пространства определяются силовыми (властными) полями влияния политического субъекта. Они могут удаляться от субъекта, имеющего большой властный потенциал (вплотную подходя к другим участникам политических отношений), или, наоборот, приближаться к нему, если этот потенциал невелик.

Политическое пространство обладает свойством относительности — оно расширяется или сужается в зависимости от активности субъекта политики, а также свойством многомерности — включает в себя множество возможностей, направлений политического действия. Очевидная зависимость политического пространства от взаимодействия субъектов политики не дает, однако, оснований для его истолкования как субъективного феномена, местом бытия которого служит сознание.

¹ Бурдье П. Указ. соч. С. 40.

Политическое пространство и пространство политики. Многочисленные конфигурации политических отношений создают и различные формы, модификации политического пространства. Оно не может быть однородным из-за неодинаковых властных потенциалов его участников, степеней активности политических субъектов и их человеческой «массы». Многообразие пространственных отношений в политике может быть более определенным, если различать понятия «политическое пространство», фиксирующее отношения, складывающиеся между субъектами политики, и «пространство политики», обозначающее место разворачивания политических событий. Общими у этих двух понятий являются зависимости, отношения субъектов политики, неоднородности политического пространства и его «завязанность» на центры власти, а освоение территории происходит прежде всего с помощью «снабжения» ее центрами власти¹. Но первый термин фиксирует *динамику*, изменчивость политических отношений, второй — их *статику*, т. е. условия, границы их протекания, результаты.

Представления о пространстве политики отражаются в такой области знаний, как *геополитика*. Ее специфика заключается в выявлении отношений между самыми крупными субъектами политики: государствами, странами и народами, установлении зависимости этих отношений от географических объектов: морей, океанов, континентов, островов и т. д. Реализуя этот подход, геополитика абстрагируется от динамики повседневности, выстраивающей ткань политики действий людей, государств, политических институтов. Это позволяет увидеть стабильное в политике, инерционность в поведении больших масс людей и их институтов, их относительную независимость от политической конъюнктуры.

В наше время под воздействием гигантских экономических, информационных, технологических изменений радикально меняется как содержание, так и представления об основополагающих политических явлениях: самой политике, власти и ее основаниях, государстве и его роли в обществе, идеологии и т. д. В этих условиях понятное направление поиска объяснительных схем политического процесса — обращение к неизменным (или медленно эволюционирующим) основаниям и факторам политики. Такие понятия, как «геополитические интересы», «геополитическая катастрофа» или, наоборот, «геополитическая стабильность», «Евразия», «геостратегический паритет»,

¹ См.: Заметина Н. Ю. Модели политического пространства // Полис. 1999. № 4. С. 31—34.

служат важным компонентом современной политической аргументации, обоснования политических действий и программ.

Выросшая на основе идей географического детерминизма геополитика в XIX—XX вв. благодаря работам ученых, политиков и публицистов Ф. Ратцеля, А. Т. Мэхэна, К. Хаусхофера, Х. Маккиндера, В. Вильсона и др. значительно повлияла на общественное мнение. С ее помощью объясняются многие политические процессы и явления, в том числе и современные. Достаточно назвать имена таких известных политологов, как З. Бжезинский, Г. Киссинджер, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, активно использующих геополитические представления и аргументы в своих теоретических и футурологических построениях. К этим аргументам обращаются в реальной политике и в военно-стратегическом планировании.

Однако наделенные шовинистической и расистской аргументацией геополитические представления послужили и для формирования фашистской идеологии и политики («жизненное пространство», «цивилизации моря и суши», «срединные государства»), дав основания для ее характеристики в качестве «реакционной лженауки». Оценивая геополитику в целом, следует отделять научные представления от политической риторики, идеологических и пропагандистских клише, просто агрессивных лозунгов, подкрепляемых «научными» аргументами, видеть ее рациональный смысл прежде всего в стремлении к поиску констант, устойчивых тенденций в мировой истории и политике.

К ним геополитики относят:

- рассмотрение государств как биологических организмов, развивающихся по логике пространственной экспансии;
- зависимость геополитического потенциала от территории, населения, экономической и военной мощи, национальных особенностей народов;
- контроль над территорией означает контроль над политическим пространством;
- существование оптимально возможного, подконтрольного политического пространства;
- потерю контроля над пространством одного субъекта означает его приобретение другим субъектом.

В выделении такого рода тенденций ничего реакционного или противоречащего исторической практике нет, хотя обобщение гигантского числа факторов, учет в принципе бесконечного количества обстоятельств оказываются невероятно сложной задачей. В геополитике она решается при обращении не столько к научным, сколько к

образным, мифологическим представлениям типа «ось мира», «цивилизации суши и моря», «власть суши и власть моря» и т. д. Это свидетельствует не столько об изначальной ложности, сколько о незрелости складывающихся здесь идей и представлений, нуждающихся в дальнейшем логическом, статистическом, системном и других обоснованиях.

Однако следует иметь в виду, что именно такие представления лежат в основе политики многих государств и их объединений, и не знать о них по меньшей мере неразумно.

Представления о социальном и политическом времени в наиболее общей форме отражают специфику динамики общественных отношений. Поскольку время служит характеристикой происходящих изменений и выражает их скорость, ритм, направленность, стадийность, оно зависит от природы тех объектов, характеристикой которых является. И время физических, биологических, социальных объектов обладает выраженной спецификой. Его течение в обществе реализуется как история и зависит от интенсивности происходящих событий; культурной среды, в которой они имеют место быть; мировоззрения, в рамках которого осуществляется их оценка и измерение.

То, что в одной культуре воспринимается и оценивается как продвижение к лучшему будущему, в другой может оказаться опасным и разрушительным. Таким процессом с диаметрально противоположными временными значениями была колонизация многих народов Азии и Африки. Не менее противоречивым оказалось по своим последствиям и «освобождение» этих народов от колониализма. Многие из них впали в архаику и хаос, хотя и в прежние времена не стремились. Примерно тем же самым обернулось победное шествие «нового русского капитализма» в российской деревне. Самым «изящным» обозначением создавшейся ситуации служит термин с выраженным временным («темпоральным») значением — «неперспективность».

О «распаде времен» говорят, когда речь идет о резком изменении

сложившегося порядка жизни, переходе социальной системы в чуждую для нее культурно-историческую среду. И это довольно точное обозначение реальных разрывов порядка развития, изменения темпов, направленности, сложившихся форм регуляции социальных отношений.

Социальное время неоднородно и зависит от насыщенности событиями — социальное и политическое время может уплотняться, разряжаться или вовсе останавливаться при их отсутствии.

Теоретические модели социального времени. Формационное время. В рамках предложенной К. Марксом теории общественно-экономи-

ческих формаций социальные и исторические изменения интерпретируются как последовательная смена исторически и экономически обусловленных типов общества, единых социально-экономических систем, характеризующихся свойственной данной системе экономической организацией, специфической социальной структурой, особым типом политических отношений и государства. Развитие осуществляется как внутри каждой формации через зарождение, расцвет, кризис — формирование предпосылок возникновения новой более высокоразвитой формации, так и как переход от одной формации к другой, более высокоразвитой. Смена формаций представляет собой и смену типов исторического времени.

Цивилизационное время. Считается, что каждая цивилизация как социальная общность, формирующаяся на основе единства культуры, духовных ценностей, кодов и приоритетов деятельности, обладает своими временными циклами. Эти циклы различаются «стрелами времени», которые могут быть направлены как на ускорение и переход настоящего в будущее, так и на организацию движения в рамках незыблемого настоящего, обладающего самостоятельной ценностью. Новации всякого рода рассматриваются здесь как угроза фундаментальным основам бытия, и смысл политики видится в их задержке, блокировании.

Модернизационное время. Время в рамках данной концепции служит мерой перехода, движения общества из состояния архаики и отсталости, характеризующейся господством примитивных форм организации экономической и политической деятельности, к современной рациональной организации общественных отношений, построенных на уважении и защите прав человека.

Историческое время — это время интерпретации, истолкования прошедших событий. Оно создает возможность предсказания, обладает значительным ресурсом предвидения, служит теоретической основой всякого рода экстраполяций, смысл которых заключается в предложении сформировавшихся в прошлом и обнаруженных в настоящем тенденций для будущего.

Политическое время, в отличие от исторического, вплетено в практику, непосредственно влияет на текущие события, является фактором, творящим политическую реальность. Состояние этой реальности зависит от того, как представляют себе время и что ожидают от него участвующие в политике люди. Если эти представления, скажем, эсхатологические, то негативное или разрушительное течение событий, ломающее первоначальные замыслы и намечаемые проекты, воспринимается как норма, как ожидаемый и естественный ход ве-

щей. Если эти же события оцениваются в рамках линейно-прогрессистских представлений о времени, то они будут восприняты как неожиданный, нежелательный и неестественный ход вещей.

Человек в политике благодаря своим действиям оказывается участником установления временного ряда — ускоряет или замедляет течение событий, инициирует движение к лучшему или худшему, поступает вопреки замыслам и опасениям или в соответствии с ними.

В политике он имеет дело с дискретными, прерывными, ограниченными во времени рядами событий: все имеет временные пределы, сроки. Если это выборы — то когда они проводятся, полномочия — на какой срок даются, обещания — в пределах какого времени реализуются, задачи — на какой период ставятся и т. д. Довольно часто именно фактор времени оказывается в политике решающим.

Достаточно напомнить некоторые события истории.

Выбор В. И. Лениным момента восстания в октябре 1917 г.: 24 октября — рано, 26 октября — уже поздно.

Политика И. В. Сталина в 1939—1941 гг.: подписание договора о ненападении с гитлеровской Германией оценивается как коварное и беспринципное. Однако для подготовки СССР к войне нужно было время. Его все равно, как известно, не хватило.

К 1980 г. в СССР в соответствии с третьей Программой КПСС должны были построить коммунистическое общество. Олимпийские игры в Москве в том же году были приятной, но не совсем адекватной заменой ожидаемого и обещанного коммунизма. Последовавшая за этим череда событий за 10 лет снова превратила коммунизм в красивую, но теперь уже очевидно несбыточную мечту.

Свойства политического времени. Не метафорическая, а методологическая нагрузка категории политического времени заключается прежде всего в том, что она служит мерой энергии власти, ее способности влиять на ход политических процессов, их ускорение или замедление. Она выражает зависимость хода политических процессов от их насыщенности политическими действиями, от богатства и многообразия событий.

Как и политическое пространство, политическое время неоднородно, отражает как многообразие форм течения событий, так и потенциал их развития, сложность его направлений. Особое значение здесь имеют ситуации зарождения возможностей («точки бифуркации»), в зависимости от которых течение политического времени может значительно изменяться: ускоряться, замедляться, вообще останавливаться или течь вспять. И происходит это именно в силу обу-

словленности его состояний интенсивностью и направленностью течения событий, мерой которых оно является.

Возможность воспроизведения уже бывшего в политике, прохождения политических процессов по неким циклам и уже известным траекториям, конечно, с соответствующей сменой акторов, дискурсов и проблем, требующих политического решения, существует и говорит об абсолютности необратимости и относительности обратимости (в силу их фактуальной неповторимости) политического времени. Абсолютной (т. е. не допускающей исключений) является невозможность политики вне времени, обязательная привязка политических процессов к определенному состоянию ее субъектов и изменению их соотношения.

Основные модели политического времени. Политика оказывается хо-

рошей иллюстрацией теории относительности применительно к конкретной области бытия. Очевидна зависимость политического времени от интенсивности политической жизни, ее насыщенности событиями, быстроты политических изменений. Оно ускоряется, замедляется или вообще останавливается, когда ничего серьезного не происходит, служа реальной мерой последовательности событий и отражая в хронологии их разветвление, остановки, движение вспять и другие изменения.

Модификациями отражения этого многообразия служат следующие состояния временного ряда:

- *«время остановилось в...»* — ничего не происходит;
- *круговорот*, цикличность событий — все, что происходит, оказывается повторением или слабой модификацией того, что уже было;
- *эсхатология* — движение от некогда установленного благого состояния к его все более ухудшающимся модификациям до точки всеобщего искупления, очищения, преобразования на новой основе и новый круг движения по линии деградации;
- *линейное время* — последовательная смена состояний, в рамках которой происходит накопление, аккумуляция достоинств и преимуществ или недостатков; в первом случае речь идет о времени прогрессивного развития, во втором — о социальном и политическом регрессе;
- *политический прогресс* — развитие политических отношений, их совершенствование, нарастание полноты отражения в политической системе разнообразных социальных интересов, серьезный учет человеческого разнообразия и свободы.

Пространственно-временной континуум политики. Можно говорить о едином пространственно-временном континууме политики, поскольку

ку пространство и время взаимосвязаны и отражают общие процессы, будучи характеристиками единого — структуры властного действия. Взятые вместе, как континуум, они служат отражением структурности бытия (элементной и событийной), предполагают разделение и единство его компонентов.

Пространственно-временной континуум политики служит концентрированным выражением как ее изменчивости, проявляющейся в смене позиций, течении событий, так и взаимодействия — связанности, зависимости явлений друг от друга. Он демонстрирует единство последствий изменения политического пространства и времени: сжатие, ускорение, переходность состояний, возможность трансформации одних изменений в другие (начавшись как изменения в политическом пространстве, они отражаются на времени — ускорении или замедлении политических процессов). А остановка времени при отсутствии событий действий ведет к сжатию пространства влияния, выпадению из сферы общественного внимания, непрявственности.

Изменение структуры властного действия отражается на пространственных и временных параметрах политики. Принадлежность политических явлений к одному временному ряду, их «синхронизированность» делает их элементами и единого политического пространства, например, при распределении ролей, функций в рамках согласованного порядка политических действий. Рассогласование вызывает «асинхронизацию» политического процесса, когда его элементы оказываются в разных временных рядах¹. Такие пространственные преобразования в мире политического, как расширение взаимодействий и проблем, по поводу которых они возникают, открытость отношений, богатство событиями ускоряют течение политического времени, делают каждый его момент насыщенным, богатым возможностями. Противоположные процессы, связанные с разрывом связей, изоляцией, формируют замкнутые политические пространства, событийный ряд в которых крайне беден, а политическое время замедляет свой ход,

ведь оно фиксирует изменения, а если их нет, оно может остановиться. Такое состояние свертывания пространственно-временного континуума в политике напоминает состояние «черной дыры» в астрофизике и заканчивается тоже сходно — «большим взрывом».

Фактором, обеспечивающим изменения в пространственно-временном континууме политики², служит власть, которая, действуя отнюдь не как слепая сила или темная энергия, способна так менять от-

¹ См.: Ильин М. В. Феномен политического времени // Полис. 2005. № 3. С. 16.

² См.: Филиппов А. Ф. Пространство политических событий // Полис. 2005. № 2. С. 18.

ношения между субъектами политики (политического пространства), что это переводит их в иной временной ряд, ускоряя течение событий, замедляя или вообще останавливая. Таким образом, преобразование политического пространства, т. е. структуры отношений, оказывается связанным со сменой времени: изменением темпа событий, их хронологии, ибо и то и другое есть единое — порядок событий и отношений.

Пространственно-временной континуум политики проявляет себя и в том, что большие политические преобразования начинаются с совсем малых и кратковременных событий и поступков. Последствия этих кратковременных событий действуют очень долго.

Факторы изменения пространственно-временного континуума политики. Пространственно-временные изменения в политике образуют некое единство, зависят от факторов, задающих основные параметры их изменения. Последствия их воздействия сходны.

Экономика. В. И. Ленин, конечно, был прав, называя политику «концентрированной экономикой». Экономический потенциал рано или поздно переходит в политический (ясно, что существует и обратное движение). Именно этот фактор привлекает новых (или низводит старых) участников политического процесса. Экономическое развитие синхронизирует политическое время, вводя участников политики в единый круг насущных проблем и доступных возможностей, заставляет прислушиваться друг к другу и действовать в рамках одного ритма, единого экономико-культурного цикла.

Власть представляет собой энергетику политических отношений: она определяет социальное пространство других¹, меняет положение участников политики относительно друг друга (конфигурацию политического пространства); присвоение политического пространства происходит через утверждение власти². Власть может как закрывать (захлопывать) политическое пространство, целенаправленно ограничивая или вообще элиминируя контакты между участниками политических отношений, так и открывать и расширять его, вводя новых участников, открывая новые сферы их взаимодействия, а также властного воздействия, контроля и регулирования. Власть способна своими действиями как ускорять, так и замедлять политические события. Часто обладатели властного ресурса пытаются вообще их остановить, зачищая политическое пространство, сокращая число его участников. Но это оказывается невозможным, ибо круг проблем,

¹ См.: Тишков В. А. Что есть Россия? (Перспективы национализма) // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 6.

² См.: Бурдьё П. Указ. соч. С. 38.

создающих напряжение политического поля, остается, в него вовлекаются все новые акторы, постоянно формируя политическое пространство и задавая ритм политическому времени. Переводя политические феномены из виртуального в реальное состояние и обратно («выход» или «уход» политических деятелей с «арены» и их возвращение обратно), власть делает невозможное возможным и реальным, меняя временные ряды их существования.

Информация. В свое время М. Маклюэн, подчеркивая роль радио в радикальном повышении скорости распространения информации и в создании однородной коммуникационной новостной среды, ввел понятие «мировая деревня». Действительно, современные СМИ создают возможность практически мгновенного распространения сообщения, делая его доступным для всех людей, и, конечно, вносят огромные изменения в его содержание («средство есть сообщение», по словам М. Маклюэна). Степень однородности политического пространства в этих условиях повышается, открывая широкие возможности для взаимодействия участников политических процессов, в том числе повышая уровень сходства, близости самих политических процессов. Разнородность содержания информации (в силу различия языков, символов, интересов, культурных кодов) разрывает политическое пространство, изолирует участников завесой непонимания, т. е. делает политические пространства замкнутыми.

Информация изменяет направления движения политических субъектов, делая одни тенденции привлекательными, другие — нет. Она же создает виртуальную политическую среду, вводя в нее все новые симулякры, может умножать политические миры, все более удаляя их от реальных политических отношений, формируемых на основе действительных, а не искусственных интересов и потребностей.

Соединяясь и разделяясь, информационные потоки заставляют людей жить в одном или разных политических временах, объединяя или обособляя их символы, культурные коды, способы реагирования на «вызовы», да и в значительной степени формируя образы самих этих «вызовов», раскрывая одни и затеняя другие или вообще не замечая их.

Богатство информационного ресурса ускоряет политическое время, скудость — замедляет его, кстати, расширяя или сужая донельзя и политическое пространство.

Сила широко используется в политике и в истории в качестве военной мощи, энергии массовых действий, коалиций государств и проч. Она органически связана с властью, постоянно использующей принуждение. Сила меняет политическое пространство, исклю-

чая или, наоборот, умножая возможности и направления действия политических субъектов, изменяя их позиции относительно друг друга. Она же может стать средством ускорения и замедления политического времени, прерывания его, перевода событий в другие временные ряды.

Выражения единства пространственно-временного континуума политики. *Глобализация* существенным образом меняет сложившиеся параметры политического пространства, создает его новую модификацию. Она умножает количество политических субъектов, меняет их статус и потенциал: теряют силу одни и приобретают ее другие. В связи с этим стержень классического политического пространства — отношения между государствами, политическими партиями, лидерами — не может оставаться неизменным. Структура, формат силовых полей в об-

шестве (то, что, собственно, и называется политическим пространством) становятся подвижными. И иначе не может быть, если исходить из того, что пространство служит выражением отношений между агентами — участниками взаимодействия, а отношения эти сотканы из противоречивых тенденций. С одной стороны, глобализация способствует нарастанию однородности, нивелировке региональных, национальных, культурных и бытовых различий, усредняя тем самым пространство политики, делая его более однородным. Но есть и встречное движение: оно связано с ростом неоднородности, обособлением, фрагментаризацией. Умножение количества политических субъектов, рассредоточение их потенциалов ведет к мультипликации политического пространства. Действующие в нем векторы силы умножаются, но и ослабевают. Так, во внешней политике прослеживается тенденция к формированию малых геополитических единиц, а в политике внутренней лидеры теряют магический ореол и оцениваются прежде всего как эффективные менеджеры. Качество устойчивости меняется: баланс ее поддержания становится более уязвимым, начинает зависеть от все увеличивающегося количества факторов, в том числе и случайных, которые не только нарушают стабильность, но и уравнивают друг друга.

В новом, созданном движением информации политическом пространстве, когда происходит осязаемая виртуализация политической среды и грань между реальностью и фикцией стирается, все большую значимость приобретают операции с виртуальными объектами. Именно здесь разыгрываются основные события, возникают и обсуждаются «актуальные» проблемы (озоновые дыры, изменение климата, причины банковских кризисов последнего времени, однополые браки и т. д.). Здесь встречаются, переходят друг в друга или, наоборот,

дистанцируются реальное и возможное, невозможное и вероятное, настоящее и будущее и т. д. Множество политических явлений, фигур, образов, событий возникают благодаря телевидению и Интернету, не покидают границ информационного поля, но по степени влияния на политические процессы намного превосходят реальные политические феномены. Чувства «сопричастности», «присутствия», «участия» формируются помимо реальности; виртуальная значимость, степень представленности в СМИ могут быть велики, так же как и их влияние на поведенческие реакции людей, находящихся в создаваемом ими информационном поле.

Риск — это состояние готовности обрести новое качество, перейти в иное состояние, причем состояние это не предопределено и может быть самым разным, в том числе и совершенно неожиданным. Нынешняя общественная ситуация столь нова, а существующие риски так необычны, осязаемы и глобальны, что очевидна необходимость ранее не известных решений и путей развития. И такие решения и действия становятся все более возможными.

В ситуации риска, неопределенности жизнеспособность, мобильность и адаптивность как биологических, так и социальных систем в значительной степени зависят от их разнообразия. И в современной ситуации, как бы опасна и рискованна она ни была как для всего мира, так и для отдельных государств, этносов и конфессий, нарастание разнообразия бытия, в том числе и бытия политического, очевидно. Оно выражается в самых разных процессах, связанных с диверсификацией, дифференциацией, мультипликацией, в том числе демассификацией производства, ростом возможностей его переориентации.

Сеть деиерархизирует, нивелирует политическое пространство и индивидуализирует его. Это поле взаимодействия не институтов, а людей. Здесь растет значение личного представительства, и сетевые сообщества являются сообществами равных.

Радикальное увеличение скорости информационных потоков,

практически мгновенная передача информации в сетях, системность, связанность, целостность информационной среды имеют своим последствием «сжатие» политического пространства и времени (вернее, политического пространства-времени): большинство политических процессов и событий перемещается в «режим реального времени», т. е. в настоящее.

Обычный временной цикл развертывания политического события или процесса: причина (прошлое) — действие (настоящее) — результат (будущее) замещается сокращенным, сжатым, когда все развертывание причинной цепи от причины до результата осуществляется в

настоящем. В настоящем же происходит и обратное воздействие полученного результата на действие, его цель и причину. Вследствие таких преобразований политические события и процессы становятся необыкновенно скоротечными, для их мотивации характерен презентизм. Решающее значение имеют актуальные интересы, действующие в данный момент ценности, осуществляется переход от идеологических концептуальных схем к коротким сигнальным системам, к импульсам, нацеленным на эмоциональный отклик.

Политика как деятельность все в большей мере ориентируется на настоящее: она практически не зависит от прошлого, решает актуальные проблемы, старается не замечать будущего.

Происходит мультипликация (фрагментаризация, по А. И. Соловьеву) не только политического пространства, но и времени; времен политического бытия (т. е. модусов сосуществования его субъектов) становится все больше, а проблема их синхронизации — все сложнее. Единство же пространственно-временного континуума политики оказывается все более актуальным и находится в самых разнообразных состояниях. При этом всякая остановка в политическом времени становится и деструкцией политического пространства — рушатся структуры социальных связей или теряются территории. Движение же — фиксированное изменение во времени — ведет к наращиванию политического пространства: выстраиванию структур социальных связей, а часто и к территориальным приобретениям (территориальной экспансии).

Модернизация. Пространство и время modernity и post modernity. Политика служит подлинной «машиной времени». Она действительно может ускорять или замедлять течение событий. Организуя события, она вводит их в новые временные ряды, реально способствует переводу общества из одного временного состояния в другое: помещает в настоящее и будущее или отбрасывает в прошлое, в архаику. Ясно, что представления об архаике в значительной мере носят культурный характер и меняются в зависимости от того культурного контекста, в рамках которого формируются. Но практически всегда эти представления сводятся к интерпретации объективных признаков отсталости: неравенства, бедности, необразованности, болезней¹.

Движение от отсталости архаики к процветанию современности называется модернизацией и представляет собой приближение к некоторому реальному или мыслимому образцу, в наибольшей степени

¹ См.: Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / отв. ред. В. Г. Федорова. М., 2002. С. 94.

соответствующему требованиям и возможностям современных индустриальных систем, уровню развития информационных сетей, доступности власти человеку, его безопасности, защищенности от власти.

Если связывать модернизацию с индустриальной и постиндустриальной экономикой, свободной личностью, демократизацией семейных отношений, с гражданским обществом, правовым государством, то нетрудно убедиться, что эталоном, по которому определяется направление изменений ее временного ряда — от архаики к современности и далее — к постсовременности, — служат права человека. Именно по их развитости, степени защиты, возможностям реализации определяются уровень развития общества и само время, в котором живет человек.

Идея прав человека как политический принцип — детище европейской культуры, иудео-христианской цивилизации. Ее необходимыми компонентами являются:

- сочетание свободы и автономии личности;
- ориентация социальной практики на активное переустройство мира;
- индивидуализм;
- четкое обозначение и формализация прав;
- разделение божественного, сакрального и мирского;
- ответственность человека за последствия своих поступков.

Глобализация, усиливая взаимодействие культур и народов, раскрывает каналы влияния данного принципа на другие культуры, в ходе которого преобразуются определенные их сегменты и модифицируется сам принцип, дистанцируясь от начальных, породивших его условий и моделей цивилизационного развития. Взаимодействие, диалог культур здесь, несомненно, плодотворны, они формируют условия становления прав человека, как глобального, общепризнанного принципа человеческого и политического поведения.

Очевидным является и использование прав человека в режиме конфронтационного взаимодействия, когда берущие его буквально на вооружение социальные и политические силы исходят:

- из интеграции мирского и сакрального, переноса модели, способы борьбы с грехом в политические дела;
- отсутствия формализации, нормативного закрепления прав человека, порождающего произвольность толкования, что оборачивается их наделением самыми неожиданными, в том числе и противоположными первоначальному значению, смыслами;

— эгоистического и конфронтационного толкования прав человека как прав только своих, собственных, без учета прав других людей и народов (а иногда и противопоставляя их).

Если линия развития от архаики к современности оказывается достаточно понятной, то приемлемость эталона прав человека к оценке времени движения, по крайней мере, проблематична. Не случайно для характеристики его стадий используется чисто временная терминология, обозначающая только то, что это будет «после»: постмодернистское, постиндустриальное, постклассическое и т. д.

Эффективность политического управления возрастает от быстроты реагирования, высокой степени достижимости поставленных ближних целей. С точки же зрения долговременных последствий, снижения количества побочных результатов и вообще всякого рода

неожиданностей качество управления, уровень политической ответственности, понимание той роли, которую политик выполняет, оказываются довольно невысокими, так как во внимание принимаются непосредственные причины, контролируются и оцениваются только явные и очевидные следствия.

Обращение к анализу пространственно-временных параметров политики позволяет установить некоторые ее характеристики, трудноуловимые в рамках других подходов и методов исследования. Пространственно-временной континуум политической реальности отражает ее неоднородность, пульсацию, наличие разных возможностей и направлений развития, зависимость их реализации от деятельности вовлеченных в политику людей.

Очевидной является многоликость политических сообществ, проблем, состояний и тенденций их изменения. В них сочетаются устремленность в будущее и явная архаика, воспроизведение форм политики и власти, способов решения актуальных проблем в рамках стратегий и технологий социального действия, взятых из прошлого, там доказавших свою надежность и эффективность. В ситуации риска, нарастания виртуализации общество «открывается»; если не все, то по крайней мере многое становится возможным, в том числе и движение в самых разных направлениях и формах.

Глава 5

МНОГОЛИКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Образы «человека политического». Личностные качества людей, занимающихся политикой, — один из актуальных вопросов политического знания. Очевиден факт: одних людей политика привлекает, затягивает, они считают ее жизненно важной сферой самореализации; других оставляет равнодушными, они по возможности ее избегают или участвуют по принуждению (стимулированию), оставляя ее всякий раз, когда это принуждение заканчивается. Причем характер принуждения может быть самым разным: от силового или психологического давления до материального (в том числе корыстного) интереса.

Вхождение в политику связано с желанием и способностью представлять интересы других людей как свои собственные. Не у всякого человека это получается. Тем более интересно выявить устойчивые или изменяющиеся качества, формирующие такого рода способность.

Представления об этих качествах, об образе политика, об устойчивых тенденциях их изменения можно получить, анализируя мнения признанных авторитетов в области философии политики, которых этот вопрос всегда интересовал.

Конфуций. Выраженными чертами «доклассического» (традиционного) человека было следование традициям, укорененным в морали. Это порождало стремление и в политике руководствоваться нормами морали, вело к абсолютизации теологических аргументов для принятия политических решений.

Человек мыслится как сколок явлений более высокой сущности, в соответствие с которыми должно быть приведено политическое и социальное устройства: «Почтительность, великодушие, искренность, сметливость и доброта. Если человек почтителен, то не подвергается пренебрежению; если человек великодушен, то он привлекает к себе всех; если он честен, то люди полагаются на него; если он умен, то он будет иметь успех; если он милостив, то в состоянии будет распоряжаться людьми»¹.

¹ Конфуций. Указ. соч. С. 176.

Платон и Аристотель. По Платону, специфика деятельности политика — управление большими массами людей, их совершенствованием¹. Заботясь об общем благе, он должен быть мудр и следовать справедливости, смысл которой в том, чтобы «предоставить всем условиям возможность иметь свою долю в общем процветании соответственно их природным данным»². Эти природные данные делают людей предрасположенными к определенным видам занятий, и поэтому политикой должны заниматься только люди наиболее к этому приспособленные, обладающие необходимыми качествами и воспитанием, — это прежде всего философы и стражи. Именно им принадлежит власть в идеальном совершенном государстве. Но природа политического человека, по Платону, не статична, она ухудшается по мере движения от идеального типа ко все менее совершенным, формируя специфические для каждой из нисходящих форм государственного правления типы тимократического, олигархического, демократического и тиранического политического человека.

Многообразный и противоречивый мир политики у Аристотеля состоит из различных типов государств и их видов, и заселен он столь же пестрым набором политиков: аристократами, царями, тиранами, гражданами, льстецами. Все они зависят от своей природы, делающей их свободными или рабами, властителями или подвластными. В наиболее стабильных формах этого мира управление сосредоточено в руках наилучших. Это средний, умеренный, добродетельный человек, избегающий крайностей, мудро выполняющий свой долг. Среди качеств, необходимых правителю, Аристотель называет рассудительность, стремление к достижению общей пользы, умение как повелевать, так и повиноваться, следование добродетели и справедливости, «соответствующими каждому виду государственного строя»³.

Никколо Макиавелли. Политика, по Макиавелли, — это удел избранных, но хорошему правлению можно научиться, ибо существуют веками выработанные правила политики, знание и руководство которыми ведут к успеху, а пренебрежение — к поражению и неудаче.

Следовать названным правилам может человек, обладающий некоторыми специфическими качествами, делающими его пригодным для руководства другими людьми, выполнения политических функций. Прежде всего это реалистичное представление о природе действующего в политике человека, сочетающего в себе черты как челове-

¹ См.: Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. С. 8—9, 16.

² Там же. Т. 3. С. 190.

³ Аристотель. Политика // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М., 1997. Т. 1. С. 124.

ка, так и зверя, а также о средствах, которые надлежит использовать для достижения поставленной цели: они в силу действия первой причины могут выходить за рамки принятых моральных норм. «Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же»¹. Решительность, самостоятельность, уверенность в собственных силах также обеспечивают успех политического действия.

Марксизм. Описанные выше достаточно схематичные морализаторские, религиозные, философские или, наоборот, прагматические подходы сменяются яркими образами огромного количества людей, которые заполняют страницы произведений Маркса и Ленина. Они борются, страдают, переживают, предаются, рискуют, торжествуют, терпят поражение или находятся на вершине успеха. Их много, но в многообразии обстоятельств и характеров проглядывают и некоторые общие черты.

Поле деятельности человека в политике, его успех или неудача задаются классовой принадлежностью². В свою очередь, и личностные качества политика в значительной степени определяются спецификой его деятельности, ролью, которую он выполняет. Она подчиняет себе личностные характеристики, хотя полностью и не формирует их. В рамках отведенной ему миссии могут проявляться чудеса как героизма и подвижничества, так и подлости и коварства. Поскольку доминирующий мотив политической деятельности — интерес, судьба политика определяется сложной динамикой действующих интересов, которые формируют потребности в определенных человеческих качествах.

Так формируются представления о классическом типе политического человека, в основе которого лежит способность выражать социальные интересы и цели, организовать совместную деятельность для их достижения. Участие в идеологически иницируемом политическом движении формирует такие качества, как устойчивость к меняющимся обстоятельствам, упорство в реализации поставленной цели, дисциплинированность и способность решать коллективные задачи, умение согласовывать свои действия с поведением других людей, вера в лучшее будущее.

¹ Аристотель. Политика // Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 94.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Соч. Т. 8. С. 148.

Вильфредо Парето. В работах В. Парето явственно проступают черты неклассического этапа политической философии, в том числе пересмотр некоторых принципов трактовки образа политика, утверждение новых подходов, открывающих возможность фиксации новых черт, граней этого феномена.

В определенной степени Парето является продолжателем макиавеллиевской традиции: как и ее основатель, он считает, что решающую роль в политике играют сила и хитрость, а основными типами эффективно действующих политиков являются «львы» и «лисы». Люди изначально неравны между собой и не могут все и в одинаковой степени принимать участие в политической жизни, тем более руководить ею. Поэтому он считает демократию несовершенной формой организации политических отношений, ибо в ее рамках нера-

зумная масса получает доступ к процессу принятия политических решений. Реальная власть в политике и обществе осуществляется элитой — узким кругом лиц, знаниями, способностями, профессиональными и деловыми успехами доказавшими свою избранность. Характерные черты правящей элиты — высокая степень самообладания, умение улавливать и использовать для своих целей слабости других людей, способность убеждать, опираясь на человеческие эмоции, применять силу, когда это необходимо¹.

Исследовательское внимание Парето с описания внешних характеристик политического поведения (целей, ролей, действий, их социальной значимости) смещается к изучению его внутренней сути: мотивов, влечений, способностей и навыков, психических качеств, обеспечивающих успех политика, его влияние на других людей, способность повести их за собой.

Парето дерационализирует мотивы политического поведения. Он уверен в несовпадении человеческих побуждений и общего интереса и считает, что различные типы идейного обрамления политического действия — теории, программы, доктрины, заявления — реально лишь оформляют, рационализируют скрытые влечения — «остатки», представляющие собой «общие корни большинства видов поведения и экспрессивности». Среди «остатков» он выделяет пять классов: «инстинкта комбинаций», «незыблемости агрегатов», «потребности появления чувств во внешних действиях», «относящихся к социальности» и «сексуальных»². Интерес по-прежнему рассматривается в качестве главного основания политической деятельности, но в его описании

¹ См.: Карабущенко П. Л. Элитология Вильфредо Парето // Элитологические исследования. 1998. № 1. С. 29.

² См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 424—425.

внимание акцентируется на психологической стороне, нарастает и становится все более многообразным скептицизм относительно возможностей (при оценке эффективности) и мотивов (при оценке рациональности) политического участия, причем как массового, так и индивидуального.

Макс Вебер. Рассматривая занятие политикой как призвание и как профессию, Вебер предложил четкую систематизацию личностных качеств политика:

— профессией политика является для тех, кто подходит к ней чисто функционально, сосредоточивая жизненные усилия на самом процессе, на действии с целью достижения необходимого результата. Это государственный служащий — бюрократ, который «должен «управлять» прежде всего беспристрастно», и профессиональный функционер партийной избирательной машины — босс, политический менеджер, который «не имеет твердых политических принципов, он совершенно беспринципен и интересуется лишь одним: что обеспечит ему голоса?»¹;

— отношение к политике как к призванию формирует личность публичного политика, для которого «самоотдача в политике, если это не фривольная интеллектуальная игра, но подлинное человеческое деяние, должна быть рождена и вскормлена только страстью»².

Выделенные человеческие типы, представляя собой сочетание самых разнообразных человеческих качеств, изменяются в зависимости от типа власти, которую они реализуют: традиционного, харизматического или легального, еще более увеличивая множество личностных проявлений, которые оказываются нужными в сфере политики.

Гарольд Лассуэлл. С творчеством Г. Лассуэлла связано радикальное изменение трактовки образа политика, повлиявшее на современные представления об этом феномене. Речь идет об углублении дерационализации образа политика, обращении к анализу психологических и даже патопсихологических его характеристик, а также в повороте от господствовавшей методологии институционализма, сосредото-

основываясь на методологии, институционализма, сосредоточивавшей внимание на анализе роли политики в структуре политических отношений, — к изучению политического поведения. Меняется отправная позиция анализа: не от роли личности в политическом процессе к характеристике ее качеств, а наоборот — от характеристики личности к анализу той роли в политике, которую она играет.

Лассуэлл приходит к выводу, что, поскольку в основе разнообразия политического поведения лежат психические различия личност-

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 666, 683.

² Там же. С. 690.

ных структур, очень часто имеющие патологическую природу, «психологические методы описания личности вполне применимы для анализа политического поведения»¹.

Основаниями для такого рода выводов послужили следующие соображения. Г. Лассуэлл обратил внимание на большое, явно превышающее среднестатистические нормы количество психических аномалий среди политиков: алкоголизм, неврозы, сексуальные отклонения и расстройства. Причина — деятельность в условиях постоянного стресса, что практически неизбежно в реальной политике. Но становилось ясно и то, что отнюдь не всякий человек станет участвовать в этом роде занятий, тем более с тем упоением и азартом, которые столь часто демонстрируются, причем вроде бы без видимых причин.

Для политического человека, считает Г. Лассуэлл, принципиальной ценностью является власть, а стремление к ней становится основной жизненной целью. Сущность же власти — в «способности и воле утвердить собственные ценности как постоянные или переходные аргументы для других»². Поэтому деятельность политического человека не ограничивается сферой политики: в науке он стремится подменить истину риторикой и использовать идею как силу, в экономике пытается достичь своей цели дипломатией и переговорами, запугиванием, насилием или другими политическими средствами, в искусстве — выразиться в зажигающей показной репрезентации, в религии у политика собственный бог.

Основные типы политического человека — «администратор», «агитатор», «теоретик», причем в одном конкретном человеке могут сочетаться несколько типов. Специфика его деятельности и ее мотивации состоит в реализации открытой Г. Лассуэллом формулы политики: «рационализация замещения частного мотива в терминах публичного интереса»³, которая выглядит так:

$$p \} L \} r = P,$$

где p — частные мотивы индивида;

L — замещение частных мотивов, бытующих в семье, на публичный;

r — рационализация замещения в терминах публичного интереса;

P — политика.

Конечно, на мировоззрение Г. Лассуэлла повлиял З. Фрейд, подсказавший возможный путь поиска политической мотивации в при-

¹ Lasswell H. Psychopathology and Politics. Chicago, 1932. P. 230.

² Ibid. P. 50.

³ Ibid. P. 75.

роде сексуальности человека, в специфических комплексах нарциссизма, агрессивности, вины, боязни кастрации, в гомоэротических ориентациях, когда профессиональная политическая активность рассматривается как сублимация сексуальности.

Некоторые итоги перед большим поворотом. Описанные выше тенденции анализа образа политика можно обобщить следующим образом:

- нарастание учета многообразия качеств политического человека, их умножение; история диктует потребность в таком многообразии;

- смещение акцентов в создании образа политика от морали к природе человека, затем к экономике, а потом к психологии и даже к патопсихологии;

- движение к отражению целостности человеческой личности как важному и необходимому качеству политического деятеля;

- нарастание скептицизма, критичности, негативизма в оценке человеческих качеств, требуемых в политике и для политика.

Если говорить о некоем итоге, то обобщенный образ политика по всем своим основным параметрам не отличается от образа нормального, многообразного и противоречивого по своей сущности человека. Его отличительная черта состоит в том, что в силу ряда самых разнообразных как внутренних, так и внешних причин он становится активно действующим политическим субъектом, т. е. пользуется механизмом власти для реализации как общих, так и своих собственных интересов.

Но политический человек в такой его трактовке — это тот, кто управляет, влияет, направляет, от кого все зависят. Специфическим личностным характеристикам тех, кем управляют, внимание и не уделялось; подразумевалось, видимо, что это некая усредненная масса, элементы которой неотличимы один от другого. В определении ее качеств руководствовались принципом «гармонической асимметрии»: политик (управляющий) — концентрированное выражение лучших (или худших) качеств управляемых; нет ничего в лидере, чего не было бы в массе. Он является, так сказать, ее героизированным представителем, и именно поэтому возникает столь необходимое созвучие в их действиях, в силу чего одни оказываются способными управлять, а другие — подчиняться. Политические качества управляемых формируются под воздействием управляющих (пример, пропаганда, подражание), которые воспроизводят их в своем поведении.

Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе. Политический опыт XIX—XX вв., однако, показал, что такого соответствия между полюсами политики

или не существует вообще, или оно очень часто нарушается: в демократических странах могут возникать жесткие формы правления; активному и экспансивному лидеру приходится действовать среди пассивного населения; за энергичным представителем масс плетется вялый руководитель; монархические традиции народа противостоят ультрареволюционаризму его руководителей и т. д.

Постепенно вызывает идея о том, что массовый, «ведомый», подвластный участник политического процесса — это особый тип (вернее, совокупность типов), по своим личностным характеристикам отличающийся от «политического человека» — руководителя. Опыт тоталитарных режимов показал, что в особенно внимательном изучении нуждается «авторитарная личность» (Х. Арндт, Т. Адорно, Э. Фромм). способная подддержать и одобрить самые жестокие. опас-

ные и воинственные политические режимы. Сущность авторитарной личности — полное принятие, абсолютное уважение к власти, выражающееся в таких характеристиках, как:

- конвенционализм — принятие внешних ценностей, высокая степень отзывчивости на воздействие внешних обстоятельств;
- преклонение перед авторитетами;
- авторитарная агрессия — тенденция замещения враждебности, когда враждебность к авторитету переносится вовне;
- перенос ответственности за происходящее с индивида на внешние, враждебные силы;
- стремление мыслить сильными, упрощенными категориями, склонность к выбору крайних средств и оценок;
- желание власти и боязнь ее;
- оправдание своего поведения поведением других;
- вера в присутствие и влияние на политику дьявольских сил: всякого рода заговоров, тайных союзов и помыслов¹;
- нетерпимость к политическим оппонентам, чужому мнению, шаблонность мышления.

Аналогом «авторитарной личности» в современном демократическом обществе служит «одномерный человек» Г. Маркузе. Благодаря качеству одномерности он принимает действующий политический строй как безальтернативное условие человеческого бытия. Чаще всего он возникает в результате использования техники как средства власти, когда «технический прогресс распространяется на всю систему господства и управления, создает формы власти, вызывающие при-

¹ См.: Handbook of Political Psychology / gen. ed. J. N. Knutson. San Francisco; Wash.; L., 1973. P. 144—145.

мирение оппозиционных сил, их поражение и отказ от всякого протеста во имя исторических перспектив свободы, труда и господства»¹. Поскольку процесс производства в современном индустриальном обществе организован так, что он уравнивает потребности, условия быта, формы досуга и интересы разных групп населения, он приобретает идеологическое значение — напрямую формирует у индивида необходимые для обеспечения политической стабильности формы сознания и чувственности. Происходит сближение политических интересов и затухание (унификация) оппозиционности, она становится системной, и ее деятельность не столько разрушает существующий политический режим, сколько способствует его укреплению через поддерживающую критику, «здоровое» соперничество, ликвидацию явных недостатков и деструктивных явлений. Одномерность преобразует важнейшие детерминанты и ценности политического субъекта таким образом, что он как бы закрывается, «захлопывается» для иных влияний. «Одномерный человек» теряет индивидуальность, становится все более массовидным и управляемым; его сознание довольствуется верой «в то, что действительное разумно, что система доставляет товары; оно отражает новый конформизм, который есть выражение технологической реальности, трансформировавшейся в социальное поведение»². Господствующей формой свободы становится зависимость от власти, а равенства — сверху навязанное неравенство; в массовой пропаганде преобладают элементы мистики, а язык все в большей степени берет на себя властные функции. Он усредняется и сменяется одномерным, не способным отразить реальность социальных конфликтов и различий, «либерализация сексуальности обеспечивает инстинктивные основы репрессивной и агрессивной власти общества изобилия»³.

Отход от одномерности означает прежде всего восстановление целостности и открытости действующего в политике человека, таких его качеств, как самоуважение, самостоятельность, рациональность, спо-

способность к принятию решений. Это уравнивает его с другим типом политического человека — управляющего, а значит, создает возможность выхода из подчиненного положения, проявления инициативы и ответственности. Но движение к обретению целостности, по мнению Г. Маркузе, может опираться не на организованность и рациональность, скомпрометировавшие себя и ставшие инструментами ре-

¹ Marcuse H. One-dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. Boston, 1968. P. XII.

² Ibid. P. 84.

³ Marcuse H. An Essay on Liberation. Boston, 1969. P. 9.

прессий и контроля, а на новую чувственность, на движение к свободе. Важную роль в этом движении играет рождение нового языка и новых потребностей, реализация которых не порабощает, но освобождает человека.

Женщину забыли! У всего многообразия вышеперечисленных позиций и интерпретаций личностных качеств политика есть одна общая черта — само собой разумеется, что речь идет о мужчине, реализующем в сфере политики силу, мужество, стойкость, хитрость, чувство долга, честность, властность, способность выражать интересы других и т. д. О том, что политика может нуждаться в таких человеческих качествах, как забота, ласка, терпение, эмоциональность, открытость, кротость, доверчивость, в свете сложившихся представлений не может быть и речи. Поэтому считалось само собой разумеющимся, что политика — мужское дело, что она нуждается в силе мужчин, в их воле к преобразованиям, твердости. Женские эмоциональность, неустойчивость и склонность к соблазнам порождают необходимость ограничения политических прав, прежде всего права голоса и права на занятие государственных должностей¹. Ясно, что ограничение политических прав половины населения любой страны противоречат демократическим ценностям и тенденциям, принципу уважения прав человека, реальному участию женщин в политике. Движение от маскулинности к равенству в политике становится все более настойчивым, а образ «политического человека» приобретает все более выраженные женские черты, становится двуполым.

Феминизм сформировался не только как политическое движение, борющееся за утверждение прав и влияния женщин во всех сферах социальной жизни, но и как выраженная методологическая позиция в политической теории, предполагающая необходимость учета особенностей влияния женщины на политику. Пока же, как полагают феминистки, социально-политические институты отражают интересы мужчин, приспособлены для реализации мужских качеств, к коим относятся индивидуализм, насилие, соперничество. Смысл необходимых изменений видится не столько в том, чтобы женщины получили доступ к ролям и функциям, выполняемым мужчинами в политике, сколько в том, чтобы изменять сами роли (многие ли из них совместимы, например, с рождением и воспитанием детей?) и формировать новые функции таким образом, чтобы они были доступны для всех людей и отражали специфику их интересов и возможностей². Преоб-

¹ См.: Ball T. Op. cit.

² См.: Kymlicka W. Contemporary Political Philosophy: an Introduction. Oxford, 1997. P. 241—242.

разование политики под воздействием феминного начала и женского социального опыта предполагает существенное изменение ее фундаментальных целей и средств их реализации. Оно приведет к появлению у «политического человека» таких новых качеств, как:

- ориентация на этику заботы, а не на этику справедливости;
- отказ от индивидуализма, служащего выражением андрогенного начала в социальной жизни;
- приоритет не автономии и независимости, а взаимосвязи и взаимозависимости в отношениях между людьми¹;
- понимание власти как способности что-то сделать, а не что-то преодолеть;
- видение в равенстве не одинаковости, а правомерности многообразия.

Постмодернисты исходят из того, что действующий в современной политике человек сталкивается с неоднородным, постоянно меняющимся миром, воспринимаемым как калейдоскоп событий, образов, впечатлений. Нарастающее многообразие всех сфер социальной жизни, естественно, осложняет существующие проблемы: возможность их решения через коллективные социальные действия (что всегда было ядром политики) становится весьма проблематичной. Из политики уходит искусство и соотнесенность общественных и личных проблем. В наши дни людские беды, даже самые распространенные, но переживаемые людьми, самой судьбой обреченными на индивидуальность, вместе уже не сложишь. Они просто не суммируются в «общее дело»², не принадлежат единой целостности.

Снижение необходимости коллективного (группового) мышления и действия ведет к переходу политической инициативы и информации от политических институтов к индивидам. Человек все меньше нуждается в посредниках и инстанциях, которые бы его информировали, ориентировали, направляли, организовывали и т. д. При этом все более значимой в определении политической позиции личности становится проблема избыточности информации и выбора приемлемой, адекватной формы реакции на нее. Когда человек активно формирует информационные лакуны и позиции укрытия, он воспринимает большинство информационных потоков как шум. Проблема автономии, изолированности становится очень значимой, а независимость рассматривается как все более ценное качество.

¹ См.: Янг А. М. Политическая теория: общие проблемы // Политическая наука. Новые направления / под ред. Гудина Р., Клингеманна Х.-Д. М., 1999. С. 462—463.

² См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 60.

В таких жизненных обстоятельствах оказывается востребованным новый (постмодернистский) человек, не привязанный к большим социальным группам и «большим» идеологиям, исходящий из жизненной тактики готовности ко всему, обладающий выраженным динамизмом: профессиональным, образовательным, карьерным, психологическим. Он часто меняет друзей и партнеров: они нужны для дела и для досуга, а смена того и другого меняет и их; склонен образовывать временные коалиции для реализации злободневных интересов. Будучи хорошо информированным об интересующих его областях жизни и профессии, в суждениях об остальном он пользуется слухами, опирается на «мнение», выраженное в СМИ. Его мировоззрение эклектично (или, скорее, даже мозаично, ибо состоит из сочетания различных цветов, образов, пятен, графических линий) и включает наряду

ных цветов, образов, ритмов, графических линий) и вступает в диалог со знаниями, верованиями, мифами и т. д. Такой человек ценит независимость, но свою, рассматривая автономность других как препятствие для реализации своих планов и замыслов, любое вторжение в личный мир — как прямую угрозу своему существованию.

Отвергающий «метанарративы целостности» (Ф. Лиотар), постмодернистский человек руководствуется так называемым *клиповым мышлением*, возникающим из-за длительного потребления информации в мозаичном и препарированном виде через музыкальные каналы и СМИ. Окружающий мир в нем «превращается в мозаику разрозненных, мало связанных между собой фактов. Человек привыкает к тому, что они постоянно сменяют друг друга и постоянно требует новых. Если посмотреть со стороны анализа информации, то обладатель клипового мышления оперирует только смыслами фиксированной длины и не может работать с семиотическими структурами произвольной сложности»¹. Частая смена впечатлений, информационных рядов продуцирует отношение к действительности, выражающееся в отклике, поступке, реакции, а не позиции, на основе которой выстраивается поведение как линия поступков.

Нетрудно заметить, что основной тенденцией в формировании образа «политического человека» служит стремление отразить в нем всю полноту человеческой сущности. Причем отражение этой полноты не есть результат деятельности какого-либо мыслителя, а суммарный итог усилий целой науки, стремившейся обозначить наиболее значимые для политики человеческие качества. Политик — это полноценный, разнообразный, противоречивый человек. Но в ходе политиче-

¹ Фридман О. Клиповое мышление. Что это такое? URL: <http://shkolazhizni.ru/print/8011/>.

ского процесса меняется и образ политики, т. е. того дела, которым он занимается. Этот образ тоже становится все более многообразным и противоречивым, а стало быть, и человеческим. Таким образом, человечность политики — это ее многообразие, целостность и противоречивость.

Типы политических личностей. В политике очевидна неоднородность типов, форм человеческого поведения, отношений, множественность ролей, функций, которые приходится брать на себя людям. Столь же очевидным является и то, что выбор этих ролей происходит в значительной степени в силу внутренней предрасположенности человека к определенному типу политического поведения. Об этом говорит то, что зачастую выполняемые человеком роли в политике остаются неизменными при радикальной смене политического уклада. Так, бюрократ остается бюрократом, служа совсем иным ценностям и хозяевам, а бунтарь восстает и против новых порядков, хотя именно за их торжество он боролся. Поэтому, на наш взгляд, источник различий в тех функциях, ролях, которые на себя берет человек в политике, имеет первичную психологическую, и вторичную экономическую, идеологическую, статусную природу.

Лидер. Разумеется, это ведущая политическая фигура, постоянно находящаяся в зоне политического внимания и активности, персонифицирующая основные субъекты политических отношений: государства, партии, организации, сообщества, группы и т. д. Сущность политического лидерства видят в авторитетном руководстве, выражении интересов последователей, эффекте взаимной мобилизации деятельности руководителей и руководимых.

В политическом поведении лидера выделяются следующие черты:

- способность брать на себя ответственность, обладание престижем и влиянием на других людей;
- умение выражать (артикулировать) интересы и потребности других людей, стремиться проводить их в жизнь;

— предложение доступных, реальных средств достижения поставленных целей;

— способность управления людьми в критических ситуациях;

— свойство становиться связующим звеном в отношениях между разными людьми и социальными группами, акцентируя внимание на том, что их объединяет, а не разъединяет.

Типы, виды лидерства столь же многообразны, как многолика сама политика. Оно может быть героическим и исполнительным, идеологическим и законодательным, демократическим и авторитарным, соглашательским и революционным.

При этом практически всегда лидерство предполагает, что человек находится на пике напряжения силовых полей политики, живет в условиях постоянного психического стресса, оцениваемого как естественное психическое состояние, и устойчив к нему. Уже только поэтому далеко не всякий человек стремится или может быть лидером. Но многие на это идут, рассматривая политическое лидерство и как сферу самореализации, и как долг, и как наслаждение, и как обязанность, и как жертву. При объяснении причин политического лидерства называемый в первую очередь мотив корыстных побуждений банален и не раскрывает существа дела. Многие люди, далеко не последние в других сферах деятельности, в зоне политического риска больше теряют, чем приобретают.

Попытаемся ответить на вопрос: что все-таки заставляет, побуждает человека, как правило, вполне благополучного и состоятельного, обратиться к массе, «раствориться в группе»¹, озаботиться ее интересами? Дело в том, что в лидере противоречиво сочетаются два вектора биографии человека: возвышающий и понижающий его, ставящий над и соединяющий с массой других людей, им ведомых. Ведь, с одной стороны, практически в любом политическом лидере в той или иной степени присутствуют харизматические черты: обладание неким природным даром, выдающимися способностями, выходящими за рамки повседневности качествами², ведущими к совпадению властного и религиозного моментов³. С другой стороны, действует и такой фактор, как наличие и осознание (зачастую в весьма драматичной форме) какого-либо скрытого или скрываемого изъяна (соматического, психического, биографического), сводящего нашего героя с неба на землю, сближающего его с массой, такой же в чем-то или во многом обездоленной, как и он сам.

Каждая новая эпоха предъявляет к лидерам новые требования, вносит существенные изменения в характер его роли в политике. В современных условиях все большее значение имеют коммуникативные качества людей, когда лидер реализует себя в качестве не авторитарного вождя, а успешного организатора общения. Часто он действует как нетократ, эффективный сетевой менеджер с практически неограниченными манипулятивными возможностями. Но медиация, ставшая его основной функцией, ведет к тому, что он перестает быть носителем авторитетной власти, руководителем, превращается в са-

¹ См.: Бурдьё П. Указ. соч. С. 243.

² См.: Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 469.

³ См.: Куббель В. Я. Очерки потестарно-политической этнографии. Л., 1988. С. 80.

мого эффективного коммуникатора, суммирующего предложения и формулирующего варианты решений.

Возникает феномен «виртуального лидерства». Для него характерны неформальность, командность, коллегиальность деятельности, не жесткость, а вариативность предлагаемых решений, временность «союзнических» отношений, выстраиваемых без особых обязательств, высоко ценяемая возможность их быстрой смены.

Советник. Это как раз человек без изъяна, сближающего его с массой. У него есть ум лидера, но отсутствуют необходимые для лидерства психические качества, поэтому он теряется в критических ситуациях, не способен сделать решительный выбор одного из им же предлагаемых вариантов действий. Много зная, он слишком боится ошибиться.

По мере усложнения характера политической деятельности, роста ответственности лидеров (ведь их решения приводят в движение все более увеличивающиеся массивы информации, людей, товаров, энергии, вооружений и т. д.) растет и роль советников. Она во все большей мере заключается в синтезе знаний, огромных объемов разнообразной информации, мнений экспертов, разработке четких предложений о возможных вариантах действия, предвидении их последствий.

Последователь. Оказываясь посредником между лидером и массой, он принимает цели лидера, разъясняет их массам на уровне своего понимания. Хотя для последователя смысл политического движения персонифицируется в лидере, а служение ему отождествляется со служением основной цели, идее, он выступает и как бескомпромиссный критик лидера, и из-за несогласия с ним может покинуть движение.

Часто последователь становится таковым не потому, что признает организационное и интеллектуальное превосходство лидера, а из-за желания работать в команде, чувства принадлежности к части значимого целого.

При нарастании сетевых взаимодействий деятельность последователя существенным образом меняется. Его отношения с лидером становятся более партнерскими, равноправными. Чувство принадлежности к возглавляемому лидером делу, движению дополняется осознанием возможности взаимодействия, контакта, участия.

При этом весьма ценными качествами такого участия признаются его необременительность, минимизация принимаемых на себя обязательств, а их возрастание зачастую вызывает реакцию отторжения, отчуждения. Очевидной является склонность к замене действия информационным участием и поддержкой, его замещение мнением, высказыванием, «позицией».

Для такого «виртуального участия» характерны высокая степень осведомленности и контактности, готовность поддержать, выразить мнение, обозначить позицию, но не в форме действия в рамках реального процесса, а скорее в виде заявления о намерениях. Активность же мыслится как многообразие форм такого участия

Бюрократ. Это человек-функция, цель для него не важна, значима только работа. По его убеждению, если она будет выполняться хорошо, то и цели будут достигнуты. Поскольку в сфере политики такая работа связана с организацией, считается, что за счет всякого рода ее преобразований, структурных изменений можно добиться максимальной эффективности реализации избранного политического курса. Бюрократ постоянно демонстрирует равнодушие к отдаленным

целям, отдает предпочтение ближним или вообще их не имеет. Отсутствие ценностной мотивации формирует у бюрократа отношение к политике как к сфере реализации частных, личных, а не общественных интересов. Идеология считается средством управления людьми, неэффективность управления означает необходимость поиска новой. Всякого рода политические изменения, даже весьма радикальные, для бюрократа означают не более чем смену декораций деятельности его всесильной организации. Практически всегда актуальными для характеристики бюрократа оказываются слова А. де Токвиля, относящиеся к Франции начала XIX в.: «Верхушка администрации менялась при каждом повороте, самый организм ее оставался нетронутым и жизнеспособным, прежние функции исполнялись прежними чиновниками, которым удавалось пронести через многообразие законов свой дух и образ действия. Они судили и управляли именем короля, затем именем республики, наконец — именем императора. Затем колесо судьбы завершало очередной поворот, и они вновь управляли и судили во имя короля, во имя республики, во имя императора, оставаясь теми же и совершая те же действия. Какое им было дело до имени господина?»¹.

В литературе существует два типа отношения к феномену бюрократии и людям, служащим ее воплощением. Один описан К. Марксом, другой — М. Вебером. Маркс обращает внимание прежде всего на социальную сущность деятельности бюрократа, которая заключается в его отношении к политике как к экономике. Образно говоря, это проходимец, имитирующий служение общему интересу или благу. Частенько эта имитация замешана на циничной демагогии.

¹ Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М., 1997. С. 160.

Для Вебера бюрократ — это «буквоед»: абсолютизируя значение формы, процедуры, соблюдения регламента, он стремится к максимальной регламентации политического процесса, видя в следовании норме залог его легитимности.

Между ними — огромное количество разнообразных типов, широко отраженных в философии, литературе и политической теории. Это и бескорыстные служаки, ревнители государственного интереса, и гоголевские туповатые, но зато делающие все как положено «кувшинные рыла», и череда щедринских самодуров и «безголовцев», и вороватые «управители» денежных и товарных потоков, и успешные приватизаторы или, наоборот, экспроприаторы всех мастей. Всех их объединяет общая черта — пренебрежение общим интересом, приоритет корысти над честным служением.

Реформатор. Такой человек в политике стремится к новациям, критически оценивает прошлое, даже отвергает его. Он исходит из понимания значимости постепенности, преемственности в преобразованиях, акцентируя внимание прежде всего на средствах. Реформатор знает, что если необходимые средства отсутствуют, то и цель не будет достигнута, если же они будут неадекватны выдвинутым целям, то приведут к противоположным результатам. Поэтому он настаивает на том, что необходимо выдвигать цели, соразмерные имеющимся условиям и средствам, выбирает средства, соответствующие целям.

Бунтарь. Он отдает приоритет принципам, а не обстоятельствам. Критично относится к окружающему его миру, стремится его радикально изменить согласно собственным представлениям. Не приемля внешних ограничений, использует в основном моральные критерии оценки политических явлений (справедливость, добро, совесть). Испытывает трудности в общении, тяжело сходится с другими людьми, ибо уважает только своих последователей и единомышленников.

Конформист. Такой политик, наоборот, исходит из приоритета

обстоятельств перед принципами. люди по-разному реагируют на резкую смену политических и жизненных координат «эпохи перемен». Одни рассматривают жизнь в новой системе как катастрофу, другие безболезненно и без ущерба для себя устраиваются в сменившейся системе политических ориентиров, становясь ее адептами. Такая устойчивость формируется под воздействием следующих факторов:

— доминирующее значение ценностей и жизненных установок «служения», поведения в соответствии с реальными обстоятельствами;

— приоритет личного интереса: если он не ущемлен, то эти обстоятельства рассматриваются как вполне приемлемые;

— политические ценности вообще не значимы, вторичны и преходящи, главное — это внутренний мир, согласие с самим собой и своими близкими.

«Политическое дитя телевидения». Каждая эпоха рождает своих героев; для сегодняшнего дня характерно, что политические позиции людей в значительной степени формируются под воздействием средств массовой информации и их эволюции.

Считается, что печатные СМИ (первая волна) создали облик современной политики, сформировав такие ее сущностные качества, как массовый характер, влияние на большие группы людей, объединение их общими целями и принципами. Идеология и пропаганда, основанные на единообразном толковании распространяемых текстов, формируют однозначность представлений, направляют события, делают их предсказуемыми. Радио и телевидение (СМИ второй волны) радикально увеличили скорость передачи информации и ее многообразие. Интенсивность происходящих событий, рост числа участвующих в них людей привели к тому, что восприятие фактов существенно различается, делая плюрализм и свободу выбора все более значимыми качествами политической жизни. Пропаганда замещается рекламой, а слово — образом.

Поэтому для «политического дитя телевидения» характерны:

- образное видение мира и его проблем;
- пренебрежение теорией, вера в силу очевидности;
- импульсивность реакций на события, происходящие во внешней среде (на внешнем периметре жизненного мира);
- быстрое распространение и освоение новых моделей поведения;
- столь же быстрое реагирование на новые социально-политические обстоятельства и события;
- отсутствие интереса к концептуально выраженной программке, замена ее образами (имиджами, клише);
- активное освоение самых разнообразных средств политической борьбы.

Сетевой человек. В сетях формируется новый тип политического субъекта (рассеянного, децентрализованного)¹, растет значение самостоятельных систем ориентации и выработки личных социально-политических стратегий.

¹ См.: Мирошниченко И. В. Сетевой подход в политических исследованиях // Сети в публичной политике. Политическая наука: Ежегодник 2014. М., 2014. С. 15.

Для «сетевого человека» характерна выраженная ассоциативность, предполагающая выражение солидарности и поддержки без особых взаимных обязательств и ограничений, координацию действий при сохранении самостоятельности каждого звена.

Участвуя в политических событиях, он демонстрирует:

- высокую степень организованности без сложной иерархии и дисциплины;
- приверженность нефиксированному, но достаточно определенному кодексу поведения;
- сплоченность на основе общих ценностей и идеалов, общей информации;
- значительную координацию действий, способность быстро мобилизоваться, реагировать на ситуации и вызовы и так же быстро устраняться;
- критическое отношение к действующим политическим институтам как малоэффективным и коррумпированным, сосредоточенным на реализации частных интересов;
- презрение к политическим программам как ограничивающим свободу действия и сковывающим инициативу.

Обзор некоторых качеств «сетевого политического человека» позволяет обнаружить как некоторые приобретения, так и потери. К первым относятся возрастание информированности и самостоятельности суждений, многообразие и разнородность политических контактов: «сетевой человек» отзывчив и обладает выраженной способностью к быстрой мобилизации. Ко вторым — явное превалирование «позиции», мнения над действием (что, может быть, не так уж и плохо), перенос активности в виртуальную среду. К тому же, как отмечается в литературе, «сетевую личность характеризует фрагментарность духовного мира, неустойчивость эмоциональных реакций, неспособность к поддержанию долгосрочных коммуникационных отношений»¹.

Появляется новый тип личности — *«всадник без головы»*. Его память переносится в Интернет, он ничего «не берет в голову», кроме самых насущных потребностей и навыков, зная, что все остальное можно найти во Всемирной паутине.

Поскольку такой человек ничем «отвлеченным» или умозрительным не обременен и поскольку увеличились возможности его свободы выбора, а также манипулирования им, частота его откликов на разнообразные воздействия значительно увеличивается. Постоянная

¹ Тихонова С. В. Указ. соч.

смена впечатлений, информационных рядов продуцирует потребность в отклике, поступке, реакции, а не в выработке позиции, устойчивого отношения к действительности, на основе которого выстраивается поведение.

Позиция такого человека может меняться под воздействием сильных впечатлений. Именно они открывают каналы новых убеждений и жизненных установок. Иногда они возникают под влиянием направляемой на него эпатажной техники внушения: предельно громкие ритмичные звуки, совместные ритмические движения по типу камланий, сопровождающиеся коллективными завываниями, сменой цветовой гаммы, дымом и т. д.

«Всадники без головы» демонстрируют высокий уровень лабильности мышления и поведения, быстро откликаются на внешние впе-

чатления. Практически мгновенно они могут сбиться в готовую на самые крайние действия массу. Широко распространившиеся в наше время «духовные практики», направленные на подготовку разного рода экстремистов (от религиозного до спортивного фанатизма), эксплуатируют стремление «всадников» как можно скорее себя утвердить, «проверить в деле».

Какими бы многообразными и противоречивыми ни были пути и формы обретения человеком своего места, роли в политике, следует иметь в виду, что в их основе всегда находится та или иная степень понимания значимости политики для человека, взаимозависимости двух модусов его существования: личного и политического. Чувство сопричастности судьбы человека к делам большим и вроде бы отдаленным от его непосредственных интересов, осознание возможности представительства позиций разных людей — необходимые качества «человека политического».

Глава 6

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Политическая антропология — две науки или одна? Изучением человека в политике, как и ее воздействия на формирование специфических человеческих качеств, занимается политическая антропология. Тематика и содержание этой части современного знания о политике складываются под воздействием методологических традиций нескольких наук.

Во-первых, антропологии как учения о человеке и его месте в структуре бытия — разделе философского знания, посвященном изучению человека методами философии.

Во-вторых, философской антропологии — сформировавшейся в XX в. дисциплины (В. Дильтей, Х. Плеснер, Э. Кассирер, Э. Ротхакер, М. Шелер, М. Хайдеггер, К. Ясперс), рассматривающей человека не как сколок природного или социального бытия, но как специфическую сущность, которая может быть понята только исходя из нее самой. Политическое здесь мыслится как одно из выражений этой сущности, обладающей собственными законами и принципами (например, рефлексия как способность самопознания или практика как творение человеком самого себя).

В-третьих, политической антропологии как части антропологии социальной — изучающей «народы мира, с целью выявления особенностей политической организации в исторической динамике»¹ и занимающейся реконструкцией «образа жизни бесписьменных (доисторических) народов»²

исторических народов».

Эта наука анализирует генезис властных отношений, выявляет наиболее устойчивые формы социального управления, устанавливает структуру политического как важнейшего и специфического качества социальных отношений. В различных модификациях доисторических обществ она исследует становление наиболее важных политических качеств: власти, лидерства, институтов, политических действий и т. д. Название «антропология» здесь используется скорее как метафора,

¹ Крадин Н. Н. Политическая антропология: учебник для вузов. М., 2011. С. 14.

² Там же. С. 11.

ориентирующая исследователя на изучение «человеческих» отношений в их генезисе. С одной стороны, она оставляет за пределами внимания многие традиционные антропологические проблемы (сущностные качества «человека политического», их эволюция, специфика политической деятельности и ее мотивации), с другой — обращается к исследованию проблем и отношений, никак не являющихся «человеческими», например иерархические отношения у животных или даже у насекомых. Как пишет Н. Н. Крадин, «интересы политантропологов сосредоточены вокруг двух основных направлений: во-первых, это исследование институтов власти в первобытности и в процессе возникновения государственности; во-вторых, это изучение трансформации традиционных политических институтов во время политической модернизации и транзитных процессов современности»¹. Но что здесь «антропологического»? Как-то не вырисовывается проблематика человека.

Конечно, нет смысла ни игнорировать, ни повторять подходы и достижения уже сложившейся науки политической антропологии. Но следует видеть и ее неполноту, которая вытекает как из выбранного ею предмета, так и из специфики применяемых ею методов исследования. Кстати, подобная неполнота свойственна и другим подходам, что говорит о необходимости не изоляции и дистанцирования, а взаимодействия различных наук, в рамках своих методов и подходов решающих общую задачу антропологического знания — выявления сущностных качеств человека политического. Решение этой комплексной задачи вполне возможно в рамках именно философского знания как синтетического по своей природе.

Такое взаимодействие необходимо прежде всего в силу различия методов познания, используемых в политической и философской антропологии и, кстати, усиливающих аргументы каждого из этих разделов знания. Методы политической антропологии — в основном эмпирические: это наблюдение, описание, сравнение; особое значение имеет метод «включенного наблюдения», когда исследователь живет в той среде, культуре, которую изучает. Методы философской антропологии иные, в основном теоретические: логика — использование законов мышления для получения новых знаний об абстрактном объекте, метафизика — выраженное стремление выхода за эмпирическую данность, установление общего в различных явлениях; диалектика — выявление связей и изменений, направления эво-

¹ Крадин Н. Н. Перспективы политической антропологии // Полис. 2011. № 6. С. 78.

люции изучаемого объекта. Значительное приращение знания здесь дает метод герменевтики, направленный на анализ текстов, высказываний, оговорок, связанный с установлением смысла, который особенно в политике часто выходит за рамки чисто вербальных значений.

Обращение к материалам и достижениям политической антропологии позволяет значительно обогатить представления политической философии о мотивации политической деятельности. И тогда в зону исследовательского внимания наряду с традиционными для данной отрасли знания потребностями, интересами, целями попадают и биологические явления, динамика которых значима для политики (доминирование, агрессия, голод, возраст, усталость, пол и т. д.). «Отображая многоуровневую структуру живого, биополитика настаивает на детерминации политического процесса витальными потребностями людей, рассматривая тем самым политику как «коллективное предприятие, обеспечивающее выживание» *Homo sapiens*»¹.

Следует учитывать и очевидную вписанность политических процессов в общий ритм природной жизни на нашей планете, их зависимость от физических, химических, геологических закономерностей.

Влияние биологических факторов на поведение личности в сфере политики необходимо принимать во внимание: ведь пол, возраст, темперамент, физические задатки человека формируют определенные границы возможностей, специфические подходы к видению и решению возникающих проблем. Очевидно, что качество политических решений, механизмы и эффективность политического руководства, политические процессы находятся под ощутимым воздействием и такого показателя психического и соматического здоровья (вернее, нездоровья), как степень алкоголизации населения.

А разве можно оставлять за пределами исследовательского интереса данные, полученные американским биополитиком Р. Мастерсом о наличии корреляции между загрязнением окружающей среды тяжелыми металлами и снижением активности мозга, а также между количеством импульсивных преступлений и неконтролируемыми приступами агрессивного поведения?²

Протополитика и власть. Многое для понимания отношений доминирования, конкуренции, взаимопомощи дает наука о всех видах врожденного поведения животных — этология. Возникает возмож-

¹ Аракелова М. П., Чугунова Г. В. Биополитика // Политология: лексикон. М., 2007. С. 7. См. также: Олескин А. В. Политический потенциал современной биологии. М., 2003.

² См.: Аракелова М. П., Чугунова Г. В. Указ. соч. С. 14.

ность сравнения (но, разумеется, не сходства) моделей их поведения с поведением людей в аналогичных ситуациях, например при осуществлении контроля за жизненно значимыми ресурсами или пространством обитания. В этом суть политики в человеческом обществе, но фундамент этих (протополитических) отношений закладывается уже в животном мире. Там можно обнаружить сущностные качества власти, господства, доминирования, конфликта и избегания его, компромисса и вызова, оспаривания и подчинения — всего того, из чего творится ткань политических отношений. По К. Лоренцу, «поразительные противоречия находят естественное объяснение и полностью поддаются классификации, если заставить себя осознать, что социальное поведение людей диктуется не только разумом и культурной традицией, но по-прежнему подчиняется еще и тем закономер-

традиции, но по-прежнему подчиняется еще и тем закономерностям, которые присущи любому филогенетически возникшему поведению; а эти закономерности мы достаточно хорошо узнали, изучая поведение животных»¹.

Этологи много внимания уделяют анализу агрессии в поведении животных — инстинкта борьбы, направленного на собратьев по виду (К. Лоренц). Его своеобразие и жизненная сила заключаются в том, что, с одной стороны, он представляет опасность для любого сообщества, поскольку содержит возможности разрушения и распада; с другой — усилия по выработке форм его обуздания, канализации и переориентации закладывают основы устойчивости социума. «Определяя особенности *общественного поведения*, суммируем его некоторые характерные черты: *иерархичность* группы, *ритуализация поведения*, блокирование механизма внутривидовой агрессии и *переориентация агрессии на «чужого»*, *передача опыта* и в связи с этим формирование механизмов, обуславливающих научение»².

Складывающаяся в рамках этих отношений иерархия — распределение входящих в группу индивидов (особей) по силе влияния (зависимости) друга на друга, устанавливает и поддерживает неравенство в группе, делая его некоторым образом постоянным и не устанавливаемым заново по каждому случаю. Доминирование становится не ситуативным, спорадически проявляющимся, а структурной особенностью социальной системы. Стычки и выяснение отношений возникают эпизодически, они не сопутствуют жизни сообщества, будоража и разрушая его. Такое сообщество является более сплоченным по сравнению с теми, где такие отношения отсутствуют.

¹ Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994. С. 234.

² Карадже Т. В. Политическая философия. М., 2007. С. 196.

Все большее значение в жизни подобного сообщества начинают играть механизмы восстановления социального равновесия:

— альтруизм (бескорыстная забота о благе других, готовность жертвовать собой);

— ритуализация агрессии и примирения;

— переориентация действия: «некоторое действие вызывается одним объектом, в отношении которого включаются тормозящие стимулы, и потому оно направляется на другой объект, как будто он был причиной данного действия»¹.

«Простота» отношений животных все более насыщается элементами, которые вроде бы не имеют серьезного значения: они не являются ни предметами, ни действиями, не оказывают прямого влияния на избранный объект, не влекут непосредственного результата. Но благодаря им эти отношения переносятся из действительной в виртуальную среду, становятся знаками, указывая, представляя предметы, возможные действия и их последствия. Так происходит становление чуждой для животного мира *культурной среды*, функционирование которой построено на активном участии сознания и само по себе стимулирует его развитие. Степень ее возможного многообразия практически ничем не ограничена.

Повторяющиеся, стереотипизированные акции такого рода становятся ритуалами — знаковыми действиями, важными не сами по себе, но представляющими, замещающими в том или ином конкретном случае нечто другое, к чему необходимо привлечь или, наоборот, от чего отвлечь внимание. Ритуал как носитель независимых мотивирующих факторов постепенно перерастает свою первоначальную функцию коммуникации и приобретает способность выполнять две новые, столь же важные задачи: сдерживания агрессии и формирования связей между особями одного и того же вида².

Там, где действуют разнообразные механизмы обуздания агрессии.

обеспечения кооперации и устойчивости (причем как у животных, так и у людей), возникают сообщества — постоянные, стабильные структуры отношений. Результат действия этих механизмов — управленческое, эволюционное преимущество, выражающееся в способности противостоять воздействию внешних и внутренних факторов, возмущающих систему, выводящих ее из равновесия, что оборачивается ее разрушением.

¹ Карадже Т. В. Политическая философия. С. 212.

² Там же. С. 199.

При этом получается, что сообщество равных менее устойчиво к этим воздействиям, чем сообщество с иерархической структурой, проявляющее «преимущество упорядочивающей силы» (Ж. Фрэн). Это позволило классикам современной политической антропологии Ж. Баландые прийти к заключению: «Нет общества без политической власти, нет власти без иерархии и без неравных отношений, установившихся между индивидами и общественными группами»¹.

Неравенство (иерархия) как первичная форма социальной дифференциации и структурирования общества оказывается не только формой утраты первобытной простоты и чистоты отношений, но и способом их первичной регуляции, сдерживания агрессии и обуздания разрушительных для общности интенций ее членов. Элиминация неравенства на этом этапе уничтожает ростки социальности, блокирует движение к наращиванию ее качественного многообразия.

Политика — символическая среда, а политический символ — это знак принадлежности, указывающий на признание установленных в данном обществе условностей, в том числе и в области его стратификации. Потребность в символе возникает для обозначения места человека в политическом пространстве — пространстве силовых полей власти. Здесь люди вступают в отношения друг с другом не в силу личной привязанности, заинтересованности или личного представительства (презентации), но как члены определенной общности: политической ориентации, института или группы интересов. Символы (значок, герб, цвет, форма одежды, стиль поведения и т. д.) — «это совокупность специальных знаков, которые указывают на положение того или иного индивида в иерархии, причем предполагается, что другие лица будут к нему относиться в соответствии с существующими социальными нормами...»². Устанавливая такую принадлежность, определяя место, занимаемое ими в политическом пространстве, символы служат эффективным средством ориентации в политике.

Политика как соревнование за место в социальной иерархии³ «начинается там, где кончается сфера родства»⁴, а неравенство становится институциональным, закрепленным нормами (сначала обычаями, затем установлениями) качеством. Возникает состояние «политики без государства» (Ж. Баландые). Его признаками служат появление устойчивых отношений субординации, преобладания; поначалу они

¹ Баландые Ж. Указ. соч. С. 81.

² Крадин Н. Н. Политическая антропология // Социокультурная антропология: история, теория, методология. М., 2012. С. 533.

³ См.: Аракелова М. П., Чугунова Г. В. Указ. соч. С. 11.

⁴ Цит. по: Баландые Ж. Указ. соч. С. 33.

носят личный характер, проявляются спорадически прежде всего для разрешения конфликтов через механизмы *реципрокности* (взаимности) обмена подарками, замещения вреда (символическое) после получения расположения и *редистрибуции* — распределения собственности, добычи по воле старейшины (Т. В. Карадже).

Одной из первичных, но весьма устойчивых форм отношений такого рода является институт бигмена («большого человека»). Управление здесь осуществляется на основе взаимных, но неравноценных зависимостей и обязательств, просьб, «которым нельзя отказать». Когда связи, формирующиеся вокруг бигмена, становятся устойчивыми, а круг регулируемых отношений — значительным, он становится вождем, а ведомые им люди — членами команды, клиентами. Вождизм — это открытая, построенная на зависимости и внушении система власти, опирающаяся на признаваемые всеми выдающиеся личные качества (сила, способность получать и толковать высшее знание, посредничество в отношениях с инстанцией, обладающей абсолютным авторитетом).

Вождизм — это неинституционализированная иерархия. Как господство без аппарата и какого-либо внешнего ограничения воли носителя власти, оно не может существовать и действовать без соответствующего окружения, состоящего из «команды», «клиентов», вассалов и т. д. Именно из рук вождя член команды получает средства существования («кормление»), взамен же от него требуется беспрекословное повиновение. Любые отклонения подавляются, толкования команд вождя, споры, а тем более разногласия не допускаются и жестоко караются.

Среди вождей — огромное количество типов: от фараонов до пламенных революционеров. Но самая простая структура, воспроизводящая устойчивую логику отношений вождизма, — криминальная группировка. Повсеместно встречающееся в обществе спонтанное и перманентное насилие, вспыхивающая в мелких и крупных бытовых и уличных стычках «война всех против всех» благодаря усилиям и авторитету вождя, выступающего здесь как аттрактор, организатор преступной среды, вводятся в некие пределы, канализируются. Как бы отвратительно ни выглядела такого рода деятельность с точки зрения морали или права, но ее результат — локализация, ограничение разрушительного насилия, движение к его нормативизации. Конечно, такое насилие становится более результативным и опасным, но и менее стохастичным, обыденным, разлитым повсеместно.

Являясь определенным прорывом из хаоса, надстраиваясь над ним, вождизм разрушителен по отношению к более сложным (норма-

тивным) формам упорядочения. Вполне уместный и естественный в условиях примитивных обществ, он оказывается опасен для сложных социальных связей и форм их регуляции там, где они уже сложились и действуют.

Существуют социальные потребности, которые генерируют процесс становления государственного управления из его догосударственных форм. Это прежде всего необходимость урегулирования конфликтов и интеграции общества в условиях его реального и нарастающего разделения. В ходе постепенной институционализации и отбора наиболее эффективных форм такой деятельности складываются специфические черты государственного (политического) управления:

— оно опирается на *правовые средства* (законы и подзаконные

нормативные акты, методы административного принуждения);

— осуществляется *профессионалами*, специально назначенными для этого людьми;

— обеспечивает *обратную связь* с управляемым объектом;

— *учитывает взаимодействие разных интересов*, влияние групп давления, заинтересованных лиц¹.

Поэтому традиционно исследователи отмечают двойственность политики и власти, сочетание в них эгоизма и альтруизма². Как писал Ж. Баландье: «Сохраняя целостность, она обеспечивает привилегии держателям»; «Тивы утверждают: «Люди достигают власти, пожирая субстанцию других». Эта туземная теория не игнорирует ни динамики, ни *двузначности политического* — каковое является одновременно при соблюдении хрупкого равновесия и создателем порядка, и носителем беспорядка»³.

Исследование генезиса политической власти позволяет установить ее сущностные качества:

— она абсолютна и присуща всякому обществу;

— имеет антиэнтропийную направленность;

— вносит асимметрию в общественные отношения, устанавливая в них иерархию, концентрируясь в определенных сегментах общества;

— обладает выраженной противоречивостью, сочетая в себе принуждение и согласие, ответственность и обязанности, общественные и личные интересы.

¹ См.: Соловьев А. И. Государственная политика // Политология: лексикон. М., 2007. С. 78—82.

² См.: Жувенель Б. де. Власть. Естественная история ее возрастания. М., 2011. С. 135.

³ Баландье Ж. Указ. соч. С. 65.

Персонализм и имперсонализм. Антропологическое измерение политики, понимание ее укорененности в человеческом бытии формируют представление о ней как о результате развития сущностных человеческих качеств. Это находит отражение в методологии изучения политических явлений как различных модификаций спора между персонализмом и имперсонализмом.

Спор этот высвечивает разные грани взаимодействия двух ее основных полюсов: индивидуального и общественного, частного и публичного, человека и государства. Персонализм (линия Эпикура — Локка) — концепция, в рамках которой человек рассматривается как носитель собственной сущности, самодостаточная и самоценная единица политики. Смысл политики в этом случае заключается в последовательном представительстве, обеспечении интересов личности, защите и реализации ее неотчуждаемых прав. Имперсонализм (линия Платона — Гоббса — Гегеля) рассматривает человека прежде всего как представителя той или иной общности: класса, нации, государства, в рамках которой ведется поиск его сущности; основные черты бытия задают параметры его существования. Сторонники такой позиции исходят из ложности эгоцентрического принципа. Они считают, что «смысл человека не может заключаться в нем самом»¹, и постоянно повышают уровень сущности, которая определяет его бытие, находя объяснение причин его поведения в обществе, общества — в природе, природы — в Боге.

Противостояние двух позиций чем-то напоминает спор между номинализмом и реализмом о природе общих понятий его политическая подоплека заключена в ответе на вопрос о том, кому принадлежат права и основные социальные и политические атрибуты: индивиду или роду, общности. Нетрудно видеть, что в зависимости от ответа на этот вопрос формируются прямо противоположные политические позиции: либерализм и коммунизм, анархизм и этатизм. Смысл спора

имеет далеко не схоластическое значение.

Практически всегда в истории политической мысли существовали различные варианты преодоления крайностей этих методологических позиций. Надо сказать, что крайности эти сходятся в отрицании субстанциональности общего (в чем, собственно, и заключается смысл материи политического), его сведении к бытию индивида, его психологии или к природе, к Богу, что предполагает его анализ методами естествознания или богословия.

¹ Синюков В. Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С. 237.

К. Маркс, исходя из гуманистического принципа ориентации общественной жизни на человека, необходимости создания условий для преодоления его отчуждения, тоже выносит сферу бытия его сущности за рамки человеческого существования, видя в ней «совокупность общественных отношений». Впоследствии это обернется одним из «тоталитарных искушений» — уверенностью в возможности переделки человека политическими средствами за счет изменения условий его существования.

В рамках бихевиористской методологии внимание сосредоточивается на описании объективных характеристик поведения человека, его внешних проявлениях.

Не снимается это методологическое противоречие и при деятельностном подходе, когда объект рассматривается как результат деятельности людей. Его абсолютизация, трактовка социально-политической реальности как результата человеческой деятельности, практики («люди сами делают свою историю») вообще стирают границы между возможностью и реальностью, проектом и его воплощением. Это служит методологическим основанием политического радикализма, исходящего из уверенности, что результаты политических действий, возможность реализации политических задач всецело определяются только интенсивностью и масштабами усилий по их достижению, набором привлеченных для решения поставленных задач ресурсов и средств. То есть происходит довольно легкий выход за границы разумного и приемлемого в политике.

Жизненное измерение политики. В 50-е гг. XX в. преодоление дихотомии персонализма и имперсонализма в политической теории происходит при активном использовании понятия «политическая жизнь»¹:

— политика предстает здесь в неразрывном единстве институционального и поведенческого аспектов ее бытия;

— постепенно обосновывается и укореняется идея о том, что политика творится прежде всего людьми, а ее направленность и облик зависят от их активности;

— политические отношения рассматриваются как частично учитываемое и регулируемое многообразие взаимосвязей между личностью и государством;

— политическая реальность описывается как органическая часть более общей и фундаментальной реальности — жизни, при этом очень важным оказывается понимание проницаемости, подвижности

¹ См.: Lane R. Op. cit. P. 115—120.

границ между сферами жизни, их открытости, в силу чего явления, принадлежащие к разным областям, зависят друг от друга и переходят одно в другое;

— очевидно, что жизнь, в том числе и политическая, не может быть статичной, застывшей структурой, не сводится к тому, что называют «политической организацией». Она постоянно выходит за пределы своих организационных форм, подпитываясь природным, экономическими, психическими, культурными и иными источниками, что позволяет представить политику как одно из атрибутивных свойств жизни на социальном уровне.

При этом, по нашему мнению, при использовании данного понятия не как синонима для обозначения явлений, выраженных другими понятиями (политика, политическая реальность, политическая деятельность, политические отношения и др.), следует учитывать специфическую методологическую нагрузку понятия «жизнь». Она сформировалась в русле неклассической научной традиции и включает в себя понимание неразрывности субъекта и объекта, полидетерминизм, невозможность элиминации присутствия субъекта в знании об объекте, стремление выразить разнообразными средствами внутреннюю активность, спонтанность, способность самоорганизации и саморазвития осваиваемого субъектом мира, присутствие в нем многого, не укладывающегося в пределы рациональности, невыразимого ее средствами, но фиксируемого или даже угадываемого человеческой интуицией, психикой, культурой.

У движения к постижению жизненных аспектов политики и политических свойств жизни есть свои вехи.

Так, благодаря Ф. Ницше в жизни начинают видеть длящееся, непреодолимое противоречие между укорененностью, устойчивостью, постоянством воспроизводства и стремлением к изменению, порывом, выходом за пределы наличного состояния. Важнейшим качеством жизни, т. е. связи с глубинными параметрами человеческого бытия, является власть, которая, как культура и порядок, имеет иерархическую организацию¹.

Понимание политики как жизни, и того и другого как проявлений бессознательного было предложено О. Шпенглером, видевшим смысл жизни в вечном, непрестанном становлении². Специфика духовного освоения жизненных процессов заключается, по его мнению, в выходе за рамки привычных, омертвляющих эти процессы форм ра-

¹ См.: Ницше Ф. Соч. Т. 2. С. 633, 686.

² См.: Шпенглер О. Указ. соч. С. 103, 184.

ционального познания, в обращении к таким аспектам духовной деятельности, где объективное не отделяется и не противопоставляется субъективному: переживанию, аналогии, интуиции, озарению.

Это меняет представления о качествах, необходимых для успешного политического действия и руководства им. К. Манхейм пишет о необходимости для политического деятеля не только знаний, но и опыта, инстинкта¹.

Большое значение для формирования границ проблемного поля политической жизни имели работы двух крупнейших американских политологов — Г. Лассуэлла и Р. Лэйна.

Как мы уже писали, мировоззрение Г. Лассуэлла формировалось под сильным влиянием идей З. Фрейда. Он интересовался ролью бес-

сознательного в политике, иррациональными аспектами человеческого бытия. По мнению Лассуэлла, мотивация поведения в политике есть результат конфликта между социально адаптированными и неадаптированными импульсами личности, а психические качества человека отражаются на его политическом поведении. Важнейшие предпосылки этого поведения формируются в результате политической социализации при определяющей роли семьи, которая осуществляется в основном на подсознательном уровне. Поэтому психологические методы описания личности оказываются вполне приемлемыми для характеристики политического поведения.

Особое значение для определения круга «жизненных» проблем политики имела фундаментальная работа Р. Лэйна «Политическая жизнь. Почему люди вовлекаются в политику», вышедшая в 1959 г. Разделяя идеи Г. Лассуэлла (некоторые из них рассматриваются как аксиомы), автор анализирует поведенческую сторону политических отношений². Важнейшими составляющими политической жизни, на которых сосредоточивается его исследовательское внимание, служат политическое поведение и участие (его мотивация формируется как взаимодействие потребностей, интересов и ценностей), их формы и акторы, основания политического участия (в связи с этим подробно выявляется роль экономических, социальных, культурных, этнических, религиозных и гендерных факторов), его психологическая сторона.

В современной российской политологической литературе есть примеры продуктивного, т. е. не тавтологического или синонимического, но именно эвристического, отображающего новые сторо-

¹ См.: Манхейм К. Указ. соч. С. 105.

² См.: Lane R. Op. cit. P. 6, 269.

ны политической реальности использования понятия «политическая жизнь». Так, А. С. Панарин исходил из понимания политики как вида рискованной деятельности, становящейся таковой в силу непознаваемого, открытого характера исторического процесса, нелинейности прогресса и негарантированности будущего. Политику, как целенаправленную властную деятельность, приходится вести в своеобразной исторической среде, отличающейся динамичностью, непредсказуемостью, незапрограммированностью вследствие действия пространственных и культурных детерминант. Категория политической жизни и выражает значение неопределенности в политике, непредсказуемости творимого здесь будущего¹; она позволяет представить многообразие, многоликость политики, нестандартность форм ее протекания, выявить новые модификации, аспекты и формы ее детерминации. Среди них следует прежде всего назвать постоянное усложнение возможностей и последствий, высокую степень зависимости от человеческой энергии и активности, что вносит элементы противоречивости, неожиданности в течение политических процессов, выводит их за границы рационального предвидения и выбора.

Использование категории «политическая жизнь» позволяет выйти за рамки традиционной интерпретации политики как единства *politics* (наука и искусство правления, политические взгляды, дела, вопросы), *policy* (целесообразная деятельность, искусство правления) и *polity* (форма или процесс правления, общество как организованное состояние, государство)², за пределы государства, интересов, идеологии как их интеллектуального выражения. Данная концепция способна описать прежде всего неинституциональные и «затененные» формы политики, политического поведения, разнообразные типы его мотивации, политическую психологию и политическую культуру. Политика перестает рассматриваться только как технология власти, инструмент влияния и управления, выявляет свою человеческую со-

инструмент влияния и управления, выполняет свою телесную составляющую.

Модусы политической жизни. Специфика политической жизни заключается в том, что она не может быть разложена на части, сведена к отдельным элементам, каждое ее проявление в той или иной степени содержит все иные, поддерживается за счет их присутствия и взаимодействия. Но существуют явления, которые как бы «стягивают», концентрируют в себе основные ее черты и возникают в ре-

¹ См.: Панарин А. С. Политология: учебник для вузов. М., 2000.

² См.: Hornby A. S. Op. cit. P. 484.

зультате взаимодействия разнообразных компонентов политической жизни.

Роль и выход из нее. Роль — это формальная рамка поведения участника политических отношений, реализация им определенной функции, задачи. Наличие ролей — определенное ограничение вариантов политического поведения, направляющее его в русло ожидаемых, предсказуемых событий и действий. Оно стабилизирует политические отношения, открывает возможность прогнозирования и планирования, повышает степень их управляемости. Роль — не статичное состояние, а динамично развивающаяся способность осознания и выполнения своей функции в политике. Существуют два канала формирования политической роли: формальное, институционализированное обучение и неформальное освоение, впитывание, обобщение опыта, как собственного, так и других людей.

Если бы политика была сферой, где все происходящее программируется, задается ролями, которые берут на себя субъекты, то она была бы очень похожа на скучный театр, с постоянно повторяющимися сюжетами, исполнителями и реакцией зрителей. На деле на политической сцене царит непостоянство, актеры регулярностью выходят за рамки ролевого поведения, отклоняются от авторских предначертаний и режиссерских замыслов. Происходит это именно потому, что политика — это не театр, а жизнь, и она богаче любого сценария. Здесь возможны и замена ролей, и их некачественное исполнение, характеризующееся неадекватным выбранной роли поведением. К тому же возникновение в политике неожиданных ситуаций, длящийся процесс позиционирования, формирования требуемых функций создают необходимость во все новых ролях и ставят задачи для уже сформировавшихся. Многое здесь зависит и от личности «актеров»: одни из них относятся к взятой на себя роли как к своему естественному состоянию и с определенного момента вне этой роли себя не мыслят (в демократических странах — и до определенного момента); другие склонны к постоянной смене политических ролей: например, генерал становится миротворцем, а потом еще кем-нибудь; глава службы безопасности видит свою миссию в информировании противника о секретах своей страны; преуспевающий бизнесмен играет роль «народного страдальца». Характерна для политической жизни и ситуация «выпадения» из роли, осуществляемого непреднамеренно или рассматриваемого как тактический прием, когда, например, глава государства бездействует в критически важный для страны момент или делает вид, что то или иное

важное для страны событие находится (или находилось) вне сферы его внимания.

Порядок и неупорядоченность. Когда речь идет о порядке, имеется в виду наиболее целесообразное функционирование всех звеньев политической системы общества, регулярные и гармоничные отношения между ними, предполагающие наличие эффективных средств и гарантий поддержания безопасности в обществе, обеспечение его независимости от случайных обстоятельств.

Как проявление политической жизни порядок находится в далеко не простых отношениях со своей противоположностью — беспорядком. С одной стороны, ясна опасность, разрушительность беспорядка для любого фрагмента политики, нарастание политической неупорядоченности оборачивается хаосом с такими его известными чертами, как экономический коллапс, паралич властных структур, потеря безопасности, разрушение социальной инфраструктуры (транспорта, энергетики, связи), глубокое разочарование большинства членов общества в избранном политическом курсе, нарастание социальной тревоги.

Но беспорядок в той или иной своей форме предшествует упорядочению, выступает как «условие упорядочения системы, он расширяет существующую *организацию*, способствует созданию новой, более устойчивой»¹. Беспорядок подпитывает процессы упорядочения энергией новых возможностей существования, предлагает варианты отношений, производит отбор устойчивых форм поддержания взаимосвязей. Устойчивость политического порядка определяется его открытостью к взаимодействию с беспорядком, возможностью учета тех импульсов и ресурсов, которые от него исходят.

Антропологический синтез. В наше время все большее значение в интерпретации места человека и его деятельности в созидании политической реальности приобретают представления о важности оптимального сочетания внешней детерминации и внутренней активности субъекта.

Источником нелинейности политических мышления, действия и процесса служит именно человек в его противоречивости, многообразии и самодостаточности. Поэтому необходимо самым внимательным образом изучать как человеческие качества политики, так и политические качества человека, видеть их взаимонаправленность и взаимодополняемость. Это позволяет рассматривать политику как часть

¹ Кравец А. С. Указ. соч. С. 98.

природы человека, понимать, что облик политики определяется и типами вступающих в политические отношения человеческих личностей. Этим продиктована важность политической антропологии как науки о «человеке политическом».

Необходимость существования единой науки политической антропологии, не разорванной на социально-антропологический (этнографический) и философский (абстрактный, умозрительный) сегменты, определяется следующими соображениями.

Существует единый процесс развития человеческой сущности, способности управления собой и окружающей средой. Он достаточно доказательно отражается в синергетических представлениях о становлении упорядоченности как свойстве открытых систем.

Это движение генерируется взаимодействием двух органических инстинктов, обеспечивающих условия существования жизни: питание удовлетворяет потребности индивидуального существования, инстинкт размножения дает возможность родового существования человека. Они и влекут, и отталкивают людей друг от друга, порождая как антагонические, так и кооперативные отношения между ними — соперничество, конкуренцию и взаимодействие, кооперацию, согласование действий в добывании ресурсов.

Обеспечить сочетание этих двух разных, но взаимодополняющих установок может только обуздание и продуктивное использование агрессии — мощнейшего инстинкта, сочетающего в себе оба аспекта существования. В рамках этого процесса происходит наращивание средств, гарантирующих как индивидуальное, так и коллективное существование общностей, формируются способы их стабилизации, передачи коллективного опыта, способность обеспечивать совместные действия. Из двух возможных следствий борьбы и конкуренции: распада и последующей гибели сообщества, с одной стороны, и выстраивания иерархии, системы подчинения одних особей другим для стабилизации и сохранения сообщества — с другой, некоторые из них выбирают второй путь, хотя большинство, видимо, движется по первому — к распаду и исчезновению.

Механизмы второго типа формируются вначале на основе биологических различий (сила, пол, возраст), затем возникают и включаются социальные, культурные факторы (передача опыта, научение, послушание, любопытство, уважение и т. д.). Эти механизмы стабилизируют отношения внутри общности, делают ее более устойчивой в отношениях с внешней средой.

Таким образом, можно сделать вывод, что политическое (власть) — это культурный механизм, имеющий глубинные биологические основания, содержащиеся в важнейших инстинктах человека, обеспечивающих самую возможность его индивидуального и родового существования (заслуга З. Фрейда, доказавшего генетическую связь между этими инстинктами и культурой, несомненна). В дальнейшем, как и всякий культурный феномен, политическое развивается по линии нарастания многообразия, становится все более устойчивым и самостоятельным. Этот процесс отражается на других социальных качествах (трудовая деятельность, управление, мораль), вырабатывает определенные личностные свойства. Их и изучают в антропологии как разделе политической философии.

Глава 7

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ

Деятельностный подход в политической теории. Политическую реальность можно представить в двух состояниях: с одной стороны, она существует как взаимодействие, функционирование государств, партий, институтов и их облаченных властью представителей, с другой — это сложная цепь действий, контактов людей и их сообществ со своими специфическими мотивами, основаниями, результатами.

Формирование политической теории как отрасли знания шло прежде всего за счет изучения институциональной стороны политики, таких проблем, как образ идеального государства и идеального правителя, поиск наиболее целесообразных форм устройства политической власти, методов разрешения политических конфликтов на внутригосударственном и межгосударственном уровнях. Но в XIX в. акценты в изучении политической жизни существенно меняются. Внимание исследователей все более привлекает такая сторона политических отношений, как поведение масс и индивидуального участника. Растет стремление понять основания, мотивы, формы влияния акторов на политические институты, степень и характер их зависимости от участия людей. Такой поворот нетрудно видеть в работах К. Маркса («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции»), А. де Токвиля («Демократия в Америке»), Н. Г. Чернышевского («Кавеньяк»). Его реальным основанием служит очевидный факт: масса людей, доселе в силу разных причин проявлявшая минимальный интерес к политике, с определенного времени активно в нее включается, участвуя в потрясавших Европу революциях и национально-освободительных движениях, которыми так богат был XIX в., а также (через институты сформировавшейся к этому времени буржуазной демократии) в выборах, политических партиях и союзах. Вопросы о том, как ведут себя люди в сфере политических отношений, какими методами можно воздействовать на их поведение, становятся все более актуальными.

В XX в. политическая теория обновляется. На первый план в политологических исследованиях выдвигается *бихевиоризм*, сводящий сложность политического процесса и политического действия к совокупности ответов на воздействие внешней среды; их содержание за-

висит от склонности индивида к определенному типу поведения. Задача политической науки видится в том, чтобы «без обобщений высокого уровня максимально ясно, просто, экономно объяснять явления для целей понимания, предсказания и контроля»¹. В рамках принятых методологических установок исследовались:

- среда, вызывающая определенное политическое действие;
- многообразие видов политического действия;
- сложность его структуры, включающей носителей политического действия, которыми могут быть как отдельные лица, так и организации, институты, средства достижения политических целей и оценки полученных результатов.

В 60—70-х гг. XX в. политическая наука стремится преодолеть ограничения, связанные с преобладанием психологических и формализованных методов изучения политики. В ходе «постбихевиористской революции» выдвигаются концепции, придающие большое значение ценностным, культурным аспектам социальной действительности и необходимости их учета и изучения. Ставятся задачи исследования намерений субъектов — участников политического процесса, политических явлений как предпосылок и результатов социальной деятельности. В ходе их реализации удастся описать различные модификации политического поведения, связанные как с формами исключения из политических отношений (иммобильность, апатия, аномия, пассивность, отчуждение), так и с активными, самостоятельными, целенаправленными действиями в этой сфере.

В конце XX в. стремление к интеграции, понимание взаимодополнительности разных методологических подходов в изучении политики возрастает, преодолевается противопоставление институционального и поведенческого подходов, нивелируется разрыв между описанием политического поведения и исследованием его мотивации. Человек, его мотивы, действия, средства регуляции политического поведения оказываются в центре исследовательского внимания, а активное действие в политике, исходящее из знания реальных социально-политических проблем и средств их решения, рассматривается в качестве исходной и наиболее результативной компоненты политического процесса, служит источником институциональных форм его организации.

Активизм в наибольшей степени соответствует сущности политики, ибо несет в себе черты властности, влияния, управления, налаживая разнообразные контакты, взаимосвязи, устанавливая взаимосвя-

¹ Handbook of Political Science. Vol. I: Political Science: Scope and Theory. P. 60.

симости. Люди начинают разделять интересы социальной целостности, понимают значение групповой идентификации, приобретения статуса, преимущества организованного действия.

В рамках методологии «нового институционализма» исчезает противопоставление действия и института, человека и организации — они рассматриваются как взаимодополняющие стороны единой сущности.

В политической науке такой сущностью является человек, его деятельность и институты как структура, придающая деятельности постоянство и целесообразность. Политическое действие (или деятельность как система действий) инициирует институты, изменяет их, проходит в рамках институтов и завершается ими. Но деятельность — это атрибут человека, а не института, политические отношения при-

это атрибут человека, а не института, политические отношения приходят в активное состояние благодаря человеческой деятельности и участию.

Деятельность — категория с богатым социально-философским содержанием, раскрывающая многие сущностные качества человека:

— активность — направленность на преобразование среды существования;

— субъективность — зависимость от сознания и целеполагания;

— социальность — не осуществляется в одиночку;

— свобода — наличие разных векторов и возможностей движения;

— предметность — создание новых объектов — артефактов с новыми свойствами, удовлетворяющими потребности человека.

Значение деятельностного подхода возрастает в условиях современных преобразований социальной и познавательной реальности: глобализации, информационной революции, доминирования сетевых отношений. Ведь здесь взаимопроникновение активности и структуры (как ее устойчивой, стабильной стороны) становится все более очевидным (кстати, что такое сеть — структура или процесс?). Нарастают как степень многообразия современной социальной среды, возникающих там проблем и ситуаций, так и уровень взаимозависимости ее различных тенденций и состояний.

Поскольку мир становится все более динамичным, а его радикальная трансформация — все более очевидной, он приобретает выраженное качество неопределенности, которая воспринимается людьми не только как нарастание рискогенности, но и как позитивная тенденция появления большего спектра возможностей. Следствием такого состояния становится индивидуализация выбора жизненных и политических предпочтений.

Рост зависимости политики от качеств действующего в ней человека ведет к ослаблению властной, структурной детерминации. Все более ощутимы такие качества политической реальности, как расширение совокупности возможностей и последствий, высокая степень ее зависимости от активности человека. Это вносит элементы противоречивости, неожиданности в течение политических процессов, выводит их за границы рационального предвидения и выбора.

Из понимания политики как вида рискованной деятельности, становящейся таковой в силу непознаваемого, открытого характера исторического процесса, нелинейности прогресса и негарантированности будущего, исходил А. С. Панарин. Он считал, что политика как целенаправленная властная деятельность существует в своеобразной исторической среде, с такими характерными ее чертами, как динамичность, непредсказуемость, незапрограммированность, порожденными действием пространственных и культурных детерминант.

В политической науке широко используется понятие «политическое поведение», и «для чистоты отношений» полезно выяснить его соотношение с понятием «политическая деятельность». Ясно, что в значительной степени эти понятия обозначают сходный круг явлений, но не являются синонимами, по-разному выражая динамический аспект политики.

Понятие «политическая деятельность» предназначено для раскрытия внутреннего механизма политики, у него четко выражен субъективный компонент: интересы, цели, средства. Оно ориентирует на раскрытие индивидуального, отличного, того, что связано с участием отдельного человека в политике, фиксирует то, что выделяет, индивидуализирует его участие, специализирует роль человека в политических отношениях. Например, мы говорим о политической деятельности президента Х, обращая внимание на то, чем деятельность Х отличалась от деятельности других; термин «политическое поведение» здесь явно не подходит.

В понятии «поведение» фиксируется типичное — не то, что выделяет, а то, что объединяет разные модусы существования человека. Поведение — это цепь, последовательность поступков. Использование данного понятия позволяет взглянуть на политическую динамику со стороны, описать ее различные модификации, не вдаваясь в подробности их внутренней мотивации (кредо бихевиоризма). Поэтому довольно часто даже добросовестные и вдумчивые исследователи политического поведения подводят читателя к неожиданным выводам. Г. В. Пушкарева в своей докторской диссертации, посвященной анализу методологии исследования политического поведения, пишет: «Рациональ-

ному политическому действию предшествует углубленный способ обработки информации, который позволяет человеку не только распознавать наличную ситуацию, но и проектировать ее возможное развитие, формировать представления о своем участии в развитии ситуации и оценивать последствия своих действий. Главным итогом этого процесса является формирование убеждения, в каком направлении, как и почему надо действовать, т. е. происходит рационализация политического действия»¹. То есть получается, что структура политического поведения тождественна структуре рационального действия вообще. Такой вывод предопределен спецификой поведенческого подхода (категории поведения), который ориентирует исследователя не на спецификацию, а на генерализацию своего объекта, поиск черт, не выделяющих, а объединяющих его с другими объектами. В свое время в такой ситуации оказался Г. Лассуэлл, установивший общие черты поведения носителей власти в политике, науке и культуре.

Конечно, оба понятия очень близки, часто употребляются как замещающие друг друга, отражают поведенческий, динамичный аспект политики, ее человеческое измерение. Но акценты у них разные. «Деятельность» сориентирована на исследование личностного участия, «поведение» — массового; «деятельность» выделяет и специфицирует, «поведение» объединяет и усредняет.

Среди наиболее значимых видов политического поведения выделяют следующие:

- реакция, когда действия людей в политике совершаются в ответ на внешнее воздействие; источники активности в этом случае — другие люди и институты;
- периодическое участие, связанное с активностью на выборах, в политических кампаниях;
- работа в политических организациях, движениях, партиях;
- выполнение политических функций в рамках государственных органов: служба в армии, органах государственного управления и охраны правопорядка, привлечение общественности к контролю за их деятельностью;
- посещение политических собраний, освоение и передача политической информации, участие в политических дискуссиях;
- прямое действие — непосредственное влияние на функционирование и изменение политических институтов через такие формы

¹ Пушкарева Г. В. Политическое поведение: теория, методология и практические возможности когнитивного подхода: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskoe-povedenie-teoriya-metodologiya-i-prakticheskie-vozmozhnosti-kognitivnogo-podkhod> (дата обращения: 21.08.2015).

политической деятельности, как митинги, демонстрации, забастовки, кампании неповиновения, бойкоты;

— воздействие на ход политических процессов через обращения и письма, встречи с политическими деятелями, представителями государственных и политических организаций и движений.

Основания политического действия. Структура политического действия весьма многообразна и может быть представлена по-разному. В нашем исследовании мы сосредоточим внимание на некоторых ключевых моментах, определяющих логику его развертывания.

Проблема. Известно, что любая политика как система целенаправленных действий должна заниматься «решением проблем». Но в чем заключается смысл этого важнейшего основания политической деятельности?

Обстоятельства, от которых зависит деятельность субъекта общественных отношений (в данном случае политических), называются условиями; к ним относятся ресурсы, возможности, отношения, культурно-историческая среда. Ясно, что в зависимости от вида и направленности деятельности характер отношения субъекта к этим условиям может быть различным. Ряд обстоятельств для развертывания деятельности субъекта совершенно необходим, без их наличия она просто не может состояться, другие обстоятельства сопутствуют политическому действию и не играют существенной роли в его инициировании.

Проблема — это особый тип отношения между условиями, потребностями, интересами и средствами деятельности субъекта, который характеризуется явным несоответствием между ними. Глубина осознания проблем может быть разной: они могут формулироваться как неопределенные на уровне условий деятельности и становиться четко осознаваемыми в точке перехода на уровне потребностей и интересов. Осознание проблемы на уровне средств предполагает движение к ее решению, когда для этого создаются не только психологические, но и практические предпосылки. Нетрудно заметить, что задачи, цели политики могут формулироваться на каждом из направлений деятельности, но характер предпринимаемых действий, их последовательность, результативность существенно меняются в зависимости от глубины обоснования. Этим в значительной мере и определяется степень зрелости, осмысленности, целенаправленности и ответственности действий политического субъекта.

Потребности и интересы. Когда речь идет о потребностях, имеется в виду нечто фундаментальное, независимое от сознания (хотя, конечно, и отражаемое в нем), устойчивое. Смысл потребности — в реализа-

ции, т. е. в объективном основании и устойчивом направлении действия, смысл интереса — во взаимозависимости, обеспечении взаимодействия субъектов действия. Поэтому для правильной мотивации действия большое значение имеют агрегация (укрупнение) уровня общности интересов и их артикуляция — отражение в сознании.

Радикально меняет ситуацию в современном обществе появление возможности формирования и внедрения искусственных потребностей (Ж. Бодрийяр). Это трансформирует фундаментальные основания политики, делает ее в значительной степени регулируемым процессом. Возможность внедрения искусственных, творимых рекламой и пропагандой потребностей служит основой социального манипулирования, направления деятельности человека в нужном для манипуляторов направлении

Политический интерес. Его своеобразие заключается в том, что он представляет собой проявление властного отношения между субъектами деятельности; взаимодействие общественного и частного интересов происходит с помощью государства, его институтов. Это такое отношение между субъектами, когда для удовлетворения их потребностей необходимо воздействовать на государство, обращаться к нему. Либеральная традиция политического номинализма источником и носителем политического интереса (интереса к политике) считает отдельного человека, и в границах ее методологии политический интерес понимается как усредненный результат сложения и совместного действия единичных человеческих волей, устремлений: «Демократическое общество, в основе которого лежат рынок и парламентское правление, базируется на началах номинализма — представления об обществе как совокупности суверенных индивидов. Его социальная философия отрицает возможность априорного определения всеобщего интереса; согласно ей, он существует только как подвижный баланс частных и групповых интересов, отражаемых в системе пропорционального представительства, с одной стороны, рыночного обмена — с другой»¹. Так предопределяется роль государства именно как посредника (и не более) в отношениях между индивидами и социальными группами.

Но существует и иная, на наш взгляд, более верная и взвешенная традиция истолкования политического интереса, исходящая из смысла его значения, этимологии этого понятия. Природа политического интереса видится в ней вовне человека, во взаимодействии между людьми. В литературе обращается внимание на латинское происхож-

¹ Панарин А. С. Философия политики. С. 229.

дение этого словосочетания: *inter esse* — «быть между»¹, т. е. это связь, взаимодействие, в рамках которых люди ищут свою выгоду. Аналогичное понимание этого феномена мы находим и в теории марксизма, когда под «общим интересом» понимается «взаимная зависимость индивидов»². Политический интерес — это выражаемое государством то общее, что связывает членов общества, консолидируя их в единую целостность. Наличие этой общности не означает усреднения, отрицания специфичности входящих в него субъектов, но в лице государства — органа решения общих проблем, возникающих в ходе взаимодействия различных по направленности действий и устремлений субъектов, предполагает ее. Государство действует прежде всего в сфере всеобщих интересов, проблем развития и существования социальной целостности. Если оно выходит из этой сферы, перестает быть представителем социальной целостности, то перестает быть и государством, не выполняет своей основной функции авторитетной регуляции социальных отношений. Считать государство только инструментом господства одного класса над другим, игнорируя интересы других социальных групп, — значит, по сути дела, повторять ошибку анархистов, не понимавших специфики политического интереса, вырастающего именно из сочетания частного и всеобщего в жизни социального организма.

Конечно, в сфере политики существует достаточно много проявлений частных интересов и использования государственного механизма для их обслуживания и реализации. Иллюзорной формой политического интереса служит бюрократический интерес, отличный как от государственного, так и от интересов социальных групп, являющийся, собственно, не политическим, а корпоративным интересом государственных управленцев.

Четкое, хотя и постоянно критикуемое, представление о ведущей роли интереса в политической, властной деятельности государства, нации, класса установилось в европейской политической мысли со времен Н. Макиавелли. Реалистичность такой позиции очевидна.

Уязвимость же ее со стороны критики заключается в том, что интерес, будучи основой, влияя на цели и способы, определяя мотивы поведения субъектов властных отношений, не устанавливает пределов их деятельности. По словам В. С. Соловьева, «раз признано и узаконено в политике господство своего интереса, только как своего, то совершенно невозможно указать пределы этого своего»³. Власть, моти-

¹ См.: Deutsch K. Op. cit. P. 11; Ильин М. В. Слова и смыслы: интерес. С. 101; Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 280.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 31.

³ Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 63.

вированная интересом, даже самым объективным и благородным, сама должна быть ограничена.

Специфика детерминации политического действия. К ее характерным чертам, на наш взгляд, относится следующее.

Нелинейность — здесь не действует жесткая последовательность причин и следствий, а существует веер возможностей, вызывающих множество следствий, возникающих в результате взаимодействия не одной, а нескольких причин. Выбор этих возможностей зависит от действующего в политике человека, это его выбор. Очевидна неоднозначность мотивации и предпочтений этого выбора. Некоторые важные черты процесса детерминации политической деятельности могут быть выявлены в рамках синергетических представлений, благодаря которым можно представить нелинейный характер разворачивающихся процессов, действие факторов и аттракторов. Синергетический подход позволяет по-новому увидеть формирование и поддержание политической упорядоченности — как результат сложного процесса взаимодействия разнонаправленных тенденций бытия, соотношения стохастических и целесообразных механизмов в его становлении.

Властный механизм выбора возможностей. Его практически постоянное использование накладывает отпечаток на характер политического поведения и деятельности, или существенно спрямляя их направленность, или, наоборот, значительно усложняя их траекторию.

Ситуативность: зависимость от времени, места, субъекта. Поскольку в оценке детерминации политической деятельности используются конкретные модификации законов, интересов, потребностей, социальных ориентаций и властных потенций людей, весьма важным оказывается отображение их единства, взаимодействия. Свойственное данному времени и месту сочетание условий и обстоятельств, непосредственно определяющих возможности и задачи политической деятельности, называется политической ситуацией. В качестве методологического средства это понятие позволяет, во-первых, рассмотреть факторы детерминации политической деятельности в их единстве, как систему; во-вторых, «привязать» их действие к определенному временному интервалу, в рамках которого и осуществляется их взаимодействие; в-третьих, оценить значимость объективных обстоятельств для действий субъекта, принимая во внимание степень его активности, зрелости. Политическая ситуация — это как раз точка бифуркации в политике, где происходит встреча и разветвление раз-

личных возможностей и направлений политической деятельности, осуществляется выбор одного из них.

Целостность, системность детерминации. Существенно важным для детерминации политической деятельности оказывается не изолированное, отделенное от других действие того или иного фактора, но именно их единство, взаимодействие, целостное влияние. Каждое из разнообразных состояний политической ситуации включает в себя комплекс неравноценных возможностей, направлений деятельности, осуществление которых зависит от политической зрелости, психологической готовности, организованности политического субъекта. В политической деятельности происходит отбор, фокусировка отдельных противоречий, к ним привлекается всеобщее внимание, акцентируется их значимость. Преобразуя состояние целостности, субъект политики имеет возможность, не меняя содержания компонентов политической ситуации, воздействовать на их соотношение, вызывать социально-политический сдвиг, напряженность, застой и т. д.

Сверхдетерминация. В системе факторов, определяющих политическую ситуацию, важно выделить решающее звено, ключевой элемент этой противоречивой целостности. Мнение о том, что политическая ситуация характеризуется доминированием одной из сторон, широко распространено в политологической литературе и часто подвергается противоречивой интерпретации (В. И. Ленин, А. Грамши, Л. Альтюссер, М. Дюверже). Смысл сверхдетерминации заключается в том, что наряду с общими, основными факторами детерминации политической деятельности в каждый отдельный момент существования социальной системы проявляются специфические закономерности, возникают существенно важные именно для данного момента отношения. Они становятся ключевыми элементами социальной жизни и не обязательно принадлежат к числу основных факторов детерминации, но играют ведущую роль в обеспечении единства всех составляющих политической ситуации именно в данный момент ее существования. Этими элементами могут быть определенная экономическая или экологическая проблема, политический процесс, деятельность политика, состояние психологии, явление культуры и т. д.

Практические следствия сверхдетерминации таковы: во-первых, осознается важность первоочередного воздействия именно на этот элемент для последующего изменения всей политической ситуации; во-вторых, признается ведущая роль активной деятельности в обеспечении «сверхдетерминации»; в-третьих, возникает понимание, что

следствием конкретного, уникального характера политической ситуации становится возможность постоянного изменения ведущего элемента «сверхдетерминации», что исключает шаблонный подход к оценке и программированию политической деятельности.

В политической ситуации — уникальном для определенного момента времени и места сочетания разнообразных факторов детерминации политического действия — реальность разворачивается к субъекту, требует от него решений и действий. Их предпосылками являются возможность проведения им анализа ситуации (мысленного выделения ее компонентов, структуры, тенденций изменения) и ее понимание: установление связи знания об обстановке с собственной линией поведения.

В современном обществе наиболее значимыми факторами опре-

В современном обществе наиболее значимыми факторами, определяющими состояние политической ситуации и ее сверхдетерминации, становятся разнообразные управленческие, политические, социальные, экономические, информационные сети, лишенные предметного воплощения, институционального носителя

В сетях используются иницирующие, жестко не регламентирующие активность стимулы и нормы, придающие ей не столько нужную упорядоченность, сколько необходимое направление, предполагающие значительную внутреннюю автономию субъекта действия.

Эффективность сетевых систем взаимодействия (а она, как считает М. Кастельс, превосходит «воздействие отдаленного харизматического авторитета при личных контактах»¹) коренится в новых условиях коммуникации: в более высокой скорости движения информации; неограниченных возможностях осуществления обратной связи; значительном сокращении всякого рода посреднических звеньев, способных исказить, присвоить или блокировать распространение информации; кодификации, ясной для всех участников взаимодействия.

Механизм политического действия. *Цель.* Начало перехода к практике, превращения рефлексии в действие осуществляется в цели — идеальном образе результата планируемых действий. Специфика цели как духовной детерминанты политического действия заключается в том, что в ней происходит идеальная концентрация, синтез всех детерминант, выбор одного из множества вариантов. Она придает направленность действию, служит эталоном, на основе которого оно корректируется.

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 351.

Рациональность реализуемого в цели выбора (от чего напрямую зависит его оптимальность, т. е. наибольшая степень соответствия как имеющимся потребностям, так и наличным условиям и возможностям) предопределяется, на наш взгляд, следующими факторами:

- реалистичностью предвидения, получением наиболее полного знания (конечно, в рамках имеющихся возможностей) о последствиях предпринимаемых действий;
- полнотой оценки ресурсов, которыми располагает субъект действия и которыми он может пользоваться для достижения цели;
- возможностью использования разнообразных средств.

Соответствие этим основным критериям предопределяет такое качество цели, как ее конкретность — степень учета обстоятельств и возможностей действия, от чего напрямую зависит ее реалистичность — возможность воплощения в наиболее полном виде и в приемлемые для субъекта сроки. Несоответствие этим критериям, отрыв от наличных обстоятельств делают цель абстрактной, превращают ее в идеал, выносят ее за границы действующих обстоятельств. Идеал — необходимый регулятор политического действия, он влияет на формирование целей и выбор средств. Но, участвуя в процессе детерминации политического действия вместо или после цели, он резко снижает его эффективность, так как практически всегда предполагает для своего достижения различные варианты действий. Тем самым идеал снова помещает субъекта в ситуацию выбора целей и средств, обрекая его на топтание на месте часто в самый критический для обеспечения успеха действия момент.

Поэтому политическое движение, руководствующееся только идеалами, вызывая уважение и зачастую одобрительное отношение даже оппонентов, ни у кого не вызывает опасений — его не стоит бояться просто потому, что оно не может вторгнуться в сферу реальной политики, в пространство отношений властных субъектов.

ясно, что в возникновении и развертывании политического действия роль идеалов и вообще факторов ценностной детерминации весьма велика и имеет значение как при формировании целей, так и в ходе их корректировки. Цель не может быть ни абсолютной, ни неизменной; в ходе ее реализации появляются новые обстоятельства, требующие внесения соответствующих изменений в арсенал политической деятельности. Оптимальным, не понижающим потенциала ее эффективности способом корректировки служит ее изменение под воздействием новых обстоятельств с учетом принятых политическим движением идеалов и ценностей.

Цели и ценности в ходе взаимодействия и взаимовлияния не должны замещать друг друга, ведь они имеют различное предназначение в процессе детерминации политической деятельности. Цель, направляя внимание и усилия политического субъекта в будущее, несет на себе груз актуальных обстоятельств, ценность вводит критерий желательности и субъективного предпочтения как в формирование самой цели, так и в выбор средств ее реализации.

Средство. Средствами называют пути и способы достижения целей, все то, что субъект использует в движении к результату; это механизмы приведения действительности в соответствие с избранными целями. Значение средств заключено в том, что именно они в конечном счете определяют результат, а их отсутствие делает цель недостижимой. Специфика применяемых в политике средств заключается в большой роли нормативной составляющей в них: практически все они представляют собой устойчивые правила (способы деятельности) поведения, именно в нормах осуществляется переход от целей к средствам, в соответствии с ними происходит отбор других приемлемых средств.

Поскольку проблем и задач, которые ставятся и решаются в политике, великое множество, а их разнообразие значительно, широким должен быть и набор используемых здесь средств. В значительной степени именно от разнообразия освоенных средств политической деятельности зависят ее характер, возможности и результаты. Разрушительным для политики оказывается использование средств, не адекватных ее целям. Они деформируют результаты, искажают цели, делают политику объектом корыстного или невежественного манипулирования.

В политике всегда существовали жесткие или крайние средства, нацеленные на быстрое, без задержки на промежуточных этапах получение желаемого результата, требующие значительного напряжения всех человеческих возможностей, и средства мягкие или умеренные, использование которых предполагает множество промежуточных результатов, требует большего времени и не порождает столь острых конфликтов, как первый тип средств.

Сила и насилие в политике. Любой элемент политики так или иначе связан с властью, имеющей в качестве своего важнейшего компонента силу, под которой в политологии понимаются два взаимосвязанных явления:

— разнообразные основания действия в политике (экономические, военные, человеческие, моральные и т. д. ресурсы и возможности);

— давление или влияние для достижения политических целей.

Будучи органически присущей власти, постоянно использующей такое средство, как принуждение, сила широко применяется в ка-

честве военной мощи, энергии народных масс и массовых действий.

Являясь мощным фактором изменения пространственно-временного континуума политики, сила служит эффективным (ибо открывает возможность ускорения событий, слома сопротивления противника), но не абсолютным средством решения политических проблем и достижения политических целей. Много в политике зависит не только от силы, какой бы разнообразной она ни была, но и от состояния технологии, культуры, образования, науки, традиций, исторического опыта, т. е. от факторов, не поддающихся быстрому и радикальному преобразованиям. Но и полный отказ от силового воздействия или опоры на него не оправдан, ибо он ограничивает поле властного вмешательства, заставляет воздерживаться от многих эффективных средств решения политических проблем.

Место и роль силы удачно закреплены в веберовском определении политики как «дозированного использования силы». Сила в политике — нечто необходимое и неразрывно с нею связанное, но нуждающееся в разнообразных формах регламентации.

В политике силовое воздействие регламентируется:

- целью, делающей понятной необходимость ее использования, придающей направленный характер;
- моралью — именно в этой сфере такие действия находят оправдание или, наоборот, осуждаются значительной частью общества, которая просто не может их принять;
- правовыми нормами, очерчивающими границы ее применения;
- требованиями ситуации, привязывающими использование силы к определенному времени, конкретным условиям, диктующими необходимость ее применения, формирующими потребность в ней.

Сила в политике обусловлена экономическими, техническими, информационными ресурсами тех, кто к ней прибегает. Ее специфика как средства политики заключается в ограниченных возможностях контроля за ее использованием со стороны общества и государства. Насилие как раз и служит выражением неоправданного и неограниченного использования силы, когда этот фактор политики перерастает установленные для него обществом пределы в виде моральных, правовых, культурных норм.

Как трактовка смысла, так и оценка значения насилия в политике неоднозначны. Под насилием подразумевают:

- использование разнообразных разрушительных по отношению к противнику действий;
- неправомерное (с точки зрения морали, права, других норм) применение силы.

Данное понятие в значительной степени указывает на негативные аспекты силового воздействия на политическую реальность: его разрушительность, связь с агрессией; иррациональность, немотивированность, «немоту» действия; воспроизведение в ходе насильственных действий архаичных форм бытия. Можно говорить о сущностной противоположности насилия и политики, которая возникает именно как средство ненасильственного разрешения социальных проблем и конфликтов, «насилие может разрушить власть, но не способно создать ее»¹. С другой стороны, очевидна соотнесенность этих противоположностей. Корни насилия существуют в самой природе политики, в противоречивости и антагонизме тех интересов, взаимодействие которых составляет самую ткань политической реальности, когда для обеспечения одних интересов надо отбросить или полавить другие.

В качестве неправомерного применения силы насилие широко используется в политике, так как политическая деятельность постоянно выходит за установленные для нее нормы-рамки, правила и ограничения.

Проблема морального и политического оправдания насилия всегда остро стояла и в политической практике, и в теории, содержащей как абсолютное отрицание всякого насилия, так и наделение его самыми чудодейственными свойствами и невиданными творческими, созидательными способностями. Но оправдать насилие можно только как ответ на другое насилие, когда существует угроза существованию субъекта политики. Очевидна целесообразность его применения для предотвращения неконтролируемого роста актов насилия и количества его жертв.

В современной политике все более приемлемым, а часто и единственно возможным средством достижения целей становится ненасилие, выражающееся в отказе от использования вооруженных форм борьбы, экономического давления, морального бойкота, психологического запугивания. Ясно, что ненасилие — это тоже сила, причем достаточно многообразная. Ненасилие прибегает к массовой поддержке, моральному оправданию, психологическому несогласию или энтузиазму. Искусство дипломатии, как внутренней, так и международной, заключается в активном применении ненасильственных методов политической борьбы.

Проблема терроризма. Терроризм — это использование насилия, осуществляемого по произволу отдельных личностей или организаций. Такое насилие носит демонстративный характер и часто бывает

¹ Arendt H. On violence // Crises of the Republic. N. Y., 1972. P. 155.

направлено не столько против участников того или иного конфликта, сколько против людей, не имеющих к нему непосредственного отношения.

В литературе обращается внимание на сложность, многоаспектность данного явления, множественность его корней (социальных, религиозных, психологических и др.), форм и возможных интерпретаций.

Несмотря на то что терроризм в самых разнообразных его формах часто сопутствует политике и используется в неких политических целях, по сути, он является ее противоположностью. Политика представляет собой систему разнородных способов разрешения социальных конфликтов и проблем. Терроризм все это многообразие отвергает, кроме одного — непосредственного уничтожения носителя противоположных интересов. Он характеризуется абсолютизацией частных потребностей и нацелен не на завоевание сторонников, а на запугивание власти и своих противников, ведь страх парализует, но не активизирует людей.

В политическом отношении такая деятельность бессмысленна — уничтожаются конкретные люди, но не субъекты политики (государства, нации, группы, классы, слои), проблемы и противоречия остаются. Таким образом, терроризм не может быть действенным средством политики, его практикой политические цели не достигаются. По сути дела, он используется для запугивания, мести, давления, пропаганды («пропаганды смертью»), рекламы и самоидентификации.

Ничем не ограниченное применение насилия (а в ограничении, канализации насилия — цель, назначение политики) отбрасывает общество в архаику неотрегулированного статуса политической борьбы.

Терроризм в политическом, социальном отношении бесплоден. Как показывает история, в том числе и совсем недавняя, приход террористов к власти не означает никакого рубежа, начала общественных преобразований или обустройства власти. С этого момента тер-

рор многократно усиливается, его орудием становится само государство (или его полуразрушенные остатки).

В числе многообразных причин терроризма (а к нему могут прибегать и радикальные политические группировки, и религиозные фанатики, и уголовники, и само государство):

- слабость мотиваций, отсутствие моральной правоты и идеологической привлекательности, их замещение страхом в процессе формирования массовой базы, завоевания сторонников;

- отсутствие представлений о других средствах политической борьбы или разочарование в них;

- корысть закамуфлированная демагогией или откровенная;
- специфическая, сродни патологии психология террориста, для которой характерны пренебрежение к жизни, отчаяние, немотивированное упорство;

- нигилистические идеологические установки, отбрасывающие все интересы кроме программы «партии террора»;

- разнообразные экономические причины, в том числе возможность получения сверхприбылей в торговле оружием и наркотиками, других видах «теневой экономики»;

- религиозный фанатизм, часто служащий прикрытием корыстной мотивации, логика которого превращает террористов в борцов с дьяволом, в «бич Божий» для наказания «неверных» и отступников.

Если к террору прибегают целые государства (к этому их толкает «самонадеянность силы», по меткому выражению известного американского политика У. Фулбрайта), они противопоставляют себя всему политическому сообществу, требуют иной структуры его организации — в соответствии со своими притязаниями. Как правило, они сталкиваются с организованным отпором, но случается, что сообщество подчиняется и живет с новым гегемоном, по установленным им правилам и нормам. Навязанные таким образом нормы не удовлетворяют большинство, постоянно оспариваются, служа источником все новых конфликтов и кризисов. Нестабильность становится нормой: политическое сообщество или разрушается, или вырабатывает новые правила, более или менее приемлемые для всех. Необходимость нового структурирования межгосударственных отношений в таком случае очевидна.

Глобализация делает опасность терроризма тотальной, требующей столь же широкого противодействия ему. Его масштабы должны быть соразмерны опасности, так как включают не только подавление террористических проявлений, но и последовательную политику по разрушению (или блокировке) самих основ терроризма, причин и факторов, его порождающих. Их, к сожалению, много.

Экономическая, финансовая база современного терроризма колоссальна: это и наркомафия, и фанатичные, фундаменталистски настроенные нефтяные шейхи, и «гранды» теневой экономики, и правящие круги «демократических» государств, ставящие перед собой цели мирового господства в результате использования тактики ползучей нестабильности и псевдореволюционных перемен.

Степень уязвимости современного общества, его незащищенности от адептов террора велика. Этому способствует сложность коммуникаций, прежде всего информационных и транспортных, concentra-

ция больших масс людей в определенных точках пространства, доступность и многообразие средств ведения вооруженной борьбы. Как скептически, но прозорливо отмечает З. Бауман, «век, которому, вероятно, суждено войти в историю как веку насилия, направлявшемуся национальными государствами против своих граждан, подошел к концу. На смену ему, скорее всего, придет другой жестокий век — на этот раз век насилия, порождаемого деструкцией национальных государств под воздействием глобальных сил, не имеющих собственной территории и свободно перемещающихся в пространстве»¹.

Борьба против терроризма сложна и должна быть направлена прежде всего на устранение причин, его вызывающих. Она предполагает консолидацию всех антитеррористических сил; не может сводиться только к подавлению, наказанию конкретных исполнителей (что, безусловно, необходимо), а требует последовательного разрушения организационных, экономических, идеологических структур, разоблачения программных установок, выявления преступной античеловеческой сущности терроризма, доказательства его бессмысленности и бесполезности.

К террору прибегают социальные группы-изгои: нации, в силу разных причин утрачивающие источники и жизненные основы существования; конфессии, где начинают преобладать экстремистские формы доказательства своей связи с Богом; политические группировки, в силу тех или иных причин лишенные возможностей контактов с политической средой и декларирования своих целей. В изгоев превращаются целые государства, захваченные экстремистами и становящиеся орудиями реализации их целей.

«Гибридная война». Мы намеренно оставили феномен войны за рамками своего исследования, ибо считаем ее противоположностью политики, не-политикой. Политика возникает как преодоление силовых методов борьбы, использует иные — политические средства, сущность которых — не в уничтожении, а в подчинении других людей. Она прибегает к разным формам влияния для изменения их поведения, но не для уничтожения. Для объяснения органичности связи политики и войны часто прибегают к известной формуле Клаузевица: «Война — продолжение политики, но иными средствами». Но ведь это фиксация временного, но не сущностного совпадения двух явлений, констатация того, что действительно политика часто завершается военными действиями (или наоборот). Хотя продолжение может быть и сменой прежнего качества бытия явления, оно может стано-

¹ Бауман З. Указ. соч. С. 275.

виться иным, быть его отрицанием. Так, смерть служит продолжением жизни, но ведь это нечто иное, чем жизнь, ее отрицание.

Широкое использование в современной политической лексике термина «гибридная война», на наш взгляд, отражает целый спектр разнородных тенденций, сутью которых является «тотализация» войны — включение в зону противоборства все новых сфер, средств, категорий населения. К ним относятся:

— явный выход за рамки традиционных форм боевого противоборства, включение в него разрушения инфраструктуры и тыловых объектов противника, террора, партизанских действий, пропаганды;

— стирание границ между собственно военными и политическими средствами борьбы;

— «объединение современных технологий и современных методов

— «соединение современных технологий и современных методов мобилизации»¹;

— использование разнообразных информационных технологий и средств влияния.

«В «гибридной войне», как и в асимметричной, невозможно зафиксировать дату начала и окончания, фронт и тыл, статус бойца, побежденного и победителя. Как в иррегулярной войне, в ней трудно провести разграничение военных (и террористических) действий, угроз, переговоров, свойственное классическому пониманию войны»².

Делает ли использование в войне политических средств (влияние, пропаганда) войну политикой, ведь в ней по-прежнему сохраняется доминанта разрушения, а не влияния, властвования? Осмысление данного феномена показывает, насколько в современных условиях меняются представления о наиболее фундаментальных для политики явлениях, действительно становящихся иными и требующих новых форм рефлексии и действия.

Регуляция политического действия подразумевает следующее.

Политическое решение — это реализуемый в коллективной или индивидуальной форме процесс определения целей и задач политиче-

¹ Д. Килкален, автор книги «Случайный партизан» (англ. «*The Accidental Guerilla*») утверждает, что гибридная война — это лучшее определение современных конфликтов, но подчеркивает, что она включает в себя комбинацию партизанской и гражданской войн, а также мятежа и терроризма. Журналист Ф. Хоффман определяет гибридную войну как любые действия врага, который мгновенно и слаженно использует сложную комбинацию разрешенного оружия, партизанскую войну, терроризм и преступное поведение на поле боя, чтобы добиться политических целей. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

² Цыганков П. А. Введение. «Гибридные войны»: понятие, интерпретация и реальность // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века. М., 2015. С. 20.

ского действия, способов и этапов их достижения, форм использования политической власти.

Сущность политического решения — в переводе, превращении дескриптивной (описательной) информации в прескриптивную (предписывающую). Смысл этого превращения в значительной степени заключается в выборе целей, путей их достижения, средств реализации целей. По Аристотелю, именно на них акцентируется внимание и усилия людей, принимающих решения: «не цель бывает предметом решения, а средства к цели». При выработке решения большое значение имеет как психологическое признание самой возможности действия, так и обладание необходимыми ресурсами и средствами для реализации поставленных целей, а также качество анализа и сопоставления различных вариантов действия. Ключевое звено в решении — не столько *анализ* ситуации, диктующей необходимость и открывающей возможность политического действия, сколько ее *синтез*, целостная оценка оснований и перспектив действия, способность выделить то решающее звено или средство, оперирование которыми предопределяет успех предпринимаемого действия. Качество решения зависит как от сложности ситуации, так и от уровня методологических средств и приемов, применяемых для анализа и синтеза.

Любая политическая проблема носит комплексный, многоуровневый характер и обладает множеством аспектов, далеко выходящих за сферу политики, имеющих и экономическую, и психологическую, и техническую природу. Поэтому круг людей, причастных к выработке и принятию политического решения, по возможности должен быть широким, включать большое количество советников, компетентных в той области, которую, так или иначе, затрагивает принимаемое решение. Надо изначально исходить из того, что политики, принимающие решения, не могут знать всех аспектов проблемы, поэтому обращение к помощи советников является и необходимостью, и благом. Практически всегда политическое решение приходится принимать в услови-

ях высокой эмоциональной напряженности, вызываемой, с одной стороны, нехваткой времени для спокойного и досконального изучения всех аспектов проблемы и оценки возможных последствий решения, с другой — давлением заинтересованных в том или ином варианте решения групп. То есть надо быть готовым к тому, что психологическая среда, в которой происходит процесс принятия политического решения, практически всегда является неблагоприятной, серьезно усложняющей поиск наиболее рационального варианта. Поэтому, кстати, многие политические решения, как правило, весьма далеки от рациональных.

В теории существуют два основных подхода к интерпретации наиболее оптимальных вариантов принятия политических решений: нормативный и поведенческий. Первый настаивает на возможно большей формализации, нормативном регулировании процесса. Благодаря нормативности (процедурности, законности) решение приобретает качества упорядоченности и системности. Нормативность позволяет в противоречивой и напряженной ситуации, которая практически всегда сопутствует политике, следовать более или менее жесткому алгоритму действий и не упустить главного. Закон обеспечивает регулярность и взаимодействие властных решений, он цивилизует противоречие, переводит прямой конфликт в юридически регулируемые отношения, создает возможность действия с ожидаемыми последствиями. Второй подход, следование методу «текущей воды», требует относиться к каждой ситуации как к абсолютно новой, выбирать нестандартные решения и действия.

Ясно, что и у одного, и у другого пути есть как свои достоинства, так и недостатки. Их удастся избежать в том случае, если рассматривать эти подходы как взаимодополняющие. Нельзя быть рабом проверенных стандартных процедур, но не следует и пренебрегать ими. И то, и другое отдает политика во власть обстоятельств: в первом случае уже давно сложившихся, во втором — только что возникших, текущих. Максимальная стандартизация процедур выбора позволяет сосредоточиться на действительно новых, уникальных чертах ситуации, которые можно увидеть только на фоне ее стабильных, повторяющихся характеристик. Увидеть то, что не вписывается в сложившиеся стандарты и требует новых подходов, нетривиальных решений.

Политическое решение, для того чтобы обладать качеством оптимальности, служащей мерой соответствия иницилируемых действий ситуации, средствам и ресурсам, должно отвечать некоторым требованиям.

Оно должно быть конкретным: четко связывать заявленную цель и наличную ситуацию, выбирать реальные средства, исходить из приемлемых для участников политического действия сроков решения поставленных задач.

Большое значение имеют объем и качество информации, принимаемой во внимание. Всякого рода ограничения информации, ее искажения и изъятия оборачиваются в конечном счете неверным решением, т. е. не соответствующим реальным потребностям и проблемам, не улучшающим, а усугубляющим ситуацию.

Политическое решение всегда принимается в рамках определенных обстоятельств (политических, экономических, социальных, пси-

хологических), которые взаимодействуют между собой и образуют систему, называемую политической ситуацией. Учет ее важнейших компонентов и основного звена, осуществляющего «сверхдетерминацию», оказывает решающее воздействие на успех или неудачу процесса принятия решения.

Поскольку после принятия решения и действий по его реализации возникают новые обстоятельства, требуется коррекция, внесение необходимых изменений в само решение, в механизм его реализации, а также в обоснование цели, времени ее достижения, средств и способов реализации.

Большое значение имеет участие в принятии решения тех людей, интересы которых оно затрагивает и которые будут его выполнять. Закрытый характер принятия политических решений существенно понижает уровень их рациональности, их обоснованность в таком случае не может быть всесторонней. Отказ от закрытости, келейности, соблюдение необходимых демократических процедур увеличивает количество акторов, которые считают его своим собственным, а не навязанным.

Сочетание рациональности и демократичности в принятии политического решения оказывается решающим для определения его качества. Бывает, что вышеназванные параметры противоречат друг другу, когда, скажем, большинство навязывает решение, очевидно далекое от рациональности. Правило большинства делает решение возможным, но не предполагает согласия всех участников процесса, исключает отдельные мнения и позиции, которые могут оказаться верными.

Гарантиями рациональности демократически принятого решения, по мнению Ю. Хабермаса, служат:

— демократический характер процесса принятия решений, единство, предрасположенность демократии как политического и аргументации как гносеологического условий рациональности: ведь именно здесь существуют такие предпосылки рациональности, как свободное и коллективное обсуждение, наличие права на голосование и свободное выражение воли¹. Демократия, конечно, содержит возможность иррациональности, ведь большинство может ошибаться и часто не имеет нужных для решения вопроса знаний и навыков, но отсутствие демократии предопределяет необходимость вхождения иррациональности в процесс принятия решения, лишая его таких важ-

¹ См.: Law and Power: Critical and Socio-Legal Essays. P. 180—181.

ных качеств, как коллегиальность, критика, сопоставление суждений, проверка аргументации, принятие во внимание доводов сторон;

— приоритет демократических принципов равенства и автономии над правом большинства, создающий возможность свободы критики и постоянства обсуждения;

— равная возможность участия в обсуждении, основанном на аргументации, неизбежность права на дебаты и голосование;

— увеличение информации о проблемах и путях их решения;

— использование аргументов, принятых группой, и компромиссов.

Весьма непростыми оказываются отношения простоты и рациональности принимаемого решения. С одной стороны, ясно, что поиск

«решения облегчается, когда применяются категории, упрощающие ситуацию»¹, ведь нельзя выбирать из бесконечного множества вариантов. Но, с другой стороны, необходимо отдавать себе отчет в том, что всегда существует серьезная опасность упрощения ситуации до ее искажения, она вытекает из объективной неспособности отразить все многообразие составляющих ее элементов, тенденций и противоречий. Искажение ситуации ведет к принятию неверного политического решения, программирующего действие, не только не обеспечивающее достижение поставленной цели, но еще более затрудняющее процесс ее реализации. Поскольку же полная рационализация процесса принятия решения оказывается невозможной, на этапе выбора в дело вступают такие немаловажные факторы, как интуиция, опыт, здравый смысл. Поэтому «в реальной политике при принятии решений и происходит соединение знаний (наука), навыков (профессиональное ремесло) и творчества (искусство), без использования которых в единстве невозможно добиться успешного и эффективного результата. В силу их интеграции «сциентизм», «артистизм» и «профессионализм» (как владение ремеслом, профессиональными навыками) весьма трудно разграничить между собой»².

Элементами политического решения служат:

- изучение ситуации, породившей необходимость в нем, выявление ресурсов и возможных направлений деятельности;
- постановка целей и оценка средств, необходимых для их реализации;
- предвидение результатов и корректировка целей в соответствии с полученным предвидением;

¹ Brown L. Ideology. L., 1973. P. 179.

² Дегтярев А. А. Указ. соч. С. 77—78.

— формулировка решения как плана действия с необходимой детализацией средств, путей, сроков и этапов реализации целей;

— убеждение других людей, прежде всего его исполнителей, в обоснованности, необходимости и эффективности предложенного способа реализации поставленных в решении задач.

Д. Майерс называет основные признаки неверного принятия решений: не рассматриваются все возможные альтернативы, не принимаются во внимание все возражения, не оценивается степень риска, недостаточна информированность, а отобранная информация рассматривается предвзято, проявляется небрежность при оценке возможных альтернатив, не разрабатывается план на случай непредвиденных обстоятельств¹. Исходя из этого, нетрудно увидеть, что их сущность — в неполноте, когда за рамками внимания субъекта остаются важные параметры процесса постановки и реализации цели. Такая ситуация служит результатом воздействия многих причин, среди которых и недостаток информации, и скудость ресурсов, и отсутствие необходимого эмоционального настроя, и нехватка прозорливости, и прямой обман, и искреннее заблуждение.

Организация. Поскольку в процессе реализации решения нет автоматизма, предопределенности и зависит он от многих переменных, возникает необходимость в постоянной коррекции деятельности — приведении ее в соответствие со вновь возникшими обстоятельствами и возможностями. Благодаря организации происходит переход идеологической или моральной составляющих в практическое действие, идеи становятся правилами поведения, воплощаются в поведении и институтах. В компетенцию организации входит согласование целей и этапов политического действия, доведение до возможно большего количества участников его программы, оценка обстановки.

Необходимость организации политического действия не отменяет ее противоречивой роли в политике и далеко не однозначной оценки в политической теории: от абсолютного олобрения. например. в мар-

ксизме, до столь же радикального отрицания в таких политических течениях, как анархизм или либертаризм.

Источником столь критической оценки феномена политической организации служит действующая в любой организации и вытекающая из природы самой политики тенденция к олигархизации, смысл которой заключается в неизбежном нарастании разрыва интересов руководителей и руководимых внутри организации. Один из основателей теории политических партий Р. Михельс писал: «Признание

¹ См.: Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2000. С. 387.

организации — это всегда выражение тенденции к олигархизации. Сущность любой организации (партии, профсоюза и т. д.) содержит в себе глубоко аристократические черты. Организационная машина, создающая массивные структуры, вызывает в организованных массах серьезнейшее изменение. Отношение вождя к массам она превращает в свою противоположность. Организация завершает окончательное разделение любой партии или профсоюза на руководящее меньшинство и руководимое большинство»¹. Самой спецификой своего существования организация обречена на постоянное балансирование между полюсами общего и частного интересов, олигархизацией и аморфностью, дисциплиной и демократией.

Руководство политическим действием заключается в реализации следующих задач:

- программирования — выбора наиболее эффективного сочетания целей и средств в политическом процессе, создания такого психологического состояния участников политического действия, которое стимулировало бы достижение поставленной цели;
- координации — согласования усилий множества людей, участвующих в политическом действии;
- корреляции — внесения изменений в тактику движения, когда новые обстоятельства затрудняют или, наоборот, облегчают реализацию поставленной задачи.

Специфической для политики формой руководства является лидерство — такой процесс взаимодействия между людьми, в ходе которого одни люди выражают интересы своих последователей и в силу этого обладают престижем и влиянием а другие добровольно отдают им часть своих политических, властных полномочий и прав для их представительства и реализации. Необходимость политического руководства именно как лидерства заключается в том, что в политике цели имеют личностное воплощение. Важнейшее условие их реализации — наличие массовой поддержки, но она невозможна без доверия, носителем и зримым воплощением которого и служит лидер. Смысл доверия — в принятии объектом целей субъекта как своих собственных, в эмоциональной и практической поддержке лидера его сторонниками. Оно увеличивает возможности, эффективность политической деятельности.

Феномен политического лидерства способствует взаимной мобилизации всех участников политического процесса: и руководителей, так как они знают, что их действия опираются на поддержку и одоб-

¹ Михельс Р. Необходимость организации // Диалог. 1990. № 3. С. 58.

рение масс и уверены в своих силах, и рядовых членов политического движения, ибо они чувствуют, что их интересы поняты, а цели сформулированы. В силу этого политическая жизнь значительно интенсифицируется, становится полнее и результативнее.

Этим лидерство как тип руководства отличается от манипулирования, которое характеризуется замалчиванием настоящих целей, игнорированием интересов последователей, незаметным воздействием на их поведение. Люди становятся чернью, ведомой манипуляторами, «когда они берутся за государственное дело, движимые не политическим правосознанием, но частной корыстью; но именно поэтому они не ищут лучших людей и не хотят передавать им власть. К черни может принадлежать *всякий*: и богатый, и бедный, и темный человек, и «интеллигент». Чернь отличается *корыстной волею и убогим правосознанием*, а в революционные эпохи сверх того и *политическою притязательностью*. Государственная власть для нее лишь удобное средство достижения личных или классовых целей»¹.

Для реализации своих функций, объединения интересов и целей всего движения политическое руководство должно быть нормативным: подчиняться многочисленным установленным и не установленным правилам. В этом случае оно оказывается предсказуемым и может быть оценено со стороны. Иначе деятельность политического руководителя превращается в неожиданную для сторонников импровизацию.

Результат. Это следствие предпринятых действий и использованных в них средств. Достижение планируемого результата зависит от многих обстоятельств, среди которых большое значение имеют наличные условия, выдвигаемые цели, применяемые средства. Характер результата в решающей степени определяется теми средствами, которые используются для его достижения. Поскольку между поставленной целью и достигнутым результатом существует множество опосредующих звеньев, только часть из которых принимается во внимание при планировании деятельности, а значительное число возникает уже в ходе достижения цели, к тому же очень многое зависит от степени интенсивности самой деятельности, совпадение результата с поставленной целью может быть только относительным, но не абсолютным. Степень их различия зависит от уровня обоснованности и реальности цели, наличия соответствующих средств и комплекса условий, необходимых для достижения желаемого результата.

¹ Ильин И. А. Родина и мы. С. 357.

Нередко политическое действие приводит к результатам, противоположным поставленным целям, что является следствием использования средств, абсолютно не соответствующих поставленным целям. Поскольку такое несоответствие может возникнуть уже в ходе реализации цели, существует потребность в постоянной коррекции целей и средств, в поиске наиболее оптимального их сочетания. В этом и заключается смысл программирования. Благодаря ему цели становятся реалистичными, учитываются и оцениваются возможности, а ресурсы политического действия не растрачиваются попусту.

Необходимо иметь в виду, что специфика политики заключается в том, что невозможно не только учесть все обстоятельства предстоящей деятельности, но и предвидеть ее результаты. Цепь социальных

взаимосвязей, затрагиваемых тем или иным политическим действием, столь сложна, что всегда надо быть готовым к самым неожиданным последствиям, в том числе и весьма неблагоприятным.

Мотивация политического действия: сочетание рационального и иррационального. Проблема заключается в выявлении ряда важных параметров сосуществования, рационального и иррационального в политическом действии, таких как сущность и истоки того и другого, пределы их взаимопроникновения, тенденции взаимовлияния.

Облик рациональности в политике многообразен, и среди ее черт, в рамках заложенной М. Вебером и К. Манхеймом традиции¹, называют целенаправленность (целерациональность), структурность, оптимальность сочетания целей и средств, организованность, учет последствий, логическую и телеологическую последовательность, адаптированность к обстоятельствам, соотносимость с господствующими в данном обществе ценностями.

Политическая рациональность многомерна. Демаркация рационального и иррационального становится все более затруднительной в сфере ценностных предпочтений, критерии того и другого размываются, указывая на наличие пределов, ограничений политической рациональности. Они проистекают из фундаментальных особенностей как самой политической деятельности, так и ее мотивации. Зависимость политической рациональности от ценностного мира говорит о том, что сразу за порогом мира человеческого познания и поведения, регулируемого правилами, законами, принципами и целями, начинается иной мир, никаких рефлексивных ограничений, направляющих

¹ См.: Манхейм К. Указ. соч. С. 294; Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Вебер М. Избранное. Образ общества. С. 8.

векторов не приемлющий и критериями целерационального действия не измеряемый.

Увеличение объема и доступности информации неизбежно повышает рациональность деятельности, поскольку ее мотивационными основаниями выступают сведения, факты, а не эмоции и слухи. Масса становится публикой, утрачивая характеристики толпы (случайность впечатлений, импульсивность, непредсказуемость поведения), а ее лидеры опираются на аргументы, факты, а не на сиюминутные впечатления и предрассудки.

Существуют как онтологические, так и гносеологические ограничения рациональности в политике. Они связаны с объективной сложностью, многослойностью самих объектов политической рефлексии, требующих для своего освоения как теоретического, так и практического взаимодействия разных форм познавательной деятельности. Фундаментальные основания целерационального действия не могут быть стерильно рациональными, даже когда это действие способствует удовлетворению определенных потребностей. Ведь потребности могут и не соответствовать критериям рациональности, быть ложными, надуманными, плохо осознаваемыми и выраженными.

Очевидно, что, несмотря на присутствие в политической деятельности и ее регуляции выраженных элементов рациональности (знания, цели, программы, информация и т. д.), она выходит за рамки просчитанной программы, согласованной схемы, установленной задачи, так как существование любого фрагмента политической реальности зависит от гигантского числа разнородных факторов, взаимодействия множества людей с различными интересами, типами сознания. Политическое действие может быть мотивировано не только знанием, информацией, программой, но и предрассудками, страстями, слухами, неправильно понятыми интересами. К тому же участники политического процесса часто используют многочисленные

термины с неясным смыслом, толкуемые представителями разных политических позиций по-своему.

Иррационализм в политическом мышлении и действии появляется, когда субъект политической деятельности отказывается от самостоятельности, автономности политического мышления в пользу приоритета коллективного разума. Но истина не может быть чисто конвенциональной, она практически всегда обязана своим происхождением субъекту или субъектам познания. Участие личности в коллективном историческом или политическом творчестве отнюдь не предполагают отказа от собственной субъективности. Личный вклад,

защита собственных принципов и взглядов повышают ответственность человека за успех реализации политической программы.

Иррациональное входит в политику всякий раз, когда действие не уместается в заданных рамках, решает не только поставленную задачу.

Г. В. Пушкарева¹ выделяет различные модусы существования иррационального в политике, относя к ним следующие феномены:

— манипулирование «как особый вид информационного и психологического воздействия, ведущий к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями»;

— нерациональное политическое действие, не связанное с предшествующей когнитивной работой, типичная, стереотипизированная реакция в нетипичной, уже изменившейся ситуации;

— псевдорациональное действие, обладающее всеми признаками рационального действия (постановка цели, определение способов ее достижения), когда человек оказывается под воздействием навязанной извне картины восприятия политических событий.

Надо сказать, что политике как виду деятельности присущи противоречия:

— с одной стороны, политика есть действие целенаправленное, исходящее из интеллектуального импульса, с другой — это действие массовое, опирающееся на импульс психологический;

— сама потребность во властных действиях возникает как ответ на необходимость компенсации недостатка или даже отсутствия управленческой информации;

— демократия предполагает привлечение к участию в управлении большого количества людей, но ясно, что широкое участие не может быть полностью компетентным;

— социально-политической основой рациональности служат свобода, благосостояние, автономия личности, но свобода же разрушает ограничивающие ее рамки рациональности, как и всякие иные ограничения;

— дисциплина, выстраивающая любой целесообразный порядок отношений, опирается на определенный план, программу, доктрину, но здесь нет стерильной рациональности, ведь массы, для организации действий которых и предназначена дисциплина, не могут быть

¹ Пушкарева Г. В. Политическое поведение: теория, методология и практические возможности когнитивного подхода. URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskoe-povedenie-teoriya-metodologiya-i-prakticheskie-vozmozhnosti-kognitivnogo-podkhoda> (дата обращения: 11.11.2014).

стерильно однородными в социальном, психологическом и интеллектуальном отношениях.

Однако, несмотря на устойчивость точки зрения о том, что органическая иррациональность масс требует столь же иррациональных средств воздействия, необходимо видеть опасные для политики последствия иррационализма, наступающие в том случае, если становится доминантой политического действия. Дело в том, что такое действие:

- противоречит сущности политики как вида целенаправленного поведения, ведь она выстраивается как цепь, а не хаос поступков (хаосом она часто становится);

- вызывает лавину неконтролируемых событий, непредсказуемых последствий, ломающих генерировавшие их интересы;

- в результате подпадает под власть обстоятельств, а не господствует над ними, что опять-таки имеет мало общего с назначением политики.

Тем не менее тенденция к иррационализму весьма ощутима в современном мире политики. Она выражается:

- в утрате самостоятельности, критичности политического мышления широкими слоями населения многих стран;

- немотивированности политических действий;

- использовании политических технологий, апеллирующих не к разуму, а к подсознанию участников политического процесса, ведь очевидно, что современная техника рекламирования «политического товара» построена далеко не на рациональных аргументах;

- культивировании отношения к политике как к игре. Это выражается, например, в насыщении политической лексики игровыми, спортивными терминами («команда», «битая карта», «взять тайм-аут», «рокировка» и т. д.), сводящем сложность политических проблем к ситуации банального соперничества.

Сложность демаркации, очевидность взаимопроникновения, взаимозависимости рационального и иррационального в политике не снимают вопроса об обеспечении приоритета рационального. Это принципиально важно для демократического общества, где количество участников активного политического действия увеличивается, а проблема сочетания компетенции социального управления с высоким уровнем участия в нем больших социальных групп становится все более актуальной.

Глава 8

ЦЕННОСТИ — НОРМЫ — ИНСТИТУТЫ

Ценностная детерминация политических отношений. В политике человек имеет дело с гигантским многообразием действительности (информационным, ситуативным, позиционным, эмоциональным, идеологическим и т. д.). Выбор же позиции, линии поведения, варианта решения (если он, конечно, является мотивированным) проис-

ходит на ценностной основе. При этом ценности предстают не только как субъективный выбор, осуществляемый индивидами, но выступают также в виде объективных норм. «В этом случае они устанавливаются обществом и служат для регуляции человеческого поведения. Основная функция этих объективных норм состоит в том, чтобы заставить членов общества действовать и вести себя таким образом, чтобы вписываться в модели существующего порядка»¹.

На ценностной основе формируется активное отношение человека к политике, выражающееся в его целенаправленных действиях. Именно ценности играют решающую роль в переводе дескриптивной (описательной) информации в прескриптивную (предписательную), преобразовании стремлений и предпочтений в нормы и правила поведения. Благодаря ценностям политика затрагивает глубинные основания личности, которая в этом случае просто не может оставаться безучастной. Выбор самой возможности политического действия осуществляется на основе чувства собственного достоинства — восприятия себя как ценности, как благой и необходимой силы. И наоборот, именно с умаления чувства собственного достоинства начинается отвлечение, отказ от политики, поэтому «гражданин, лишенный этого чувства, — политически недееспособен; народ, не движимый им, — обречен на тяжкие исторические унижения»².

Ценности отражают сложное движение от действительности исторического опыта к цели, программе действий больших масс людей. Основные характеристики ценностей раскрывают сложность соединения идеи и реальности («мира горнего» и «мира дольного»), потребность в их дальнейшей кристаллизации в понятиях, идеях, целях. Это

¹ Манхейм К. Указ. соч. С. 428.

² Ильин И. А. Учение о правосознании. С. 366.

делает ценности удивительно многослойным, многозначным феноменом, поскольку они:

- детерминированы социально-историческим опытом, несут на себе груз времен, передают традиции, различаются трактовками, но в конкретный момент времени всегда злободневны, отражают остроту именно данной ситуации, проблемы, эпохи;

- абстрактны, но благодаря наличию большого мотивационного потенциала способны пробуждать в людях самые фундаментальные, витальные силы, канализировать огромные скопления человеческой энергии;

- прагматичны — связаны с принятием желаемого в качестве жизненно значимого и с отторжением того, что неприемлемо и нежелательно;

- символичны, но абстрактные феномены, отражающие сложные аспекты человеческих отношений (честь, совесть, справедливость, достоинство), воплощаются в конкретных и чувственно фиксируемых предметах или образах;

- характеризуются различием носимых ими смыслов, неоднозначностью их трактовок слабо отрефлектированы и выражены в понятиях.

Политическая наука разрабатывает методологические средства, способные во все большей полноте учитывать роль ценностной компоненты в политике. Достаточно в связи с этим назвать концепции политической системы, политической культуры или идеологии.

Исторический опыт показывает, что политика зависит от широкого круга взаимодействующих ценностных доминант. Их специфика заключается в том, что, оказывая мощное воздействие на политическую жизнь, собственно, подчиняя ее себе, они, как правило, имеют внеполитическое происхождение, продуцируются в более фундаментальных сферах бытия: морали, религии, экономике.

Политическими ценности делают три признака: возможность их

реализации только в результате совместных коллективных действий людей; активное влияние на механизм государственной власти; та или иная форма связи с единым интересом социальной общности. Такие ценности явно или скрыто присутствуют в политических декларациях, влияют на процессы принятия решений, составляют основу политического воспитания, воздействуют на выбор способов разрешения политических конфликтов и ведения политических диалогов. Поскольку в зависимости от ценностных ориентаций участников политические отношения могут развиваться как по линии конфликта, так и по линии кооперации, назначение политической философии

оправданно видят в поиске «способов разрешения противоречий между традиционно конфликтующими политическими ценностями»¹.

Взаимодействие ценностей в политике. Среди ценностей, постоянно находящихся в поле зрения и дискуссий, выделяют следующие.

Безопасность. Смысл этой ценности — в отсутствии угрозы жизни и основам человеческого существования, к которым, несомненно, относятся семья, этнос, окружающая среда, собственность, культура. К. Дейч справедливо определял безопасность как защищенность, обеспечение сохранности основных жизненных ценностей. Ее оправданно считают ключевой в системе ценностей, без нее значимость остальных оказывается сомнительной: кому, например, нужна свобода, если отсутствуют гарантии безопасности личности, или благосостояние, находящееся под постоянной угрозой? Безопасность служит, таким образом, условием накопления и обогащения других ценностей, а при ее отсутствии или недостатке ценностная структура общества деформируется, сужаясь до самозащиты.

Категория безопасности многообразна и включает в себя различные аспекты:

- военный, предполагающий не только защиту членов сообщества от внешней угрозы, но гарантии ее недопущения самим государством;
- правовой, обеспечивающий реальную защиту личности от преступных посягательств и от насилия со стороны государства;
- экологический, заключающийся в охране государством среды обитания человека;
- технологический, означающий обеспечение государством прогресса в области технологий на общемировом уровне;
- информационный, предусматривающий возможность получения всеми членами общества полной и разносторонней, свободной от воздействия химерических идеологии информации;
- экономический, требующий от государства создания условий для удовлетворения фундаментальных потребностей личности, применения ею своих трудовых навыков и способностей.

Противоположность безопасности — социальная катастрофа, характеризующаяся предельно низким уровнем безопасности из-за полного разрушения властных механизмов, вследствие чего возможности реализации или защиты человеческих ценностей исчезают.

¹ Kymlicka W. Op. cit. P. 3.

Солидарность. Продуктивное взаимодействие гражданского общества и государства задается таким социальным качеством, как солидарность, выражающаяся в обеспечении единства интересов, мотивов, действий многих людей. Она служит важнейшей субъективной предпосылкой долговременного существования социальной общности, способности решения ею насущных проблем, порождает чувство взаимопонимания и общего интереса взаимодействующих социальных групп.

Конечно, совместные, солидарные действия людей, т. е. их взаимодействие и согласование, — важнейшая цель государства и вообще государственности. Но реальное достижение этой цели зависит от колоссального количества факторов и агентов, вступающих в действие как в русле государственной политики, так и помимо нее. Гармонизация лишь частично обеспечивается за счет целенаправленных усилий. В процесс согласования включаются разнообразные интересы: экономические, социальные, культурные и т. д., он зависит от традиций, наличия языковой общности, уровня образования, доминантных черт национальной психологии участников политических отношений. Но фундаментом солидарного политического действия является наличие мощного «срединного» элемента, способного уравновесить, не дать разрастись полюсам бедности и богатства, избежать имущественного расслоения, могущего взорвать любую политическую общность. Грань, отделяющая движение к гармонии от начала кризиса и распада, может быть перейдена в любой момент в силу самых разнообразных причин; то, что недавно было политической общностью, превращается в скопление враждующих группировок.

Справедливость. Очень емкая и распространенная ценность, без апелляции к которой не обходится ни один политический документ и социально значимый шаг. Ее назначение заключается во внесении и моральной проблематики в политические действия и отношения. Разные политические силы в разные исторические эпохи трактовали справедливость неоднозначно. В ее содержании можно выделить следующие составляющие:

- законность (Сократ);
- соответствие высшим этическим критериям;
- пропорциональность воздаяния, заслуг, благ и ответственности, награждение и наказание в соответствии с делами (Аристотель, Цицерон);
- равное право на свободу, сопряженное со сглаживанием социального и экономического неравенства (У. Кимлика);

- нравственное основание оправдания или неприятия тех или иных политических реалий;
- полезность — большее счастье для большего количества людей;
- равенство прав и свобод, возможностей реализации жизненных планов;
- «то, что благоприятно правам человеческой личности; всякое нарушение их противно справедливости» (Н. Г. Чернышевский)¹;
- не просто равенство, а равенство в исполнении должного» (В. С. Соловьев)², т. е. справедливость представляет собой не только субъективно желаемое, но и объективное, требуемое основание — то, что должно, потребно;

— пропорциональность, обоснованность, необходимость, заслуженность (Д. Миллер, Р. Дворкин);

— рост благосостояния наименее обеспеченных членов общества, стандарт для взвешивания других ценностей (Дж. Роулз);

— не отрицание человеческих различий, но их признание и приспособление к ним (И. А. Ильин).

Такое разнообразие в трактовке выражает субъектно-объектную специфику ценностей: они не имеют четких, однозначных значений, выраженных в едином определении. Множество этих значений зависит от контекста, ситуации, эпохи, политического настроения и темперамента, специфики решаемых обществом проблем и стоящих перед ним исторических задач. В значительной степени значение справедливости как ценности предопределено пониманием ее основополагающих истоков, а ими могут быть личность или общество. В фундаментальной работе Дж. Роулза по теории справедливости³ раскрыта синтетическая природа этой ценности, меняющей свою трактовку в зависимости от ситуации и контекста. Справедливость представляет собой набор принципов, назначение которых заключается в обеспечении оптимального распределения прав, социальных благ, обязанностей и ответственности⁴. Ясно, что критерии оптимальности будут разными применительно ко времени, конкретному обществу и культуре.

¹ Чернышевский Н. Г. Экономическая деятельность и законодательство // Политическая мысль России. От истоков до февраля 1917 года: антология. М., 2008. С. 308.

² Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. Т. 1. С. 526.

³ См.: Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1996.

⁴ См.: Хайруллин В. И. Категория справедливости в истории политико-правовой мысли. М., 2011. С. 92.

Но существует в различных трактовках справедливости и общее: ее объективной основой служит мера — оптимальное соотношение между частями любой сложности, т. е. между приемлемым и неприемлемым, желательным и нежелательным в отношениях между людьми. Это делает справедливость универсальной ценностью. Стремление к ней и ее нарушение определяют отношение к богатству и бедности, заслугам и воздаянию, благам и обязанностям, поступкам и ответственности за них. Поиск справедливости представляет собой движение к нахождению этой меры и вытекает из стремления обеспечить единство в многообразии. Интерес к справедливости выражает желание обеспечить это единство, а отсутствие или отвержение такого интереса — путь к рассогласованию и социальной вражде.

Равенство. Выражает степень доступности основных ценностей для людей, а распределение ценностей и ресурсов, по заключению многих авторитетных политологов, служит основным назначением политической власти. В трактовке равенства как политической ценности выделяются следующие содержательные характеристики:

— полное, тотальное равенство, буквальное тождество людей по всем основным параметрам их существования. Стремление к такому равенству неоднократно возбуждало политический энтузиазм огромных масс людей, находящихся в условиях абсолютной нищеты, несмотря на то, что его недостижимость очевидна;

— имущественное равенство. Его в разные исторические эпохи неоднократно пытались реализовать¹, но всегда рано или поздно эти попытки наталкивались на непреодолимую индивидуальность человека, его неистребимое стремление жить по собственному разумению, в рамках своей уникальной системы потребностей;

— равенство возможностей, стартовых позиций, не отрицающее последующего неравенства индивидов, стимулирующее их социальную активность и деловую предприимчивость;

— одинаковое отношение правительства к поланым при распре-

одинаковое отношение правительства к подданным при распределении ресурсов (Р. Дворкин);

— равенство в правах. Его нормативным выражением служит закон, поэтому оно означает одинаковые возможности для всех апеллировать к защите государством своей жизни, достоинства, имущества, других гражданских и политических прав.

Эффективность равенства как политической ценности в значительной мере определяется способностью ее сосуществования и взаи-

¹ См.: *Шафаревич И. Р.* Социализм как явление мировой истории // *Шафаревич И. Р.* Есть ли у России будущее? М., 1991.

модействия с другими ценностями, она утверждается в опоре на справедливость, свободу, упорядоченность и развитие.

В зависимости от типологии и состояния политических систем значимость этой ценности может как возрастать, так и падать (или вообще обращаться в свою противоположность, когда ценностное значение приобретает именно неравенство), но она всегда есть там, где существует заинтересованность в массовом участии в политике.

Пройдя целый ряд трансформаций, особое значение указанная ценность приобретает в рамках коммунистической идеологии. Возникнув в древние времена, присутствуя во многих религиях именно как идеал межличностных отношений, исходящий из видения в других людях равных себе, эта ценность начинает рассматриваться уже как конкретная, практическая, реальная цель политического движения, из которой вытекают «научно обоснованные» политические преобразования:

— отмена частной собственности и имущественное уравнивание людей;

— создание разветвленной системы социального контроля, подавления отклонений от установленных стандартов, поскольку практика очень быстро выявляет невозможность достижения столь буквально понимаемого равенства;

— детальная регламентация видимых и невидимых сторон жизни: нормирование и усреднение (с понятными исключениями для избранных) жилья, одежды, образования и т. д.

Легитимность. Выражение момента долженствования в политических отношениях, способности и готовности их участников следовать определенным правилам и закрепленным обязательствам, принятие политической власти теми людьми, на которых она распространяется. Следствием признания политического порядка легитимным становятся добровольное подчинение граждан законам и установлениям власти, их оценка как справедливых, морально оправданных и приемлемых.

Имеется в виду прежде всего совместимость политических действий с господствующей в данном сообществе системой ценностей (широкий смысл легитимности по Дж. Фридриху, К. Дейчу, Н. Луману)¹. Основой легитимности служит добровольное подчинение законам, рассмотрение власти как авторитетной инстанции. Люди, для которых она авторитетна, принимают все исходящие от нее законы,

¹ См.: *Friedrich J.* Man and Government. N. Y., 1963. P. 254; *Deutsch K.* Op. cit. P. 18; *Луман Н.* Власть. М., 2001. С. 88.

в том числе и те, с которыми они не согласны (М. Вебер). Связывая легитимность прежде всего с идеей и механизмом представительства интересов и полномочий, К. Дейч видит более строгий ее смысл в «представительной природе процесса принятия решений и в обзорности всех процедур»¹. Легитимной может быть подконтрольная и выражающая интересы людей политическая власть.

Содержание представлений о легитимности в историческом процессе претерпело значительную эволюцию, а его необходимыми составляющими в условиях современного общества служат такие политические качества, как:

- разделение властей, означающее, что ни одна из действующих ветвей власти в обществе не может использоваться другой властью как средством;

- народный суверенитет, смысл которого заключается в признании, что вся полнота власти не может принадлежать ни члену (или группе членов) общества, ни органу государственной или иной власти, а только всем людям, живущим в данном обществе (его носителем в принципе может быть и монарх);

- выборное представительство, определяющее возможность народа — носителя властного суверенитета влиять на процессы формирования и функционирования органов политической системы;

- сменяемость носителей власти, предоставляющая каждому члену общества возможность самому стать ее носителем;

- необходимость отражения в политической системе и ее конституционном механизме специфики интересов разных социальных групп;

- плюрализм, обусловленный признанием существующего в любом обществе социального, культурного, экономического и политического многообразия и в сфере реальной политики предполагающий не только наличие множественности интересов и ориентаций, но и их совместимость. Единство в многообразии означает, что кроме очевидных и признаваемых различий в обществе и его правовой структуре должны существовать зоны не только взаимодействия, но и согласования интересов и позиций, единые правила поведения, которые принимались бы всеми участниками политических процессов.

Очевидное и благоприятное следствие реализации легитимности как желаемого качества политической системы — нормализация, стабилизация ее функционирования. Отсутствие легитимности приводит к опасному для дальнейшего существования политической систе-

¹ Deutsch K. Op. cit. P. 17.

мы состоянию отчуждения. Но и абсолютизация данной ценности оборачивается негативными последствиями, доминированием консервативного, охранительного начала, блокирующего способность к необходимым изменениям.

Законность (легальность) означает способность и желание всех участников политических отношений действовать в рамках устанавливаемых государством пределов, готовность взять на себя определенные обязательства и не нарушать их. Эта ценность отражает важнейшую черту политики — обязательную встроенность в нее правовых отношений, взаимосвязанность политики и права, что позволило В. С. Соловьеву назвать законность «основным естественным принципом политического общества»¹. Ценность права — в *равнозаконии* — справедливом воздаянии². Отказ носителей политической вла-

сти от этого принципа ломает элементарную упорядоченность социальных отношений, предопределяет неэффективность и неприемлемость такой власти для общества, усиливает ее деструктивный потенциал. Власть, не ограниченная законом, оказывается неэффективной и нежелательной, лишенной ценностного смысла и просто опасной.

Именно через правовой механизм, через приобретение характеристик закона ценности переходят в нормы, санкционированные государством, придающим им высший политический авторитет, в правила поведения, способы не разрушительного для общества разрешения социальных конфликтов. При этом нормы приобретают директивные качества, снабжаются четким механизмом реализации, санкциями, определяют человеческие, временные, пространственные границы действия. Если ценности по своей социальной роли стоят ближе к идеалам, то нормы (законы) непосредственно входят в инструментарий управления. Именно в таком качестве они необходимы для регуляции политических процессов и отношений.

Свобода. Высоко котирующаяся в политике и обществе ценность, ее реализация как цели лежит в основе формирования многих политических движений, а выражение отношения к ней служит необходимым компонентом практически любой политической программы. *Она отражает способность человека действовать в соответствии с собственным выбором, интересами и потребностями. Свобода в политике отождествляется с возможностью разнообразия и роста, полной использования прав, оказывается ключевым фактором в трактов-*

¹ Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 147.

² См.: Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В. С. Нерсисянца. М., 2000. С. 78.

ке и реализации многих других ценностей, влияя на их наполнение, смысловую нагрузку. Но понимание свободы непосредственно зависит (а иногда полностью меняет свой смысл на противоположный) от типа, природы политического движения, так же как и степень значимости этой ценности — от доминирующей до вспомогательной.

В ходе политического развития толкование, смысл ценности свободы становится все более широким, распространяется на все новые аспекты социального бытия, связывается с глубинными проявлениями сущности человека. Так, если в античные времена свобода означала прежде всего возможность участвовать в осуществлении политической власти, то для современности более характерно понимание свободы как беспрепятственного стремления к счастью в своих личных замыслах¹.

Власть. Ее сущностными характеристиками служат способность достижения других ценностей (К. Дейч), возможность реализации собственной воли (М. Вебер) и распределения социальных ценностей (Д. Истон), дееспособная законность (В. С. Соловьев).

Ценность власти как упорядочивающего фактора социальных систем далеко не однозначна, ведь она может решать свои задачи как с помощью гармонизации, согласования позиций, так и через неправоую репрессию, отбрасывание иных интересов, кроме интересов властителя.

При этом естественным является отношение к власти как средству решения социальных проблем, инструменту реализации множества других целей. Превращение же власти в самодостаточную ценность, цель, подчиняющую себе все интересы и устремления человека, формирует тип «авторитарной личности», основной мотив которой — желание власти, понимание счастья как «чувства растущей власти»².

Подобная ценностная ориентация личности оказывается ущерб-

ной и саморазрушительной, так как формирует в человеке опасные качества. Все перипетии воспринимаются таким человеком на пределе их жизненного смысла, «для «человека власти» политическая смерть и смерть физическая сливаются воедино»³. И это действительно так, ибо такой субъект иных модусов существования, кроме политического, не мыслит, а иных радостей, кроме наслаждения властью, просто не знает.

¹ См.: Kymlicka W. Op. cit. P. 250—251.

² Ницше Ф. Соч. Т. 2. С. 633.

³ Щербинин А. И. Драматургия власти // Полис. 1993. № 6. С. 108.

Мир является высочайшей политической ценностью и понимается как отсутствие внешней угрозы, отказ от использования вооруженных сил для решения политических проблем. Значимость мира как политической ценности определяется тем, что он служит условием реализации всех целей политики, предпосылкой сохранения всех других ценностей, в том числе и самой значимой среди них — ценности человека. Состояние мира открывает возможность для совершенствования всех форм политической деятельности и политической регуляции общественных отношений.

Война — противоположная миру антиценность. Она означает отказ от решения социальных проблем политическими средствами, тотальный переход к использованию неполитических, вооруженных средств борьбы. Политика возникает как некая противоположность военным действиям, способ решения социальных проблем бескровным путем, и она исчезает как форма отношений между людьми, если они прибегают к войне. Когда же начинаются поиски выхода из безумия военных действий, вновь вспоминают о политических путях, снова принимаются во внимание не аргументы силы, но соображения разума, целесообразности, безопасности, выгоды, начинают оцениваться последствия собственных действий и сопротивления им, соизмеряться цели со средствами.

Война связана с уничтожением, подавлением сопротивления противника, овладением материальными ценностями (вернее, тем, что от них остается после ведения военных действий). Она может способствовать увеличению престижа, влияния, территории, но обладает ограниченной эффективностью, которая уменьшается по мере роста поражающей силы используемого в ходе военных действий оружия.

Вооруженное сопротивление оказывается оправданным при наличии реальной угрозы уничтожения социальной общности. Все иные «мотивы» оправдания военных действий иррациональны. К ним можно отнести следующие аргументы:

— инициатор военных действий имеет дело с неподобными себе, «недочеловеками», критерий определения которых оказывается весьма произвольным и может включать представителей иных рас, культур, религий, видов деятельности, политических ориентаций и проч.;

— выживание одной расы (нации, общности) требует обязательно-го ущемления прав или, что лучше, уничтожения другой;

— «смертельная опасность» (например, в силу культурных, идеологических предпочтений, экспансионистских и других враждебных

замыслов), исходящая от иной политической общности, которую может остановить только война.

Роль ценностей в механизме политической мотивации. Очевидно, что динамика и направленность развития политических ценностей отражают важнейшие тенденции развития политической практики:

- происходит обогащение, наращивание новых аспектов в их содержании;

- очевидным является движение от дистанцирования или противопоставления основных политических ценностей (например, равенства и свободы, развития и порядка и т. д.) к пониманию их единства, взаимопроникновения, невозможности последовательного и целостного осуществления в отрыве друг от друга.

В современной литературе превалирует именно синтетическое толкование ценностей, в рамках которого:

- справедливость определяется в условиях равенства и свободы и рассматривается как стандарт измерения других ценностей (Дж. Ролз);

- свобода предполагает равенство прав, она не противопоставляется равенству, но считается его воплощением (В. С. Нерсисянц);

- право понимается как равенство, включающее в себя справедливость, оно реализуется прежде всего как требование равнозаконности, справедливого воздаяния (В. Г. Графский)¹;

- права человека мыслятся как очевидно сопряженные со свободой и справедливостью;

- достижение безопасности в ущерб свободе фактически разрушает ее смысл и привлекательность.

Толкование важнейших политических ценностей в их единстве и взаимозависимости связано прежде всего с утверждением в современной политической мысли идеи уникальности, многообразия, многослойности личности, представления важнейших политических ценностей как разнообразных, но нерасторжимых с ее существованием свойств, императивов бытия. В ходе этого процесса становится ясно, что представление важнейших политических ценностей как антагонистических возможно только при однобокой их интерпретации, при абсолютизации одного из аспектов ценностного содержания, подавлении им других компонентов ценностного многообразия. Это происходит, когда, например, равенство понимается как отрицание любых различий, буквальное тождество всех параметров человеческого существования, что может быть результатом или теоретической абст-

¹ См.: Политико-правовые ценности: история и современность. С. 25.

рации, или жестокого насилия при нивелировке столь многоликого объекта. Но ни то, ни другое ценностью не является.

Ценности не соответствовали бы своей сущности и назначению, если бы их толкование и отношение к ним не зависели от тех политических сил, которые к ним обращаются, берут их на вооружение. Например, «порядок» в зависимости от политических пристрастий и ориентаций своих адептов может трактоваться и как диктатура, и как демократия; обеспечение «прав человека» рассматривается и как политический идеал, стремление к которому определяет конкретный облик политической системы, и как лозунг, «подрывающий устои», вносящий дезорганизацию в функционирование государственного механизма; политический плюрализм — это и важнейшее политическое построение, и одновременно сущность политической борьбы.

ское достояние, и злонамеренное орудие политической борьбы.

Но, так или иначе, нетрудно видеть, что именно в ценностной системе координат люди формулируют наиболее значимые для себя каналы взаимодействия с политической средой. К ним можно отнести:

— интересы — это инструментальные ценности¹, т. е. способствующие достижению основных целей;

— цели — это модели представления о будущем, которые формируются на основе ценностных представлений; нежелательное событие или состояние не может быть целью политических действий;

— идеалы — это цели, обладающие высшей ценностной значимостью для человека;

— приемлемые способы их достижения отбираются на основе не только прагматических, но и ценностных критериев;

— результаты политических действий и процессов соотносятся с ценностями, это необходимая процедура при их анализе, так же как и при определении возможностей дальнейших действий. Достижения некоторых из них могут блокироваться как не соответствующие избранным ценностям, других — наоборот, стимулироваться в результате их одобрения;

— на ценностной основе решается дилемма контактов с политической средой.

Все это делает ценности важнейшим компонентом механизма политической ориентации и деятельности, предопределяет их вхождение в структуру наиболее фундаментальных политических явлений (политическая система, политическая культура), а внимание к их изу-

¹ См.: Easton D. Op. cit. P. 45.

чению позволяет четче представить человеческую, субъективную сторону политики.

При этом следует иметь в виду, что сфера отношений между целями, идеями и реальными, действительными интересами не сводится к отражению интересов в идеологии и их трансляции в массовое сознание с помощью техники пропаганды. Исторический опыт, реальные потребности социального развития отражаются в сложных феноменах, пластах сознания («подсознание», «бессознательное» (З. Фрейд), «остатки», «производные», «деривации» (В. Парето), «архетипы» (К. Юнг), «миф» как вторичная семиотическая система (Р. Барт, А. Лосев), традиции, культура и т. д.). Ценности и их основные характеристики как раз и отражают сложное движение от действительности исторического опыта к цели, программе, действиям на их основе.

От ценностей — к нормам. В политике человек имеет дело с гигантским многообразием действительности (информационным, ситуативным, позиционным, эмоциональным, идеологическим и т. д.). Выбор позиции, линии поведения, варианта решения (если он, конечно, является мотивированным) осуществляется на ценностной основе. При этом «ценности предстают не только в субъективном решении как выбор, осуществляемый индивидами; они выступают также в виде объективных норм, т. е. советов: делай то, а не другое»¹.

Эффективность воздействия ценностей на политику, тем более на ее сущностную и наиболее энергетическую, силовую составляющую — политическую власть, в значительной мере определяется возможностью их преобразования в нормы — непосредственные и устойчивые регуляторы общественных отношений.

В ходе наращивания регулятивных свойств ценностей с ними происходят значительные преобразования, связанные с минимизацией присущего им субъективного компонента. Ценность абстрактна, она

не регулирует поведение конкретного человека в конкретной ситуации. Норма как правило властного регулирования должна соответствовать условиям действия, следование ей ведет к конкретному результату. Иное развитие событий запускает механизм ответственности, который в политических, властных отношениях имеет уже не только моральный, но и правовой характер.

Становясь нормой, ценность проходит стадии детализации и дифференциации: общее понятие разделяется на множество частных, ста-

¹ Манхейм К. Указ. соч. С. 428.

новясь более операциональным, пригодным для разрешения конкретных проблем и ситуаций. Для того чтобы стать «матрицей» деятельности субъекта, т. е. нормой, ценность должна приобрести значение и смысл: характер ее требований по отношению к субъекту и к его действиям должен быть четко раскрыт и ясен для него. Если этого не происходит, идея не приобретает ясности и обязательности для исполнения, она по-прежнему рассматривается как пожелание, нечто благородное и вполне приемлемое, но не имеющее отношения к действиям субъекта. Дальнейшее становление нормы предполагает формирование четких механизмов реализации каждого отдельного ее элемента, установление порядка конкретных действий. В ходе преобразований ценности все более точно определяют свою направленность, элементы обязательности, директивности, адресуемые конкретному человеку, находящемуся в конкретных обстоятельствах. Их способность регламентировать его действия становится стабильной, все менее зависимой от субъективных толкований и восприятий.

В таком качестве они могут быть восприняты властными механизмами, влияют на формирование отношений между людьми, становятся институтами.

От норм — к институтам. Очевидно, что множество установленных или спонтанно сложившихся правил поведения, исходящих от групп и организаций, придают поведению людей направленный, регулируемый и должный характер, соответствующий определенным требованиям. Нормы стимулируют и ограничивают социальные отношения (нормы-цели, нормы-рамки). Под воздействием норм поведение людей выстраивается в цепь целенаправленных и предсказуемых поступков, происходит конвертация идеи в действие, принципа — в отношение. Усложнение структуры норм соответствует реальному многообразию человеческих отношений.

Исторически предшествуют нормам формы социальной регуляции, не обладающие всем набором свойственных норме качеств. Степень устанавливаемой ими упорядоченности невысока и неустойчива, возникает спорадически, но она есть, и регламентируемое ими состояние — уже не хаос, а движение от него.

К таким формам регуляции можно отнести *обычаи* — стандартизированные формы реагирования общности на повторяющиеся события, ориентации, разнообразные виды готовности к определенным типам социальных действий; *роли* — формальные рамки поведения, принимаемые на себя индивидами; *социальные статусы*, предопределяющие характер, направленность человеческих поступков. Основой,

предопределяющей возможность и характер данных форм регуляции социальных отношений, служит традиция.

Институционализация нормы предполагает такие ее преобразования, в ходе которых ее властный и управленческий потенциал значительно возрастает. Необходимыми предпосылками институционализации служат дальнейшая конкретизация и кодификация нормы; уточнение значений и отбрасывание не имеющих практического смысла толкований; объективация: освобождение от субъективности, от связей с фрагментарными интересами и произвольными толкованиями. Норма приобретает качество обязательности, становится законом — императивным требованием для всего общества, она снабжается санкциями, опирается на волю государства, т. е. наделяется властными атрибутами.

Ненормативность. Антипод данного процесса — *деинституционализация* — разрушение организованного властного механизма. Она достаточно разнопланова и включает в себя несоблюдение предписаний, лишение нормы сопутствующих ей санкций, увеличение в ней неопределенности, когда «приказ превращается в пожелание», которому в принципе могут соответствовать самые разнообразные действия, в том числе и противоположные требованиям нормы. Этому же способствует умножение действующих версий и трактовок нормы, выхолащивающих ее императивное содержание. Нормы-установления при этом оказываются более уязвимыми по сравнению с нормами-обычаями. Поскольку в их основе находятся ценности (т. е. субъективные предпочтения), возникает возможность истолкования их содержания произвольным образом, в том числе вкладывая противоположное первоначальному смыслу значение. Дезориентированное таким образом сознание блокирует или хаотизирует избранный порядок действий. Нормативный механизм власти перестает функционировать, замещается тактикой прямых немотивированных действий, в рамках которых любой результат, самый неожиданный и негативный, может преподноситься и восприниматься как желательное событие.

Феномен ненормативности разнообразен: это и вызов норме, и ее дополнение, и действующая, но не осознанная, не сформулированная потребность. Ненормативность проявляется в отсутствии или недостаточности рамок, пределов, в выходе за них. Часто ненормативность связана с отсутствием управляемости, выражается в неурегулированности. Но ненормативные формы регуляции могут быть связаны и с самоуправлением, самоорганизацией.

Социальная жизнь богаче правил и поэтому постоянно продуцирует ненормативность: прежде всего разнообразные социальные интересы, которых всегда больше, чем норм. К тому же интересы могут противоречить друг другу, порождая столь же противоречивые требования по отношению к находящимся в зоне их воздействия людям. Нормы нацелены на поддержку устойчивости общественной жизни. Но такие ее элементы, как действие, инициатива, динамика, изменение, новации, лишь частично регулируются нормами; они служат сферой проявления ненормативности. Разнообразные же истолкования норм, зависящие от ценностей, культуры, идеологии, могут как исказить их смысл, так и прямо отрицать их требования.

Глава 9

ИДЕОЛОГИЯ КАК ТИП ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Специфика политики формирует особый тип духовного освоения действительности. В этой сфере при оценке массивов познаваемой информации применяются и иные по сравнению с общепринятыми в науке критерии, на первый план выходят особые параметры реализации знания, среди которых выделяют:

- важность — выделение событий, обладающих наибольшим среди других значением;
- ценность — способность определения значимых политических выгод и человеческих предпочтений;
- правду — возможность испытания систематическим познанием и экспериментом.

Так возникает противоречивое, но характерное и постоянно присутствующее в политическом знании сочетание фактов и ценностей, самолюбия и лояльности к другим, заинтересованности и компетентности¹.

Политика при оценке приемлемости знания применяет к нему специфические критерии:

- инструментальность — способность не только вырабатывать идеалы и ставить цели, но и помогать в поиске приемлемых средств, путей их реализации, влиять на направление и интенсивность поведения большого количества людей;
- точность отражения действительного состояния обстановки,

в которой осуществляется властное политическое действие;

— способность к использованию в коммуникации — к передаче структурированных отношений, информации;

— устремленность в будущее, наличие более или менее точного, реалистического предвидения, без чего невозможно влияние на поведение людей;

— моральная привлекательность и ценность, способность быть выраженным в символической форме.

¹ См.: *Deutsch K.* Op. cit. P. 6—7.

Сама же политическая компетенция далеко выходит за рамки знания и предполагает соответствие более широкому кругу факторов и требований, нежели только всестороннее отражение состояния объекта. Она формируется и в результате выхода за рамки объективизма как однозначно выраженного стремления к наиболее чистой, «не замутненной» человеческим интересом форме отражения социальной действительности. Стремясь отразить присутствие субъекта в области политического, она констатирует невозможность полноценной и последовательной верификации в политическом познании. Давая оценку этой особенности существования знания в сфере политики, А. Грамши писал: «Масса людей, приведенная к единому и последовательному образу осмысления реальной действительности — это «философский факт», куда более значительный и «оригинальный», чем открытие каким-нибудь «философским гением» новой истины, остающейся достоянием узких групп интеллигенции»¹.

Критика идеологии. В мировой политологии существует точка зрения о том, что «так как политика предполагает следование определенной линии поведения, то есть какой-либо взаимосвязанной последовательности проектов действий, значит нет политики без идеологии»². Но в литературе также много критических суждений об идеологии, мотивируемых отсутствием в ней четкой границы между верифицируемым и неверифицируемым знанием, между знанием и отношением, истинами и ценностями, зараженностью идеологического сознания присутствием человеческих интересов и предпочтений. Многими политологами идеология рассматривается как исключительно ценностная форма сознания, кристаллизация убеждений, мнений людей, вовлеченных в политическое действие: «Это мышление действия, но не познания и объяснения» (Ж. Фрэн). В идеологии видят оппозицию рациональному, научному постижению социальной действительности, «структуру моральных критериев и политических идеалов» (В. Конноли). В рамках такой методологической позиции возникают представления об идеологии как «кристаллизации ложного сознания» (В. Парето), «добровольной мистификации» (К. Манхейм), «секуляризированной религии» (Д. Белл) или «эрзац-религии» (У. Матц).

В работах классиков марксизма в зависимости от контекста данный термин используется по крайней мере в трех значениях: 1) ложное, извращенное сознание, 2) вся совокупность сознания определенного класса, 3) вид теоретического сознания.

¹ *Грамши А.* Тюремные тетради // Избранные произведения. М., 1959. Т. 3. С. 14.

² *Seliger M.* Ideology and Politics. L., 1976. P. 99.

В центре представлений о специфике идеологии находится понятие «ценности» — элемента мыслительной деятельности, назначением которого служит отражение момента взаимодействия, взаимозависимости объекта и субъекта, значимости первого для второго.

Чаще всего в политологической литературе идеологию характеризуют именно как систему ценностей и предпочтений (Д. Истон, М. Дюверже, В. Конноли, П.-А. Шомбар де Лов). Благодаря ценностям осуществляется столь необходимый для стимулирования и направления деятельности людей процесс дифференциации и иерархизации объектов по степени их значимости для субъекта.

Неопределенность идеологических понятий, их зависимость от социальных интересов и предпочтений образуют ощутимый элемент субъективизма. Наиболее радикально в негативном плане на этот счет высказался известный французский политолог и философ Бернар-Анри Леви: «Идеология — это неузнанная лож»¹.

Неудовлетворенность формами идеологического осмысления действительности породила стремление как-то преодолеть его ограниченность и субъективизм, прежде всего с помощью обогащения сознания людей научными знаниями, снижения зависимости от политических предпочтений, влияния интересов, мировоззренческих позиций. Так возникает идея «конца идеологии», ставшая основанием влиятельной в 60-е гг. XX в. концепции деидеологизации. Она исходила из очевидного факта: современный человек, становясь все более образованным, в своем социальном и политическом поведении все менее будет склонен руководствоваться непроверенными суждениями, неопределенными понятиями, отдавая предпочтение данным науки, точным знаниям.

Однако концепция деидеологизации себя не оправдала, желаемого очищения сознания людей от неясной терминологии и символики не произошло, и в конце XX в. люди, пользуясь достижениями науки, средствами точного анализа, не были склонны расставаться с неverifiedируемым знанием: ценностями, идеалами, мировоззренческими установками, религиозными убеждениями, политическими лозунгами. Родоначальник теории деидеологизации Д. Белл в середине 70-х гг. прошлого столетия пришел к убеждению о неустранимости идеологических факторов из общественной жизни, о том, что истощение старой идеологии вызывает потребность в новой². На смену концепции деидеологизации пришла концепция реидеологизации, смысл кото-

¹ Levy B.-H. La barbarie à visage humaine. P., 1972. P. 17.

² См.: Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N. Y., 1973. P. 34.

рой заключается в признании нарастающей зависимости политической и социальной жизни от того, что люди называют идеологией, т. е. от системы взаимодополняющих и ограничивающих (сдерживающих) друг друга знаний, ценностей и институционализированных, канализированных эмоций (например, «классовая ненависть», «любовь к родине», «исторический оптимизм (пессимизм)», «вера в будущее» и т. д.).

В наше время наступает новый этап переоценки роли идеологии, который всегда связан со сменой социально-исторических обстоятельств. Смысл этих изменений наиболее точно выражен известным российским политологом А. И. Соловьевым: «Усечение ценностно-ориентирующей и идеально-конструирующей функций, а также сужение поля для политического существования позволяет говорить об

исторической маргинализации идеологии»¹.

Этот процесс определяется взаимодействием ряда факторов, среди которых ведущая роль, по его мнению, принадлежит:

- росту социальной динамики;
- совершенно новой информационной среде, в которой огромное значение имеют СМИ «третьего поколения», создающие возможность свободного интерактивного контакта между людьми;
- падению интереса к книжной и газетной культуре (признанным и эффективным средствам формирования идейной общности);
- массовизации и сегментации общества, ведущим к падению значимости групповых принадлежностей и идентификаций;
- усилению роли индивидуальных запросов граждан в их отношениях с государством;
- переходу от внешней детерминации жизнедеятельности человека (идеология) к самодетерминации;
- ориентации не на групповое, а на индивидуальное и ситуативное истолкование событий, индивидуализацию политического участия.

При нарастании «бесконцептуального потока политики» «главным системообразующим конструктом в нормативно-символической сфере становится имидж. Именно он выступает средством индивидуализации людьми политических проектов»².

Интересно, что другой «критик идеологии» — английский исследователь Дж. Шварцмантель, исходя, по сути дела, из тех же оснований (фрагментаризация социальной среды, новые условия самоопре-

¹ Соловьев А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции. С. 17.

² Соловьев А. И. Политическая идеология // Политология: лексикон. С. 360.

деления личности) и разделяя мнение, что «период идеологической мобилизации граждан прошел»¹, делает, однако, менее радикальные выводы, признавая необходимость и возможность идеологического мышления при развитии более фрагментарных, «молекулярных» идеологий².

На наш взгляд, акцентируя внимание на мощном манипуляционном потенциале современных информационных технологий, позиция отрицания роли идеологии не учитывает некоторых важных параметров современных политических и идеологических процессов. Она европоцентрична, преувеличивает значение мультикультурализма, информационной открытости, рекламного стиля политического общения. Но в мире существуют политические силы, реализующие долговременные исторические стратегии и по-прежнему опирающиеся на идеологический фундамент. Например, в США именно общие ценности и политико-культурные ориентации цементируют многорасовое, многоликое общество в единую (но отнюдь не унифицированную) нацию. Мультикультурализм здесь имеет четко выраженные пределы. К тому же наиболее динамичные политические системы, с которыми переходным обществам наподобие нашего приходится взаимодействовать, строго идеологичны и обладают выраженной экспансионистской направленностью.

СМИ, неся поток разрозненной, по-разному ориентированной и сегментированной информации, используя рекламные приемы воздействия, конечно, обладают значительным потенциалом влияния, порождают в ответ реактивный эмоциональный и поведенческий отклик, но не устойчивые поведенческие ориентации, установки.

Существенные особенности политики: системный характер ее проблем, относящихся ко всему обществу; связь с управлением и целенаправленным властным действием; пересечение в ней общих и частных интересов — требуют особого типа ее духовного освоения. Его важнейшим инструментальным качеством служит способность ро-

важнейшим инструментальным качеством служит способность, во-первых, выражать интересы субъекта политики; во-вторых, отражать проблемы социальной целостности, управления обществом и государством, поскольку именно они являются объектом политической активности; в-третьих, иметь систематизированную форму. Идеология как теория преодолевает неизбежную противоречивость социальной действительности, сводя многообразие всех проблем и аспектов бытия социальной группы в целостную программу, систему поведе-

¹ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Харьков, 2009. С. 278.

² Там же. С. 19, 35.

ния, направленную на реализацию ее коренных интересов, решение важнейших задач, на ее историческое движение.

Любой субъект политики нуждается в идеологии — средстве духовного сплочения и руководства, направляющем поведение людей в сфере политических отношений, формирующем волю, стремление к политическому действию, мобилизующем их активность, способствующем социальной интеграции групп, вовлеченных в политическое действие или готовящихся к нему.

Содержание идеологии отражают ее важнейшие свойства. С полным основанием можно назвать идеологию «векторным», направляющим мышлением, приводящим политическое действие в соответствие с определенными интересами. Поэтому идеология, не учитывая в полной мере все многообразие политической жизни, играет в ней столь важную роль, становится стержнем политической ориентации, наличие которого свидетельствует о способности ее носителя действовать активно и целенаправленно. Благодаря идеологии «политика может, пусть не целиком, но все же в существенной мере «делаться из головы», т. е. осуществляется от имени и во исполнение теоретически формулируемых принципов»¹. Все элементы политического сознания развиваются под определяющим влиянием идеологии, несут на себе отпечаток ее воздействия. Его результатами служат:

— «заинтересованность» — некоторое смещение познавательного, информационного компонента, преувеличение значения одних и преуменьшение роли других элементов действительности², ведущее к очевидному искажению картины социальной реальности. В рамках идеологического отражения действительности внимание субъекта, а им может быть как отдельный человек, так и группа или организация, сосредоточивается на отдельных сторонах, аспектах проблемы, но зато на них же концентрируется вся мощь социального, политического действия, все ресурсы, которыми располагает социальная общность. Решение такой проблемы рассматривается как гарантия выживания, дальнейшего процветания;

— наличие определенной степени огрубления, упрощения, схематизации — того, что позволило К. Дейчу назвать идеологию «картой действительности»;

— существование мощного эмоционально-волевого заряда, способствующего тому, что идея приобретает властную атрибутику и эффективность.

¹ Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992. № 1/2. С. 135.

² См.: Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 47; Манхейм К. Указ. соч. С. 40.

Но в каком случае возникает необходимость использовать такую «карту»? Когда оказываются востребованными все вышеназванные свойства идеологии? Назначение идеологии, делающее ее необходимым компонентом любого механизма власти, — направление и ориентация деятельности людей.

Структура идеологического сознания включает в себя:

- информацию об объекте, картину действительности, отраженную субъектом;
- ее оценку субъектом как нужную или не нужную для действия;
- критику реальности, доказательство ее неприемлемости для «нормального» человеческого существования (в силу угнетения, отсутствия свободы, злоупотреблений и т. д.);
- характеристику субъекта и обоснование его миссии (освободитель, спаситель, объединитель) по отношению к большей, чем он сам, общности (нация, человечество, «род людской»);
- обоснование основных ценностей — наиболее желаемых состояний и параметров существования социального организма (справедливость, благосостояние, гражданское общество, социальное государство);
- призыв к субъекту, обоснование его миссии и доказательство способности (именно его) реализовать возложенную на него задачу;
- характеристику союзников, которых он должен объединить, помочь, возглавить, повести.

Эта структура весьма динамична и в современных условиях изменяется под воздействием:

- СМИ, которые во все большей мере конструируют действительность, формируют базовые ценности современного человека;
- трансформации политического факта. Имеется в виду «появление в политическом пространстве элементов гиперреальности и, соответственно, принципиальная неотличимость симуляторов от реально произошедших событий»¹.

Основные функции идеологии. Разнообразие и даже противоречивость элементов идеологического сознания объясняются разнообразием основных функций идеологии, среди которых — познание, интеграция, организация, успокоение, упрощение. Нельзя не отметить и функцию легитимации — обеспечения массовой поддержки власти, которая как бы погружается в массу, а последняя привязывается к власти. Опираясь на интересы социальной группы, идеология продуцирует устойчивые формы политического поведения, задает рамки

¹ Соловьев А. И. Политическая идеология // Политология: лексикон. С. 356.

толкования целей, средств, терминов. Именно она формирует критерии оценки происходящих в обществе трансформаций: их целостности, глубины, решительности и последовательности, определяет их желательность или нежелательность. Вне системно организованной ценностной среды любые самые хаотичные действия можно выдавать за последовательное движение в нужном направлении.

Формы идеологии. К числу форм идеологии относятся теории (последовательное, систематизированное обоснование определенных ценностей, подведение под них доказательной базы в виде законов, тенденций, «природы» явлений), доктрины (идеологии с очень высокой степенью систематизации, как правило, изложенные в виде теоретических обобщений)¹, программы (обоснованный проект необходимых, вытекающих из теории преобразований, обращенный к прак-

тике план действий, который определенная политическая группа предлагает для всего общества; их важной характеристикой служит реалистичность, привязка целей к имеющимся средствам).

На наш взгляд, необходимо различать два типа идеологий — доктринальные и ценностные.

Первые представляют собой строгие, логически выверенные системы суждений, дополняющих друг друга положений, выводимые из других идей и продолжающие их в новых условиях (например, либерализм или марксизм). Мир рассматривается в них как несовершенный, ожидающий изменений общественной жизни, приближающих ее к требованиям всей системы мироздания.

Идеологии второго типа — ценностные («системы ценностей и их обоснований», по Д. Истону) — исходят не из теоретических «оснований», а говорят о «желательности» некоторых состояний и характеристик общественной жизни, воплощение которых в действительность способствует гармонизации общественных отношений, развития общества в соответствии с «природой человека». Консолидация вокруг гуманистических ценностей помогает укреплению и продвижению общества, ибо ориентация людей на противоположные ценности оказывается для него разрушительной и опасной. Исторический опыт доказывает, что закон лучше беззакония, порядок лучше хаоса, справедливость лучше несправедливости, а «худой мир лучше доброй ссоры».

Механизм формирования таких ценностей не доктринален; он представляет собой обобщение практического опыта; ценностный мир зависит от практики. Задача идеологии в таком случае заключа-

¹ См.: Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979. С. 404.

ется в его систематизации, переводе интенций, рождаемых социальными интересами, на язык социальных ценностей, национальных и исторических приоритетов. Ее осуществление — традиционная задача политической элиты, если, конечно, она служит не самоназванием правящих групп (состав которых может быть довольно пестрым), а согласно пониманию, сложившемуся в рамках научной традиции (В. Парето, Г. Моска), состоит из людей, талантливых и успешных в своей профессии, способных делать результаты собственных достижений условиями развития социальной общности.

Ценностные идеологии могут быть ориентированы на «согласие» или «отрыв».

Идеологии «согласия» предполагают интеграцию общества на основе уже существующих общих сторон образа жизни, настроений разных социальных слоев. Здесь уже имеется некоторое количество разделяемых всеми общих ценностей.

В состоянии значительной социальной сегментации, отсутствия общих интересов и ценностей в ход идут идеологии «отрыва». Они вполне применимы для обоснования необходимости модернизации, ухода от такого общества, значительная часть которого рассматривается как «нереформируемая», лишенная возможности преобразования и качественного роста. В России это развалившиеся гиганты индустриальной эпохи, обезлюдившие, разоренные деревни, алкоголизированная, дошедшая «до ручки» часть населения, а также вконец отупевшая от поборов и жизни «на кормлении» бюрократия. Смысл идеологии «отрыва» в этом случае — в смене ценностных приоритетов или в таком объяснении старой системы, при котором были бы определены пути ее избавления от вечных «изъятий», исключений в толковании ценностей, когда нарушается принцип справедливости.

Говоря о неприемлемости для сегодняшней России как первой, так и второй ориентации, В. В. Путин в одной из своих статей писал:

«постоянно повторяющаяся в истории проблема России — это стремление части ее элит к рывку, к революции вместо последовательного развития... Этому противостоит другая тенденция, противоположный вызов — склонность к застою, к иждивенчеству, неконкурентность элит и высокий уровень коррупции. Причем при каждом удобном случае ниспровергатели буквально на глазах превращаются в самодовольных господ, которые противятся любым переменам и ревностно охраняют свой статус и привилегии. Либо происходит ровно обратный процесс — «господа» превращаются в «ниспровергателей». Отсюда — очень «короткое дыхание» политики, ее ограниченность

вопросами текущего сохранения или передела власти и собственности»¹.

Трансляция идеологии в массовое сознание осуществляется через пропаганду, назначение которой заключается в том, чтобы через формирование системы политических убеждений и необходимые политические ориентации направлять политическое поведение больших масс людей. Успех пропаганды в значительной степени определяется умением придать той или иной идее образную форму, способную вызвать позитивный эмоциональный отклик у людей, специально этой идеей не интересовавшихся и с системой ее обоснования не знакомых. Носителями политических образов служат лозунги — краткие, эмоционально насыщенные формулировки задач политического действия или насущных политических требований, а также символы — условные обозначения жизненно важных для участников политического процесса предметов и действий, центры концентрации, сосредоточения политических эмоций, направляющие, канализирующие социальную энергию.

Благодаря идеологии политика приобретает ряд весьма важных для осуществления власти и управления качеств:

- деятельность большой массы людей из скалярной, диффузной, ненаправленной и ненаправляемой величины превращается в величину векторную, направленную, ее эффективность в реализации определенной задачи, цели значительно повышается;

- происходит объединение большой массы людей вокруг единой цели или ценности, т. е. на рациональной основе;

- политическое действие приобретает последовательность и целенаправленность, соответствие не только потребностям субъекта политики, но и реальным условиям его деятельности;

- формируются разнообразные средства политической коммуникации: общезначимые для политической общности понятия, образы, символы — важнейшие элементы языка политики, диалога власти и общества.

Без идеологии слова, которыми люди пользуются в политике, наделяются разными, порой парадоксальными смыслами, вследствие чего какая-либо коммуникация между участниками политических отношений оказывается невозможной, в том числе и тогда, когда существует острейшая необходимость обсуждения проблем, представляющих взаимный интерес. Последствия властных решений в такой си-

¹ Путин В. В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. 16 янв.

туации могут оказаться самыми парадоксальными и неожиданными. Нарастающая множественность языков политических общностей питает, генерирует дух оспаривания, а не сотрудничества, что оборачивается невозможностью эффективного политического управления.

Результатом деградации роли языка как продуцируемого идеологией средства политической коммуникации оказывается специфический феномен невербальной политики. Вообще в политике элементы невербальной коммуникации всегда присутствуют, достаточно назвать широко используемые символы, жесты, процедуры, церемонии и ритуалы. Но когда они доминируют, происходят очевидные, легко узнаваемые и очень опасные процессы:

- вытеснение политического дискурса ритмом, карнавалом, примитивным телевизионным или плакатным лубком;
- акцент на коллективные аффекты: страх, вождельение, восторг, поклонение;
- все более настойчивая и изощренная техника апелляции к подсознательным компонентам человеческой психики, использование медиумов и т. д.

Невербализированная власть опирается не на программу и сторонников, а на примитивные формы зависимости: страх, клановые связи, вассальную зависимость, чувство общей вины и желание избежать расплаты. Власть становится способом манипулирования, принуждает людей действовать вопреки их собственным интересам.

Существуют очевидные различия между **ролью идеологии в демократической и тоталитарной политических системах**. В условиях демократии идеология выступает как некая матрица политической деятельности, определяющая ее основные цели и пределы. Здесь нет жестких предписаний относительно поведения отдельного человека, сфера влияния идеологии — область политики, государственной власти, а сама она мыслится не более чем система ценностей, предпочитаемых в данном обществе. Контролирует ее взаимодействие с обществом, с его политической системой общественное мнение, что предполагает наличие свободы печати и критики. Обращает на себя внимание отсутствие жестких требований к способам решения доктринальных проблем, значимость которых вообще оказывается невысокой.

В тоталитарной (идеократической) политической системе идеология выступает в качестве подробного обоснования, конкретного плана общественной жизни, предписывающего в деталях деятельность государства и поведение индивида в разнообразных (и опять-таки описываемых в идеологии) обстоятельствах. Такая идеология отожде-

ствляет государственную, политическую лояльность с мировоззренческой, а иные системы мировоззрения, отличные от предписываемой, рассматривает как уголовное преступление. Возникают иногда просто необъяснимые, доходящие до комического явления (на деле, к сожалению, принимающие трагические формы) — враждебность и подавление всех иных оттенков мировоззрения, кроме канонического. Это демонстрируют борьба с религией, диктат в науке и культуре, т. е. в таких сферах духовности, которые непосредственного отношения к политике не имеют.

Оказываются predeterminedенными не только жесткость, монолитность идеократического, тоталитарного общества, его способность к быстрой мобилизации ресурсов, но и в конечном счете большая зависимость основных сторон жизнедеятельности этого общества от спо-

симостью основных сторон жизнедеятельности этого общества от способа решения доктринальных вопросов, которым придается судьбоносное, сакральное, по сути дела, значение. Но такое общество оказывается крайне нестабильным, зависимым как от всех перипетий практической политики, так и от ее идеологического обоснования, а также от отношения индивида к выполнению принятых на себя обязанностей перед государством.

Недавний крах многих идеократических политических систем позволяет сделать именно такой вывод.

Национальная идея: обретение или отказ. С учетом изложенных выше подходов популярная в современных идейных и политических дискуссиях тема «национальной идеи» обнаруживает свои основания и перспективы. Интерес к ней обостряется в свете происходящих изменений в экономике, культуре и идеологии.

Ясно, что информационная революция вызывает значительные изменения мотиваций человека. Происходит трансформация политического общения: все большее значение в нем имеет «сигнальная» форма передачи информации в виде сообщений, мнений, оценок, откликов и т. д. Зависимость политического поведения от стабильных факторов социально-политической среды — идеологий, партий, социальных общностей — уменьшается. Индивид более самостоятельно, ориентируясь на собственный интерес и собственные проблемы, определяет линию своего политического поведения. Однако практически все параметры его актуального и будущего состояний находятся под нарастающим влиянием обстоятельств, которые он не способен предвидеть и на которые он даже гипотетически не может воздействовать, ибо они находятся далеко за пределами его влияния и контроля.

Вследствие радикального увеличения динамики политических и экономических процессов степень неопределенности в политике, ее непредсказуемость, конечно, возрастают. Нестабильность, текучесть норм, смена привычных жизненных ориентиров, естественно, требуют новых способов действия и форм регуляции социально-политических отношений.

В этих условиях степень влияния идеологических императивов падает, их просто невозможно реализовать в те обозримые периоды, в пределах которых осуществляется политическое действие. Начинается поиск новых ориентаций — конкретных, напрямую продиктованных ситуацией, краткосрочных, не требующих для своего воплощения институциональных реформ. Ведь они могут «обрушить» ситуацию, «запустить» цепь неожиданных и нежелательных событий, обернуться не приобретениями, а потерями.

Как следствие, мышление в традиционных категориях больших социальных групп становится проблематичным¹, вызывая как индивидуализацию проблем и планов, так и возрастание независимости человека. Снижение необходимости коллективного (группового) мышления и действия ведет к переходу политической инициативы от политических институтов к индивидам. Человек все меньше нуждается в посредниках и инстанциях, которые бы его информировали, ориентировали, направляли, организовывали и т. д.

Однако данной тенденции сопутствует и другая. Все более выраженной чертой происходящих в мире и в нашей стране политических процессов становится то, что по окончании политических акций, PR-кампаний и реакций на них оказываются очевидными архетипические мыслительные и психические проявления, связанные с принадлежностью к целостности, с потребностями в безопасности и справедливости. Они и инициируют поиск политических структур с выраженной и ценностной составляющей, т. е. идеологией.

При этом, конечно, надо учитывать, что идеология содержит в себе не только консолидирующий, но и дифференцирующий потенциал и может не только объединять, но и раскалывать общество. Доктринальная идеология интерпретирует и выстраивает определенную иерархию ценностей, что неизбежно вызывает различие их трактовок. А реализующая утопические или религиозные постулаты диктатура рано или поздно поднимает проблему толкования, разводящую единомышленников в непримиримые политические лагеря.

¹ См.: Бек У. Общество риска: на пути к большому модерну. М., 2000. С. 127.

Национальная идея представляет собой ценностный тип идеологии, являющийся не мировоззрением узкой секты, а видом духовного творчества народа¹. Такая идеология:

- генерируется из культуры, исторического опыта, народного сознания и творчества;
- включает общечеловеческие ценности, которые гарантируют от причинения очевидного вреда;
- не отрицает политического и идейного плюрализма при наличии согласия участников политического процесса по относительно небольшому, но устойчивому кругу политических и социальных ценностей;
- фиксирует внимание на общем, а не на отличиях, допуская возможность различных интерпретаций входящих в нее ценностей.

Национальная идея, выражая ценности гражданского самосознания, идентифицируя человека с определенным государством, не может отрываться от этничности, так же как и растворяться в ней. Она основывается на этничности (традициях, архетипах, мифах, верованиях), но преодолевает ее; дистанцируется от других народов и четко демонстрирует черты единства с ними, указывая на свое место в их отношениях. Это происходит прежде всего потому, что «этничность и национальность отличаются друг от друга степенью представленности и развитости в них социокультурного начала. Этнос объемлет в себе антропологию нации, все свойства телесности и телесного происхождения, то общее, что образуется в нации на базе процессов расо- и этногенеза факторами общности, порожденными кровью. Они первичны по отношению к нации и возникают задолго до возникновения нации, определяя их этническую базу и суть. Не может быть нации вне этнической основы. Нация всегда этнична в своей основе и сущности. И вместе с тем нация — нечто большее, чем этнос, и уже хотя бы в том смысле слова, что, как правило, полиэтнична, складывается из нескольких этносов, есть результат этнических синтезов в процессе своего этногенеза»².

Национальная идея выступает как объединительный принцип, приемлемый и понятный, отражающий интересы большинства и служащий критерием оценки деятельности государства и каждого отдельного человека с точки зрения служения общему благу. Она обобщает исторический опыт народа. Движение к обретению национальной идеи как системы целей и ценностей предполагает уход от

¹ См.: Ильин И. А. Учение о правосознании. С. 382.

² Козин Н. Г. Россия. Что это? В поисках идентификационных сущностей. М., 2012. С. 79—80.

социального сектантства, логики политического доминирования, ее культурных, поведенческих стереотипов и ярлыков.

Существуют два основных подхода в трактовке этого феномена: мифологический (очень часто перерастающий в мистический) и рациональный. В первом случае национальная идея рассматривается как форма решения какой-либо сверхзадачи, как аргумент для участия в важном историческом деле, объединяющем всю нацию и возвышающемся над обыденностью повседневного существования. В зависимости от идеологического наполнения ею может быть и установление мирового господства, и экспорт свободы (или революции), и объединение Европы, и защита прав и свобод человека, и т. д. В истории российской общественно-политической и философской мысли много примеров такого рода: и славянофильство (А. С. Хомяков, И. С. и К. С. Аксаковы, И. В. и П. В. Киреевские), и космизм (В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев, В. И. Вернадский), и освобождение человечества от эксплуатации (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин), и даже воскрешение мертвых (Н. Ф. Федоров). Ясна по крайней мере сомнительность, если не неприемлемость, мифологической национальной идеи для современного общества (исторический опыт кое-чему научил).

Во втором, рациональном, смысле национальная идея — это совокупность фундаментальных ценностей, лежащих в основе конституции государства. Она представляет собой консенсус относительно важнейших национальных приоритетов и служит критерием оценки деятельности государства.

Как и всякая идеология, национальная идея представляет собой сочетание противоречивых, но дополняющих друг друга качеств. С одной стороны, это вид абстрактного, системно организованного знания, обладающего значительным потенциалом обобщения реальности и сформированного в результате специальной, целенаправленной мыслительной деятельности. С другой стороны, она имеет силу очевидности и разделяется массой людей, не владеющих специальными знаниями.

Духовность, рефлексия в политике оказываются востребованными в специфическом для них качестве — как средство ориентации действий больших масс людей. Исторический опыт убедительно показывает невозможность достижения полной, детальной управляемости в этой сфере. Даже когда в политике прибегали к так называемым «тотальным» идеологиям, очевидно нацеленным на детальную регламентацию жизни, многие сферы бытия человека оставались незатронуты-

ми, возможность сохранения хотя бы «инкубаторов» человеческой свободы сохранялась. Объясняется это в значительной степени природой идеологии — недетализированного, неточного, недостаточно обоснованного знания, элементы которого просто не могут быть полностью «подогнаны» друг к другу. Если бы в качестве средства ориентации, направления социальной деятельности использовались иные, более точные и конкретизированные системы знаний, общество превратилось бы в механизм, поведение и образ действия каждого элемента которого детально, строго и успешно регламентировались. Очевидным следствием такого использования знания оказались бы отказ от свободы и индивидуальности человека. Научное знание имеет безусловно общий характер, и всякие попытки его использовать для решения задач властного управления (а они постоянно имеют ме-

для решения задач властного управления (а они постоянно имеют место), обращенного к человеку, к побуждению и регламентации его активности, оборачиваются обратным: отказом человека от какой-либо деятельности и инициативы.

Природа идеологии (а она как раз состоит в невозможности элиминировать из ее содержания компонент субъективного опыта человека, его интерес) как бы сама сопротивляется подобному ее использованию (например, при детальной регламентации общественной жизни в тоталитарных политических системах).

Идеология — это действительно оптимальный инструмент политической власти, используемый в управлении социальной деятельностью, ибо все иные возможные инструменты (например, наука или религия) порождают более тяжкие последствия. Побуждая, направляя действие человека, идеология не предопределяет его однозначно. Она соответствует природе как человека (нерасторжимой со свободой), так и политики как системы управления «сложным, нелинейным обществом в условиях недостаточности информации и ресурсов»¹.

Негативные последствия как отрицания, так и абсолютизации роли идеологии в обществе очевидны; существует также опасная возможность ее «двойного» использования. Этого можно избежать в случае:

- последовательного ограничения сферы применения идеологии рамками политики;
- ее демаркации от других форм духовности, отказа от попыток их замещения идеологией;

¹ Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Многомерный мир современного человека. М., 1998. С. 251.

— признания естественности идеологического плюрализма в демократическом обществе; национальная идея здесь служит выражением консенсуса разных идеологических и политических сил, их согласия по некоторым фундаментальным вопросам бытия социальной общности;

— если сфера государственной власти находится под влиянием идеологии, крайне важно сохранить независимость самой идеологии (ее генезиса, модификации и трансформации) от государственной власти: приведение в движение идеологического и государственного механизмов должно осуществляться разными людьми.

Глава 10

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Дискурсивный анализ политики. В современной литературе по разным отраслям гуманитарного знания растет интерес к исследованию политического дискурса¹. Это связано с пониманием значимости коммуникации для политики, культуры и языка как основного содержательного средства ее реализации.

Термин «дискурс» пришел в политическую науку из лингвистики и философии и, строго говоря, означает «строй речи, мышления»². Постепенное расширение его значения происходило из-за осознания единства строя мышления, речи как его внешнего выражения (текст) и действия. Такая интерпретация дискурса содержится в работах французских структуралистов, и прежде всего М. Фуко, который доказывал, что данное понятие означает нечто больше, чем язык, позволяет выразить единство языка и среды, которая его формирует, обуславливая его существование и возможности. Обращение к анализу дискурса, по М. Фуко, позволяет «разглядеть за высказываниями субъекта активность его сознания, вторжения бессознательного»³.

К уже сложившимся трактовкам дискурса как «множественности высказываний, принадлежащих одной формации», и «места возникновения понятий» М. Фуко, вполне оправданно не отвергая предыдущие, добавляет его трактовку как «предзаданного способа мышления», формирующего моральные рамки: степень важности того или

¹ См.: Апресян Р. Г. Сила и насилие слова // Человек. 1997. № 5; Фуко М. Археология знания. Киев, 1996; Seriot P. Analyse de discours politique Sovietique. P., 1985; Чернявская В. Я. Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого взаимодействия. М., 2006; Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2002. URL: <http://www.dslib.net/russkiy-jazyk/semiotica-politicheskogo-discursa.html>; Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997; Гронская Н. Э. Язык и политика: коммуникация, дискурс, манипулирование. Н. Новгород, 2005; Паули Ю. С. Язык политического дискурса как способ формирования политического интереса. URL: <http://www.teoriapragmatica.ru/8-2011/philology/pauli.pdf>; Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ / под ред. Т. Н. Митрохиной. М., 2014.

² Dictionnaire de l'Académie Française. 8 ed. P., 1935. В своей весьма содержательной статье о политическом дискурсе М. В. Ильин, раскрывая этимологию слова «дискурс», обращается к его латинским истокам: См.: Ильин М. В. Политический дискурс // Политология: лексикон. С. 542.

³ Фуко М. Археология знания. С. 29.

иного высказывания; методологические параметры, включающие в себя возможные идеи, символы и содержательные границы; при этом одни тексты и понятия включаются в рамочное пространство, другие — исключаются из него¹. «Дискурсивный анализ при этом рассматривается как средство социально-исторической и идеологической реконструкции «духа времени», проникновения в глубинную структуру текста, его смысл», перехода от анализа текста к анализу контекста².

Такая трактовка дискурса позволяет по-новому, более широко представить роль языка в политике. Он рассматривается как важнейшее средство коммуникации, задающее способ мышления в политике, входит в механизм влияния в силу неизбежной связи влияния с пониманием смысла.

А поскольку к тому времени и в лингвистике, и в философии достаточно определенно складывается методологическая позиция, предполагающая, что структура реальности служит отражением структуры языка, вполне оправданно делается вывод, что язык творит мир политики: он направляет действия людей, создает их видение проблем, формулирует задачи политического действия.

Отсюда вытекает идея формирования общего языка политической коммуникации для обеспечения единообразия понимания политического действия. От этого, например, зависит форма апелляции к его массовому участнику: в демагогии — это язык заведомого вранья и искажения смысла, в пропаганде — язык разъяснения позиции с целью обеспечения устойчивого влияния и поддержки.

Сущностные качества политического дискурса, его значимость для политики определяются, во-первых, его посреднической, коммуникативной ролью, способностью обеспечить взаимодействие таких разнородных явлений, как система и деятельность (Э. Бюиссанс), система и текст (Ю. С. Степанов)³, рациональное и иррациональное, сознательное и подсознательное. Дискурс — это то, что сопровождает политический процесс, он имеет длящийся характер, изменяется во времени. Во-вторых, дискурс — это символическая система, способная как наделять, так и лишать политику смысла, раскрывать и скрывать замыслы ее агентов. В-третьих, как всякая символическая, знаковая система дискурс объединяет и разделяет одновременно.

Структуры, обеспечивающие власть и влияние, предопределяют функции дискурса в политике: интеграция и дифференциация ее ос-

¹ См.: Чернявская В. Я. Указ. соч. С. 80.

² Там же. С. 69.

³ См.: Ильин М. В. Политический дискурс // Политология: лексикон. С. 538.

новных агентов, развитие конфликта и достижение консенсуса, осуществление вербальных политических действий и информирование о них, создание языковой реальности «поля политики» и ее интерпретация, манипуляция сознанием и контроль за действиями¹.

Язык здесь обладает выраженной практической функцией, служит инструментом влияния, т. е. аспектом власти. Общность языка коммуникации служит основой формирования единообразия понимания и действия в политике. А сущностное качество политического дискурса — обеспечение коммуникации для реализации власти — определяет и другие его характеристики:

— последовательная ориентация на обеспечение коммуникации со всеми участниками политического действия;

— доминанта общего интереса общих проблем в «дискурсивном

доминанта общего интереса, создавая проблем в «однокурсивном поле политики»; без их обсуждения массового участника в это «поле» вовлечь невозможно;

— принципиальная нерerefлексивность данного типа дискурса — он направлен вовне производящего его субъекта, отказывающегося от самоанализа, самооценки в пользу безусловного приоритета практического воплощения, выражающегося прежде всего во влиянии на массы;

— безусловное значение результативности инициируемого действия, направленность на обязательное получение желаемого результата, допускающая нарушение логики рассуждения (что, скажем, совершенно исключает дискурс научный);

— сильное влияние ценностной доминанты, включающей в себя и элемент субъективности, зависимости от внутреннего мира и настроения действующих в политике людей, и исторический опыт, его уроки, уже не связанные с субъективным восприятием. Ценности значительно корректируют формирование целей выстраиваемого действия и выбор адекватных средств; проблема адекватности задается именно ценностными параметрами дискурса в политике.

Приводя данные характеристики политического дискурса, нельзя не сослаться на их классификацию, приводимую в фундаментальном исследовании Е. И. Шейгал, хотя и излишне критичном, сосредоточивающем внимание на том, что отталкивает в политике. Автор относит к числу «системообразующих характеристик дискурса следующие:

- 1) преобладание массового адресата;
- 2) доминирующая роль фактора эмоциональности и значительный удельный вес фактического общения;

¹ См.: Шейгал Е. И. Указ. соч.

3) смысловая неопределенность, связанная с фантомностью ряда денотатов и фидеистичностью;

4) эзотеричность как результат использования манипулятивных стратегий, важнейшими из которых являются эвфемизация, намеренная уклончивость, намеки на ссылки и слухи;

5) опосредованность политической коммуникации фактом масс-медиа;

6) театральность, необходимость политика «работать на публику», привлекая ее своим имиджем;

7) динамичность языка политики...»¹.

Высоко оценивая проделанную лингвистами (Р. Водак, Н. Э. Гронская, Ю. С. Паули, Е. И. Шейгал, В. Я. Чернявская) работу по семиотическому анализу внутреннего механизма речевого воздействия в политике, хотелось бы отметить, что она не отменяет необходимости именно политологического анализа данного феномена. Некоторые шаги в этом направлении можно сделать. Выявление культурного контекста политического дискурса, движение исследовательского внимания от текста к контексту позволяет установить факторы, обуславливающие его значимость, границы трактовки, реакции окружающей среды. Открывается возможность выявления мыслительных структур, влияющих на политическое поведение как отдельной личности, так и масс. Политический дискурс — это фрагмент политической реальности, в том числе и такого ее элемента, как механизм властного воздействия. Но что в него входит и какую роль дискурс играет в этом механизме?

Типы политического дискурса. Итак, политический дискурс представляет собой сложное сочетание мышления, речи как его внешнего выражения и действия как практического воплощения (и каждый из этих элементов сам по себе многогранен). В нем существует множество аспектов, и выделение одного из них позволяет по-разному интерпретировать его в теории и воплощать в политике. Это объясняет наличие разных типов политического дискурса. Среди них можно выде-

лить следующие.

Рациональный дискурс. Он формируется прежде всего как результат обобщения исторического и политического опыта и воплощается в разнообразных моральных или философских суждениях о политике, которые к реальной политике вряд ли применимы и почитаются как некие максимы, о существовании которых надо знать. Политика считается здесь сферой реализации разумных потенций человека (его способности рассуждать, предвидеть, рассчитывать, целесообразно дейст-

¹ Шейгал Е. И. Указ. соч.

вовать и делать выводы из полученного опыта), хотя довольно рано укореняется понимание того, что природа человека отнюдь не совершенна, и «человек, который захотел бы во всем следовать лишь одному добру, неминуемо погиб бы среди стольких порочных людей»¹.

Рациональный тип политического дискурса содержит ряд устойчиво воспроизводящихся элементов:

- стремление к объективности, систематизированному объяснению событий², выявлению их причин, установлению их связи с другими явлениями;

- оценка политики как сферы с непоколебимыми основаниями (интересами, законами, условиями, потребностями, которые можно установить и использовать для успешной деятельности);

- согласованность всех компонентов политического действия; его участники способны понимать и учитывать интересы и позиции друг друга;

- существование объективных критериев оценки политического действия, его результативности;

- учет предшествующего исторического опыта.

В рамках такой логики мышления происходит формирование политической науки и политического образования, а политика рассматривается как профессия, которую можно изучить и освоить.

Наука как синтезатор и хранитель этого опыта служит основанием политической деятельности, к ней обращаются при ее инициировании и планировании. Примеров такого подхода довольно много. Достаточно красноречиво в этой связи занятие В. И. Лениным философией («Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «Государство и революция») накануне и в период революции 1917 г. Тогда этот интерес критично оценивался его соратниками, а один из них — историк М. Н. Покровский — писал: «Когда начался спор Ильича с Богдановым по поводу эмпириомонизма, мы руками разводили и решили, что просто за границей от безделья Ленин немножко повихнулся. Момент критический. Революция идет на убыль. Стоит вопрос о крутой перемене тактики, а в это время Ильич погрузился в Национальную библиотеку, сидит там целыми днями и в результате пишет книгу. Зубоскальства было без конца. В конце концов Ильич оказался прав»³.

¹ Макиавелли Н. Князь. М., 1910. С. 74.

² См.: Боришполец К. П. Методы политических исследований // Политология: лексикон. М., 2007. С. 240.

³ Покровский М. Н. Ленин как тип революционного вождя // Под знаменем марксизма. 1924. № 2. С. 68.

Конечно, такая характеристика несколько не вяжется с представлением о политическом авантюристе, устроившем «переворот» на германские деньги, чтобы отомстить за смерть старшего брата. Люди за откровенными авантюристами, как и за клоунами в политике, не идут. Это хорошо видно по современной политической сцене.

Иррациональный дискурс. Его версию предложил в 1932 г. Г. Лассуэлл в работе «Психопатология и политика». Политика предстает здесь как вид патопсихологии, сфера реализации скрытых влечений: «Не все, что влияет на политику, может быть выражено в документах или в топике вежливого разговора»¹. Здесь господствует стихия частного интереса, подминающая под себя служение общему благу, которое используется как прикрытие, оболочка тайных влечений и комплексов.

Данный подход, хотя и не содержит каких-либо устойчивых принципов, ориентаций или критериев оценки, влияет на формирование специфического типа политического дискурса. К нему можно отнести некоторую совокупность допущений:

— границы возможного в политике размыты, поэтому следует быть готовым к любым неожиданностям;

— предполагается наличие не поддающихся разумной интерпретации оснований политики, среди которых наибольшее внимание исследователей привлекают подсознательные влечения (В. Парето, Г. Лассуэлл), архетипы (К. Юнг), глубинные структуры мышления и действия (М. Фуко, П. Бурдьё);

— изучение и последовательное использование подсознательного открывает широкий спектр возможностей совершенствования манипулятивных техник, применяющих психологические по своей природе приемы внушения (скрытого влияния) и пропаганды.

Великий русский психиатр В. М. Бехтерев, изучавший построенные на внушении различные типы манипулятивных практик, неоднократно встречавшиеся в истории (массовые видения и галлюцинации, эпидемии самобичевания и самопогребения, личностная и массовая одержимость), выявил механизм возникновения такого рода явлений: в толпе ограничиваются произвольные движения; постепенно ослабевает внимание, исчезает концентрация на словах оратора; наступает период, когда открывается обширное поле для внушения, спокойная толпа становится толпой возбужденной (здесь добавляется еще и общее взаимовнушение)².

¹ Lasswell G. Psychopathology and Politics. Chicago, 1932. P. 13.

² См.: Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1903. С. 132—133.

Пропаганда как средство убеждения предполагает обращение к сфере сознания личности, и Бехтерев констатирует, что «всякий обращавшийся с народом... знает цену логических убеждений, которые, если и имеют успех, то лишь путем медленного усвоения их, тогда как внушения в форме уговора или приказа здесь всегда действуют быстро и верно, в случае конечно, если они не противоречат вкоренившимся убеждениям народа»¹. Бехтерев видит преимущество внушения в скорости воздействия, которое оказывается возможным благодаря утрате критического отношения к говорящему.

Впоследствии детальное воспроизведение этой техники манипулирования можно будет встретить не только у авторов, которые считали, что политика должна быть построена на мистических и мифологических изысканиях и символах, но и внутри многих полити-

ческих процессов, современниками которых мы, к сожалению, являемся.

Но когда этот элемент доминирует, возникают легко узнаваемые явления:

- вытеснение политического дискурса примитивным телевизионным или плакатным лубком, карнавалом;
- упор на коллективные аффекты: страх, вождение, восторг, поклонение;
- настойчивая и изощренная техника апелляции к подсознательным аспектам человеческой психики;
- откровенная ложь, диффамация, использование для внушения самых фантастических сведений и никогда не существовавших «исторических фактов»;
- южные оценки исторических фигур;
- использование «сильных аргументов»: слов с сугубо негативным или, наоборот, исключительно позитивным смыслом.

Реалистический дискурс. В нем четко выражена ориентация на логику интересов; считается, что именно она, а не следование критериям разумности, обоснованности и последовательности делает политику эффективной.

Поскольку интересов в политике очень много и они могут быть частными, общими, необходимыми, случайными, устойчивыми, неустойчивыми и т. д., постольку и типы реалистического дискурса различны, хотя и имеют некоторые общие черты:

- антидогматизм, который жестко не привязывает политика к той или иной схеме мышления и действия. Конечно, твердые последова-

¹ Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. С. 24.

тели той или иной идеи и создатели доктрины критикуют такого политика за отступничество. Но как далеко может зайти практик в эволюции собственных методологических принципов, чтобы не стать циничным политиканом, для которого никаких принципов вообще не существует? Границы определяются качеством политического реализма, дающего возможность учитывать уроки практического опыта, видеть противоречия интересов действующих в политике сил, достигать теоретически обоснованных и практически обеспеченных, материально подкрепленных целей;

- способность отстранения от моральных и религиозных соображений, которые, несомненно, играя большую роль в политике, перестают рассматриваться в качестве источников непосредственной политической мотивации, интеллектуального обоснования политических решений. Как писал родоначальник политического реализма Н. Макиавелли: «Расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру»¹;

- большая роль гносеологических процедур понимания, интуиции, целостного видения обстановки, в которой разворачивается политическое действие;

- чувство меры, границ в политике, знания сфер и проблем, куда не надо вторгаться политическими средствами;

- умение обеспечить правильное сочетание средств и целей в политике, оптимальную соотнесенность того и другого;

- последовательный отказ от провиденциализма, понимание ограниченности собственных возможностей и ресурсов, как интеллектуальных, так и материальных, стремление к использованию мнения советников и к приобретению союзников, взаимодействию с ними;

- умение «не замечать» и «пропавать».

Прагматический дискурс. Выходя за границы реалистического дискурса, политик становится прагматиком, его теоретические принципы всецело зависят от текущей ситуации и эволюционируют вместе с ней, т. е. перестают выполнять роль устойчивых методологических ориентиров деятельности, а цели, породившие то или иное движение в политике, просто забываются или меняются на противоположные. Налицо приоритет частного интереса, средств перед целями. «Приведение в соответствие» здесь связано с выхолащиванием

¹ Макиавелли Н. Государь. С. 88.

фундаментального мировоззренческого ядра, отказом от основных принципов.

Доминантой является «задача», от нее отталкиваются при определении целей и средств, целесообразность видится как взаимное согласование целей со средствами. Именно в рамках такого дискурса действуют политтехнологи — беспринципные «поденщики» политического мира. В этой сфере:

- теория превращается в пропаганду, становится средством оправдания текущей политики, ее основные постулаты легко меняются на противоположные;

- случается безболезненная смена целей политического действия;

- осуществляется активное манипулирование массами, которым даются пустые обещания, явно завышенные посулы;

- происходит смена политического лагеря и предпочтений (ведь «Париж стоит мессы»);

- активно используется арсенал политической демагогии: аргументы замещаются эмоциями, пробуждаются негативные инстинкты по отношению к оппонентам, акцентируются противоречия — и вот уже оппоненты становятся врагами, на них навешиваются ярлыки с применением негативной устрашающей или унижающей символики, и любые компромиссы оказываются невозможными;

- несмотря на обращение к самым примитивным мыслительным схемам, словам, образам и чувствам, прагматик непоколебимо верит в возможности сциентистских методов исследования политики и прогнозирования политической деятельности: перед принятием решения активно проводятся опросы, распространяются и собираются анкеты, строятся графики, пишутся подкрепленные количественно сценарии;

- все это легко отбрасывается при малейшей угрозе неудачи, и вступает в действие допускающая все «логика ситуации»;

- абсолютизируется роль политических технологий, господствует вера в их неограниченные возможности: их необходимо правильно выбрать и последовательно применять;

- подверженность влиянию технократических утопий, причем наиболее схематичных и простых.

Романтический дискурс. В нем доминируют общие интересы и ценности, большое значение придается их теоретическому обоснованию, которое может быть самым фантастическим, оторванным от реальности. Романтический дискурс имеет выраженные субъективистские корни, исходит из уверенности в возможности последовательной и

основательной переделки реальности согласно принятым принципам, проекту, «природе» человека. Для него характерны:

- убежденность в обладании подлинным знанием «природы» человека,

- нераздельность политики и морали, что ведет к моральной оценке политических реалий и политизации проблем, которые всегда решались моральными средствами;

- отказ от видения или поиска собственных законов политики;

- отношение к политике как к средству реализации философских, моральных, религиозных идей и принципов. Отсутствует понимание того, что между идеей (теорией, философией) и реальностью (в политике это в первую очередь государственные и правовые институты) лежит множество сопутствующих обстоятельств и факторов (интересы, психология, традиции, социальная структура, культура и т. д.), способных серьезно изменить ход и итоги реализации вроде бы ясной и очевидно приемлемой идеи;

- черно-белое мышление, оценка несогласных или сомневающихся как врагов и идеи, и всего того, что за ней стоит: человечества, бога, класса, революции, природы, науки и т. д.;

- решительность и последовательность действий, но до первой неудачи или препятствия, требующих смены тактики (а тактика и стратегия в этом случае неразличимы), за коими следуют такие вечные спутники политического романтизма, как уныние, расколы, отказ от действия, размежевание, а часто и переход на противоположные позиции в политике.

Сетевой дискурс. Его специфика заключается в том, что увеличение скорости и каналов политического общения выдвигает на первый план «сигнальную» форму передачи информации в виде сообщений, мнений, оценок, откликов и т. д. Возникает важный для преобразования политического дискурса эффект «снятия», когда контакт с разнообразной и разрозненной информацией создает ощущение целостного видения ситуации, складывается в «картинку», пригодную для ориентации и направления действия. «Прежний линейный способ восприятия мира, основанный на логической последовательности, аргументации и обосновании, уступает место целостному видению, когда даже мозаичное и нерегулярное чтение или просмотр TV быстро приобщает человека к происходящему»¹.

В сетевом политическом дискурсе стирается грань между реальностью и фикцией. Это ведет к тому, что множество политических явле-

¹ Коротникова Н. В. Интернет как средство производства сетевых коммуникаций в условиях виртуализации общества // Социс. 2007. № 2. С. 91.

ний, фигур, образов, событий возникают благодаря телевидению и Интернету и не покидают информационного поля, но по степени своего влияния на политические процессы намного превосходят реальные политические феномены.

Содержание политического дискурса трансформируется: его лексика активно насыщается новыми терминами и значениями, «время коротких сообщений» интенсивно меняет содержание и форму коммуникации и, что, наверное, самое главное, повод.

Нарастающее многообразие социальной жизни преобразует существующие проблемы таким образом, что возможность их решения через коллективные социальные действия (что всегда служило ядром политики) становится весьма проблематичной, изменяя саму ткань политической жизни. Из политического дискурса уходит способность

соотнесения общественных и личных проблем, «в наши дни людские беды, даже самые распространенные, но переживаемые людьми, самой судьбой обреченными на индивидуальность, вместе уже не сложишь. Они просто не суммируются в «общее дело»¹, не приобретают качество принадлежности к единой целостности. В условиях глобализации, виртуализации социально-политической реальности формируется, по сути дела, новое представление о целостности как конгломерате взаимодействующих, но жестко не связанных элементов, предполагающем широкий спектр возможностей для смены линий политического поведения и его мотивации.

Мировоззренческий стержень сетевого политического дискурса — своеобразная «логика превращений», замещающая более определенную и последовательную «логику обязательств» и исходящая из того, что:

- мир открыт для любых изменений;
- ты можешь двигаться (жить) в любом измерении;
- все вокруг постоянно меняет свои качества;
- приспособиться к этому миру вечных превращений — значит просто быть готовым ко всему;
- никаких привязок к определенному виду деятельности или мировоззрению просто не может быть.

Отражением такой логики служат вербальные (например, ритмичный речитатив — звуковой ряд для выражения сильных жизненных впечатлений, или мольба, заклинание, сходные с техникой камлания), музыкальные (прерывистые звуковые формы, господство ритма), имиджевые (предполагающие сочетание любых цветов и фигур)

¹ См.: Бауман З. Указ. соч. С. 60.

культурные формы. Однако это не отменяет присутствия и осязаемого влияния в сетевом политическом дискурсе представлений о наличии пределов — как ресурсных, так и ситуационных, предполагающих устойчивое понимание неприемлемости некоторых ситуаций, например экологического кризиса или ядерной войны.

Доминирующая тенденция становления такого политического дискурса — дополнение усиливающегося политического реализма новыми политическими приоритетами, среди которых равновесие, равноправие, выбор, стабильность, плюрализм и безопасность.

Виды дискурсивных практик. Понятие «дискурсивная практика» было введено Мишелем Фуко, стремившимся выразить сложность феномена «мыследействия»: зарождения мысли в глубинах сознания и человеческого опыта, вариативность ее перехода в поступок, трансформации в практике и ее же новое движение в виде опыта и его осмысления. Она представляет собой «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического и лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания». Она строится на принципе «всего никогда не сказать»¹.

Либерализм как дискурсивная практика служит интеллектуальным выражением индивидуализма — социального качества, исходящего из безусловного признания самоценности и самодостаточности человека, предполагающего возможность его прямого контакта и даже диалога с Богом. Всякого рода посреднические инстанции в этом процессе (церковь, государство, бюрократия) рассматриваются как нежелательные и затрудняющие процесс. Политика при таком видении места человека в мире становится полем реализации не только философских, религиозных, моральных и т. д., но и собственно политических идей. Так формируется весьма важное для последующего развития политической теории и практики представление, что человек в

политике руководствуется не только божественными заповедями и моральными обязанностями, но и специфическими интересами и предпочтениями, возникающими в сфере общения людей. Это представление имеет следствием (в качестве методологической базы для деятельности и рефлексии) политический номинализм, исходящий из приоритета индивидуального интереса, а не «самоотверженного служения» и идущий на риск индивидуального самоопределения и права свободно менять групповую принадлежность вместо жесткой

¹ Фуко М. Археология знания. С. 118, 119.

привязанности к общности¹. Именно человек привносит в мир упорядоченность и целесообразность. Государство рассматривается в качестве инструмента решения той задачи, которая раньше относилась к компетенции Бога.

В рамках этих методологических установок формируются основные принципы либерализма:

— индивидуализм, видящий основные задачи политики в создании таких общих правил поведения, которые были бы независимы от представлений людей о благе (имея в виду неизбежность их различий), и в учреждении таких общественных институтов, которые давали бы индивиду максимум возможностей для реализации его планов;

— приоритет прав человека как неотделимых от него возможностей реализации его сущностных качеств, ограничивающих поле государственной ответственности и государственного вмешательства в общественную жизнь;

— признание в качестве фундаментального для определения конкретного облика политических образований и важнейшего для человека (вернее, для политической системы, в которой он находится) права собственности как основы индивидуальности и свободы, отражающего способность индивида без ограничений распоряжаться тем, что ему принадлежит;

— четкое разделение социальной и политической сфер общественной жизни, обоснование идеи гражданского общества как способности различных общественных объединений существовать и развиваться относительно независимо от государственной власти. Идея гражданского общества, используемая в качестве методологического принципа, позволяет определить пределы политики, рассматривать государство лишь как надстройку над огромным количеством социальных связей, интересов и организаций, способных существовать самостоятельно, без обязательного политического доминирования и контроля;

— оценка права как основного регулятора общественных отношений, исходящая из теории И. Канта, считавшего, что закон должен быть общим, независимым правилом, ориентированным не на благосостояние (ведь представления о нем у людей могут быть самыми различными), а только на обеспечение свободы реализации индивидуальных целей²;

¹ См.: *Философия власти* / под ред. В. В. Ильина. М., 1993. С. 232.

² См.: *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. С. 233.

— признание только двух типов равенства людей — равенства их возможностей и равенства перед законом;

— утверждение договорной природы государства и необходимости ограничения его власти, признание роли государства в системе регуляции общественных отношений только как посредника;

— придание огромного значения системе разделения властей, означающей, что ни одна из действующих в государстве властей не может использоваться другой властью как средство;

— убеждение в том, что последовательное соблюдение всех этих принципов возможно только в условиях правового государства, которое рассматривается в качестве оптимального средства защиты и обеспечения активности человека; оно признает, что каждый человек с момента своего рождения обладает рядом неотъемлемых от его существования прав и свобод, а основная задача государственной деятельности заключается в их обеспечении, охране;

— рассмотрение в качестве источника права не государства, а личности, в соответствии с правами и свободами которой и должна выстраиваться правовая система;

— отношение к закону как к важнейшему инструменту государственной политики, максимально нейтральному по отношению к действующим в обществе интересам и представлениям об общем благе. Смысл этой нейтральности и независимости видится именно в признании прав человека в качестве неотъемлемых и ненарушаемых. Отказ от такого признания оборачивается превращением закона и государства в средства навязывания определенной воли, всегда ограниченной теми или иными частными интересами и предпочтениями, несопоставимыми с общей сущностью человека.

Консервативный дискурс своими корнями уходит во вполне здравые, возникшие еще в древности представления о значимости для общества традиций, постепенности перемен и сохранения уже достигнутого. В противоположность либерализму консерватизм исходит из представления об органической природе общества и мироздания, видения мира как сложного устройства, формирующегося постепенно и помимо воли человека. Естественным следствием такого представления становится последовательное отрицание договорной природы общества и государства.

Принципиально важным для политической практики консерватизма является представление о несовершенстве, незавершенности, ущербности человека и его разума. Отсюда делаются основополагающие выводы о неустранимой ограниченности его возможностей, преодолеваемой только в отдаленной перспективе за счет совместных

усилий всего человечества («индивид глуп, а род мудр»), и необходимости воздержания от радикальных социальных и политических преобразований. Среди традиционно приводимых на этот счет аргументов выделяют следующие:

— несовершенный человек не может создать совершенное общество;

— непреодолимо низкая эффективность всех известных методов управления, использующих политические, государственные формы регуляции отношений между людьми, по сравнению с такими традиционными формами, как мораль и религия;

— опасность демократических форм правления, в рамках которых создаются условия для широкого воздействия большого количества людей на общественные дела;

далеко не совершенных людей на ход общественных дел,

— при демократии неизбежно усиление роли государства в общественной жизни, ей свойственны политизация и бюрократизм — увеличение количества всякого рода чиновников и управленческих инстанций, которым властвующий, но объективно неспособный (хотя бы в силу недостатка времени и знаний) осуществлять непосредственное управление народ передает свои полномочия;

— поскольку социальное неравенство коренится в самой природе человека и способствует социальной мобильности, для обеспечения нормального хода общественных дел важно сохранять и поддерживать социальную дифференциацию;

— в силу этих причин пределы государственного вмешательства, сфера политической деятельности должны быть ограничены приоритетами сохранения достигнутого, обеспечения преемственности в развитии, невмешательства в частную жизнь граждан, максимальной поддержки гражданского общества, как раз настроенного на саморегуляцию.

Фундаментальные интенции консерватизма то обостряются, то затухают в определенные моменты истории, но как тип дискурсивной практики он в той или иной мере присутствует в политике всегда. Ведь в любом обществе существуют социальные слои (их состав, кстати, может изменяться), заинтересованные в сохранении status quo больше, чем в борьбе за грядущее счастье. Люди, в силу тех иных причин убежденные в опасности резких перемен, активно используют аргументы консерватизма для защиты и продвижения своей политической позиции.

К консервативной риторике и практике все чаще прибегают представители политической элиты и бюрократии в России. У замещения

модернизационного политического дискурса консервативным есть свои основания и предпосылки.

1. Как правило, обращение к консервативному образу мысли и действия и в прошлом, и в настоящем наступает как следствие разочарования в результатах того или иного модернизационного проекта. В России второй половины XIX в. таким результатом, сопутствовавшим «великим реформам», инициированным Александром II, был всплеск революционного терроризма, унесшего в том числе и жизнь царя-реформатора. Веком позже в США реализация программы «великого общества» (одновременно с войной во Вьетнаме) обернулась разочарованием и бунтами молодежи, протестами цветного населения; в сегодняшней России такими предпосылками стали неожиданные и разрушительные для большинства населения последствия реформ, проходивших под либеральными лозунгами.

2. Катастрофические для современного мирового порядка последствия реализации либерального проекта США, «установление демократии» при активном иностранном вмешательстве в таких странах, как Ливия, Ирак, Египет, Сирия, Афганистан, а теперь уже и Украина, обернулись разгулом фундаментализма и национализма, хаотизацией международных отношений, выходом на мировую арену репильных политических сил.

3. «Консервативный ренессанс» в России находит отклик у населения и подпитывается его усталостью от длящейся уже четверть века череды перемен, причем для большинства весьма неблагоприятных (достаточно напомнить, что за это время мы пережили не менее четырех экономических кризисов: 1991—1993 гг. (кстати, вся вторая половина 80-х гг. — это тоже отнюдь не эпоха благоденствия), дефолт 1998 г., экономический кризис 2008—2009 гг., кризис конца 2014 г.). К этому следует добавить нарастание нестабильности как все более выраженной черты нашего социального и экономического состояния. В подобной ситуации желание сохранить, удержать то, что есть,

вполне понятно и обоснованно, как и недоверие к политическому и идеологическому кликушеству.

Нетрудно увидеть, что российские неоконсерваторы (современный российский консерватизм представляет собой синтез традиционных консервативных принципов с некоторыми либеральными и социалистическими идеями и является, собственно говоря, неоконсерватизмом) стремятся реализовать его постулаты. Во-первых, они предлагают при укреплении государственного механизма, особенно его силового блока, по возможности ограничить масштабы государственного регулирования экономики (хотя при неразвитости гражданского об-

щества это вряд ли возможно). Во-вторых, инициируют пробуждение дремлющих в народе «витальных сил»: сохранившихся традиций, экономических интересов, хозяйственной инициативы, чувства самосохранения. В-третьих, призывают ограничить зависимость от неконтролируемых и разрушительных сил, угроза и многообразие которых (а следовательно, ценность безопасности) значительно возрастают.

Однако понимание побудительных оснований российского «консервативного ренессанса» не делает эти идеи более привлекательными для масс, с достаточной долей недоверия к ним относящихся. Поскольку современная консервативная риторика исходит от людей, весьма преуспевших в ходе либеральных реформ, она воспринимается как демагогия, направленная на сдерживание действительно необходимых преобразований, способных обеспечить:

- реальный экономический рост (без него все «хорошие проекты» просто зачахнут);
- создание постиндустриальной технологической базы;
- установление более справедливой и приемлемой для большинства системы распределения национального богатства;
- позитивные изменения в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении, доступности нормальных жилищных условий;
- эффективную защиту от бюрократического безразличия, преступности и коррупции.

Именно такой взвешенный подход к трактовке «консервативного ренессанса» демонстрирует Президент Российской Федерации: «Это совсем не значит, что консерватизм — это какая-то самоизоляция и нежелание развиваться. Здоровый консерватизм предполагает использование всего лучшего, нового, перспективного для обеспечения поступательного развития. Вместе с тем, прежде чем ломать что-то, на чем достигнут сегодняшний уровень развития, нужно понять, как работают новые механизмы. Это чрезвычайно важная вещь. И поэтому для того, чтобы общество существовало, нужно поддерживать элементарные вещи, которые человечеством выработаны в течение столетий: это бережное отношение к материнству и детству, это бережное отношение к собственной истории, бережное отношение к нашим традициям и традиционным религиям»¹.

Либеральный и консервативный типы политического дискурса противоречат и дополняют друг друга по линии соотношения абстрактного и конкретного.

¹ Путин В. В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 года // Российская газета. 2014. 27 окт.

Для либерала приоритет индивида, его интересов и свобод безусловен, непререкаем и применим в любых обстоятельствах. Именно исходя из него, оцениваются все другие ситуации, под него подгоняются все решения, отвергается как неприемлемое все, что ему не соответствует. Известны как стойкость, так и оторванность либералов от всегда конкретных, меняющихся условий, в конечном итоге предопределяющих их поражение (когда обстоятельства меняются), за которым следует возрождение, когда они меняются вновь, и приоритет личной свободы, инициативы и активности оказывается вновь востребован.

Консервативный дискурс исходит из логики конкретности, учета специфики тех естественно-исторических обстоятельств, в которых приходится действовать и которые неумолимо требуют своего учета, вносят коррективы в избранный курс, изменяют цели и средства, им не соответствующие, «подгоняя их под себя». Преимущество отдается сохранению имеющегося в изменяющихся обстоятельствах, а не движению вопреки всему.

Возникает приоритет традиции как механизма учета конкретного опыта. Следование традиции делает политику органичной, позволяет консерватору отличить необходимое, устойчивое от случайного и преходящего. Традиция обнаруживает себя в разных формах, но прежде всего в виде констант политики, устойчивых характеристик поведения, проявляющих себя в разные времена и в разных исторических обстоятельствах. Не будучи жестко локализованы, традиции существуют везде: в политическом сознании, процедуре, целях, средствах, стереотипах политического поведения. Они возникают и исчезают, практически не испытывая влияния политической системы, часто существуют автономно, по собственным законам, зависят не столько от политической реальности, сколько от влияния культуры, психологии, быта, географической среды.

Сторонники *социалистического дискурса* всегда подчеркивают, что его исходными предпосылками является естественное стремление людей к воплощению в жизнь идеалов справедливости и равенства. Но его настоящее своеобразие заключается не в самой по себе приверженности данным ценностям, а в представлениях о наиболее целесообразных путях, способах их достижения. Среди них — множество радикальных социальных преобразований, выбор которых хотя и зависит от времени и места, но, как правило, включает такие меры, как уничтожение частной собственности, разрушение семейных отношений, установление имущественного равенства, ликвидация социальных различий, постепенный отказ от государственных форм регуля-

ции и т. д. В литературе отмечается, что устойчивыми компонентами данного типа политического дискурса служат также миф о золотом веке, обличение современности, пророчество о новом обществе¹.

Гносеологическая основа социалистических дискурсивных практик — вера в совершенство, объективную целесообразность и конечную разумность миропорядка. Именно здесь берут начало многие сущностные компоненты социалистической идеологии.

Во-первых, это представление о совершенстве сущности человека как высшего существа и вершины творения в этом мире и несовершенстве практически всех реальных форм его существования; смысл этого представления достаточно полно выражен в Марксовом учении об отчуждении человека.

Во-вторых, логично вытекающее из первой посылки утверждение

о необходимости приведения форм существования человека в соответствие с его сущностью путем социалистической революции.

В-третьих, острая критика, неприятие наличной социальной реальности как противоречащей идеалу и формирование образа желаемого будущего общества как ее отрицания, антипода, лишённого тех качеств, которые кажутся нежелательными, противоречащими человеческой сущности.

Представление о желаемом будущем формируется на основе отрицания основных (рассматриваемых в этом случае как наиболее неприемлемые) черт любого реального состояния общественных отношений. Например:

— социальное неравенство, существующее и проявляющееся в самых разнообразных формах — от экономических до интеллектуальных, а также в неодинаковости потенциалов, заменяется равенством во всем, вплоть до внешнего сходства и одинаковости предметов личной гигиены;

— скудость замещается грядущим и полным изобилием; при этом неизбежность определенных ресурсных ограничений просто исключается из внимания как крайне незначительное обстоятельство, которое можно даже не рассматривать;

— классовая борьба доходит до своего апогея и прекращается (скачкообразно) из-за отсутствия самих классов;

— на смену войне приходит вечный мир;

— деление на классы, нации, профессии, даже расы постепенно сходит на нет в будущем обществе, не признающем социальных раз-

¹ См.: Мэмфорд Л. Миф машины // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 81; Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории // Шафаревич И. Р. Есть ли будущее у России? М., 1991. С. 175.

личий. Равенство мужчин и женщин (в допустимых и потребных для общества пределах, например в трудовой деятельности) наступает еще раньше.

Считается, что источником разнообразных форм отчуждения человека (экономического, политического, социального, психологического) служит феномен социального посредничества, именно его порождениями являются эксплуатация, паразитизм, неравенство и их последствия. Смысл социалистической революции и преодоления отчуждения видится в ликвидации посредников-паразитов, в переходе к прямому обмену различными формами деятельности и ее продуктами.

В 1917—1918 гг. в России и была предпринята попытка реализации этой задачи в виде таких радикальных и соответствующих духу и букве марксизма преобразований, как национализация банковской системы и крупных предприятий, передача власти Советам как органам непосредственной демократии трудящихся, введение продразверстки, замена старого чиновничьего аппарата выдвиженцами из рабочей, крестьянской и солдатской масс, использование прямого продуктообмена вместо торговли и т. д. Чем все это обернулось, известно: голод, паралич практически всей хозяйственной системы, крестьянские мятежи в ответ на продразверстку и продотряды, лихование новых чиновников, да такое, что вождь революции требует их «вешать как бешеных собак». С 1921 г. реализуется комплекс мер, нацеленных хоть на какое-то оживление экономической жизни, укрепление профессиональных начал в государственном строительстве, огромную роль в нем играют разнообразные контрольные и репрессивные органы. Вопреки первоначальным социалистическим доктринам формируется общество государственного социализма, где основным посредником экономических, политических, социальных отношений, главным нервом общественной жизни становится госу-

дарство. происходит гигантский рост государственного аппарата и масштабов его вмешательства в общественную жизнь. Именно государство становится основным механизмом реализации практически всех функций социального организма. То есть сам по себе феномен социального посредничества оказывается не преодоленным, а, наоборот, донельзя разросшимся, что в конечном счете оборачивается кризисными явлениями и вызывает распад данного типа общества. Ограничение инициативы производителя неизбежно оборачивается низкой производительностью труда, неспособностью учесть и удовлетворить многочисленные потребности людей.

Существует ряд причин, непреодолимо двигающих социалистические дискурсивные практики к их первоначальным утопическим истокам. Среди них следует отметить:

— идеализацию и упрощение сущности человека: коммунистический идеал «гармонической личности», к тому же обладающей «разумными потребностями» и прочими социальными добродетелями, — достаточно красноречивое тому свидетельство;

— непреодолимую веру в возможность создания общества управляемой, гармонизированной целостности, общества-фабрики, реализующего мечту А. Сен-Симона о социализме как «индустриальном обществе трудящихся, где власть над людьми уступает место управлению вещами»;

— стремление к реализации этических идеалов, отношение к ним не как к ценностям, ориентирующим поведение людей, направляющим их действия, служащим критерием отношения к достигнутым результатам, но как к непосредственным целям деятельности, достижимым уже в текущей жизни, в данных исторических обстоятельствах.

Но существуют ли для реализации подобных целей-ценностей (например, свободы или справедливости) соответствующие, адекватные им средства? Таких операциональных средств попросту нет, и данные идеалы воплощаются в ходе поступательного развития, исторического движения, но не в результате специальных и неизбежно ограниченных действий по «установлению справедливых социальных порядков» или по «учреждению человеческой свободы». Неизбежным при таких устремлениях средством учреждения желаемого в действительности становится насилие. Именно оно оказывается главной социалистической дискурсивной практикой, иллюзорным компенсатором невозможности существования средств, необходимых для реализации грандиозных целей, и активно используется при реализации социалистических проектов по «подтягиванию» земли до неба.

Нетрудно заметить, что рассмотренные выше типы политического дискурса имеют различные временные векторы: консерватизм стремится к сохранению прошлого, либерализм ориентирован на действие и совершенствование настоящего, социализм — на построение будущего. Но можно ли создать будущее с помощью реализации умозрительных проектов или сохранить прошлое усилиями по его консервации? Как и всякая социальная реальность, будущее конструируется в ходе разнообразных каждодневных усилий людей во всех точках социального и географического пространства, руководствующихся самы-

ми разными, как весьма долговременными и продуманными, так и сиюминутными и обыденными целями.

Анархизм характеризуется колоссальным разбросом политических темпераментов его адептов, которые могут выбрать как радикальные, так и умеренные средства, как вооруженные, так и мирные пути достижения целей, акцент может делаться на действие или пропаганду, а то и на медитацию или духовную активность.

Но существуют некоторые устойчивые, системообразующие элементы анархистского политического дискурса, свойственные всем его формам. Наиболее фундаментальный среди них — преувеличенное представление об абсолютной самодостаточности, самооценности отдельного человека; оно определяет умонастроение и характер действий многих видных представителей анархистской политической мысли. В рамках этого представления именно человек — исходная инстанция, доминанта политического действия, его направленности и успеха. В индивидуализме — истоки анархических политических практик. Культ эгоистического бунтарства предопределяет эволюцию этого политического движения и в значительной степени очерчивает контуры индивидуальных биографий его последователей, подчиняющихся железной логике судьбы бунтующего одиночки. Только этих одиночек в силу исторических или социальных обстоятельств может быть очень много: «Единственный изначально свободен, так как он ничего не признает, кроме себя, ему не нужно сначала освободить себя, так как с самого начала он отвергает все за исключением себя, так как он выше всего ценит, выше всего ставит себя, короче, — так как он исходит от себя и к себе приходит»¹.

Такое мировосприятие и видение своего места в мире однозначно предопределяют отношение к главному регулятору социальных отношений — государству как к абсолютному злу, источнику всех неурядиц и ограничений. С его ликвидацией анархисты связывают возможность построения нового, безгосударственного общества; при этом их представления о конкретном социально-политическом и экономическом облике такого общества весьма противоречивы и практически полностью зависят от политического темперамента и ориентации каждого анархиста.

Естественное следствие такой позиции — постоянно демонстрируемое анархистами негативное отношение к политическим средствам борьбы. Они отвергают все формы представительства, организованного действия и выражения общей воли, из которых, собственно,

¹ Штирнер М. Единственный и его собственность. Ч. 2. СПб., 1909. С. 14.

и формируется ткань политических отношений: движения, программы, партии, средства массовой информации и системы подготовки, обучения кадров, органы власти и организованные формы противостояния ей. Все это замещается пропагандой и тактикой прямого действия, где нет специализации управленческих функций и закрепления за их осуществлением устойчивых групп участников социальных действий, ибо «никто не может представлять никого»¹. Приемлемыми способами социальной борьбы считаются такие, где существует минимальное распределение социальных ролей, неограниченная возможность их смены, отсутствует жесткая фиксация обязанностей и обязательств, где человек не привязан ни к организации, ни к функции: это митинги, демонстрации, восстания, акции неповиновения, а в конце концов и террор — пропаганда смертью.

Устойчивый элемент анархического политического дискурса — негативное отношение к такому атрибуту политики, как целенаправленность, рациональная форма обоснования деятельности. Предпочтение здесь отдается иррациональным формам, ведь «когда господствует разум, гибнет личность»², а «решение действовать принимается не на базе рационального объяснения, а импульсивно»³. Под влиянием такой методологической установки теряется важнейшее качество политики — реализм, выражающийся в способности действовать с учетом сложившихся обстоятельств, а не вопреки им. Наоборот, здесь культ независимости от наличных условий возводится в ранг основного принципа политического поведения, рассматривается в качестве некоей политической и моральной добродетели.

Волюнтаризм и индетерминизм серьезно подрывают возможности адептов данного политического движения реализовать поставленные цели, которые к тому же могут быть самыми фантастичными и никак не коррелировать с наличными обстоятельствами. Их следствием становятся внутренняя раздробленность деятельности, стремление сразу решить массу противоречивых, но второстепенных задач. Практически всегда в результате участия анархистов в реальной политике происходит существенная дезорганизация тех политических движений и процессов, где их влияние оказывается более или менее ощутимым, а присутствие значительным. Оно оборачивается потерей многих необходимых качеств политической деятельности: реализма и стойкости по отношению к разного рода политическим неурядицам, способности

¹ Cohn-Bendit D. et G. Le gauchisme, remède a la maladie sénile du communisme. P., 1968. P. 268.

² Штурмер М. Единственный и его собственность. Ч. 1. СПб., 1907. С. 312.

³ Horowitz I. L. Op. cit. P. 20.

своевременно реагировать на новые обстоятельства, принимать верные, соответствующие требованиям ситуации решения и обеспечивать их последовательную реализацию. Это приводит к тому, что политическое движение практически никогда не может оказать сколько-нибудь значительного, меняющего ход событий и долговременного влияния.

Отсутствие в анархическом дискурсе реалистичных представлений о средствах социальных преобразований, игнорирование обоснованных программ, указывающих на пути достижения реальных целей, пренебрежение к организации определяют неэффективность анархизма как политического движения, невозможность создания долговременных социальных структур на основе исповедуемых им принципов.

Национализм. Очевидна огромная роль наций, национальных проблем в политических отношениях. Ведь именно нации и их становление есть главное условие формирования устойчивых государств, и, наоборот, опыт истории свидетельствует, что государственные образования, складывающиеся на основе донациональных или сверхнациональных общностей, как правило, распадаются. Достижение или сохранение национального суверенитета служит важнейшей целью политической деятельности, а национальная идентификация, по сути дела, предшествует всякой иной в политике, ведь «этничность — это наиболее доступная и понимаемая гражданами основа для массовой мобилизации и коллективного действия»¹. Подавление национальных интересов оборачивается непрекращающимися протестами. Их можно избежать только в случае отказа от политики подавления носителя национальных интересов или его уничтожения.

Абсолютизация национального вопроса, превращение его в основную доминанту политики приводят к таким уродливым политическим явлениям, как национальный экстремизм, шовинизм, фашизм, ксенофобия.

За многообразием форм националистических политических ори-

За многообразием форм националистических политических ориентаций проступают устойчивые, практически не меняющиеся со временем стереотипы националистического политического дискурса, среди которых:

— идея превосходства своей нации над другими в силу наличия тех или иных преимуществ, в качестве которых могут фигурировать и «избранный народ», и «чистота расы», и «историческая миссия», и т. д.;

¹ Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология: Политические функции этничности. М., 2011. С. 62.

— миф о «золотом веке» этой нации, который представляется как состояние намного лучшее, чем нынешнее, причем достоверные описания этого времени могут быть самыми фантастичными;

— миф об особом историческом предназначении именно данной нации, которое может заключаться в «богоизбранности», мессианстве;

— идея «пограничной миссии» избранной нации, которую она выполняет, налаживая контакты «между Востоком и Западом», «Севером и Югом», «двумя мирами», «Богом и Землей»;

— врагом такой нации, препятствующим исполнению возложенной на нее миссии, обязательно является какая-то «темная сила». В качестве такой силы могут называться самые разные этнические и социальные группы и организации, например масоны, евреи, негры, белые, «москалы», «недочеловеки», «неверные» и т. д.;

— оценка нынешнего состояния нации как критического, как поворотного момента для начала перемен в специфических терминах: «смертный час», «безвыходное положение», падение, вымирание, отставание и т. д.;

— проповедь идейной чистоты уникальной нации, констатация ее безусловной ценности и наличия угрозы со стороны неверных, нечистых, пришельцев, иноверцев;

— радикальность предлагаемых средств для решения национальных проблем: выселение, подавление, завоевание, уничтожение;

— очень слабое представление о характере будущих событий (главное — устранить препятствие или угрозу, а дальше все пойдет на лад), что открывает широкие возможности победившему вождю, партии, движению действовать по своему усмотрению.

Благодаря возможности влиять на огромные массы людей (в значительной степени в силу простоты и доходчивости доводов) национализм серьезно искажает политические процессы, направляет энергию людей на достижение целей, реально не связанных ни с благополучием, ни с процветанием, ни с выживанием нации. Наоборот, поддавшиеся этим заблуждениям народы очень быстро теряют благополучие, забывают о процветании, оказываются на грани вымирания.

О структуре политического дискурса. Сравнение разных типов политического дискурса, как и выявление основных функций этого феномена в политической практике (побуждение, ориентация, описание, руководство, коммуникация, оценка), позволяет выявить некоторые компоненты, постоянно присутствующие в разных его модификациях, т. е. очертить структуру.

В нее, на наш взгляд, входят следующие элементы:

— ценности, устанавливающие основные жизненные приоритеты в конкретной сфере социальной жизни и выражающие отношение субъекта политического действия к ним;

— оценки как важнейший механизм, который запускает действие, выявляет несоответствие ситуации потребностям, формируется на основе взаимодополнения субъективной и объективной сторон действия, отношения и познания;

— характеристика (или обличение) противника («врага», по К. Шмитту), который препятствует реализации необходимых ценностей или проведению назревших преобразований, и союзника («друга»), на которого можно рассчитывать в этом деле;

— задачи, конкретизирующие ценности и оценки применительно к наличным условиям и интересам действующего субъекта;

— цели, благодаря которым из всего многообразия возможных будущих состояний и желаемых приобретений выбираются наиболее значимые и необходимые, соответствующие насущным потребностям;

— описание средств, моделей оптимального действия, обеспечивающих полноту реализации целей и по возможности уменьшающих затраты ресурсов, необходимых для их достижения.

Удивительным образом структура политического дискурса совпадает со структурой боевого приказа, который содержит характеристики обстановки, противника, соседа по взаимодействию, оценку ситуации, ставит задачи подразделениям и указывает направления для достижения возможного успеха. Конечно, можно еще раз упомянуть прозорливость К. Шмитта, увидевшего сущность политики в размежевании и взаимодействии по линии «друг» — «враг», а можно предположить, что так, видимо, выстраивается структура любого целесообразного, т. е. направляемого разумом, размышлением действия, что и называется дискурсом.

Глава 11

КОММУНИКАЦИЯ И ПОНИМАНИЕ В ПОЛИТИКЕ

Политика — коммуникативная среда. Она вырастает из общения, т. е. из разнообразных более или менее осмысленных взаимодействий между людьми, наполненных образами, индивидуальными восприятиями, интерпретациями, текстами, речами и настроениями. Традиционно политическая мысль изучала общение с точки зрения реали-

зации по его каналам властных функций — разнообразных способов влияния на поведение больших масс людей. Вектор исследовательского внимания был направлен от субъекта воздействия к объекту, а само оно сосредоточено на «послании» от одного к другому, его содержании, наиболее эффективной форме подачи. Смысл классических трудов по теории пропаганды видится именно в этом, а сама она понимается как организация направленного движения информации от субъекта к объекту, поэтому считалось, что «политический язык — это язык без коммуникации, без обратной связи...»¹.

Формирование современных представлений о политической коммуникации в значительной степени происходило на основе идей и принципов кибернетики и теории коммуникации, в рамках которых коммуникация понимается прежде всего как взаимодействие, взаимонаправленная связь. Объект при таком подходе наделяется высокой степенью активности.

Специфика политической коммуникации видится в динамичной роли ее получателя, наличии обратной связи, производстве «вторичной информации (в виде образов, интерпретирующих первичные сообщения), формируемой реципиентом в ответ на получаемые сигналы и свидетельствующей о восприятии первичной информации»².

Внимание исследователей во все большей мере привлекают проблемы, связанные с изучением содержания, каналов передачи информации, разных форм ее преобразования для эффективной доставки, поскольку растет понимание роли средств передачи информации, обладающих значительным потенциалом ее преобразования и воздействия на протекающие с их участием политические процессы.

¹ Gourévitch J.-P. La politique et ses images. P., 1986. P. 56.

² Соловьев А. И. Политическая коммуникация // Политология: лексикон. С. 467.

Эффект политической коммуникации имеет внешние параметры и измеряется степенью произведенного ею воздействия на политическое поведение, его устойчивостью, направлением активности объекта воздействия. Но у него есть и внутренние параметры, по которым можно судить о процессах, происходящих в сознании того, кто воспринимает информацию. В центре исследовательского внимания оказывается процесс преобразования информации, которая в политической коммуникации приобретает символическую форму.

Политика и символизация. Символ понимается как «матрица — универсальная конструкция, задающая основные смыслозначимые образы для поддержания базовых политических коммуникаций элитарных и неэлитарных кругов»¹. Эффективность символа как средства трансляции идеологии от элиты к массовому участнику определяется рядом его особенностей. Он легко коррелирует с другими, уже сформировавшимися и знакомыми образами, понятиями, придает абстрактной идее форму конкретности и наглядности. Образ благодаря своей наглядности «открывает» окно восприятия, ложится на соответствующий настрой психики или, наоборот, отвергается ею, наталкиваясь на реакцию отторжения, когда содержащаяся в нем информация явно противоречит опыту, действительному состоянию вещей.

При этом возникает вопрос: почему символ, который в политике и пропаганде функционирует в виде систематизированных представлений (доктрины, учения, концепции) и различного рода верований, традиций, стереотипов², играет в политической коммуникации столь значимую роль? Ответ мы находим в понимании сущности символа, его представительской функции. Как писал П. А. Флоренский, сравнивая символ и знак, «символ есть бытие, которое больше самого себя, знак есть бытие, которое меньше самого себя»³. Действительно, и то и другое — это образы; в политике и пропаганде к ним прибегают из-за простоты и наглядности, позволяющих непосредственно воздействовать на психику и способствующих бессознательному воспри-

ятию. Символ по сравнению со знаком несет, можно сказать, «добавленную стоимость», т. е. смыслы, которые придают ему комментатор (именно он кодирует информацию, создает ее символическую форму) и реципиент (в соответствии со своим образованием и опытом производящий ее раскодирование, наделяя ее жизненно важными для себя смыслами). Кодировка информации, совершающаяся благодаря сим-

¹ Соловьев А. И. Политическая идеология // Политология: лексикон. С. 347.

² Там же. С. 349.

³ Цит. по: Фриуф В. А. Язык. Личность. Постмодерн // Смысл жизни личности в эпоху посткнижной культуры. Саратов, 2003. С. 163.

волу, заключается в таком ее преобразовании, которое облегчает как ее передачу и доступ к ней для людей посвященных, владеющих технологией толкования символа, так и ее сокрытие от непосвященных, не введенных «в курс дела».

Раскодирование сообщения происходит в сознании субъекта в соответствии с ранее сложившимися представлениями. Становясь символом, знак наращивает свое содержание, переходит в новый, более сложный код, увеличивает передаваемые им смыслы. Символ апеллирует к личному опыту и сознанию человека, если он принимается, то настраивает на диалог, взаимодействие с коммуникатором. Эмоционально окрашиваясь, он формирует эмоциональный тонус личного отношения к идее. Знак учитывают, во власть символа отдаются, если, конечно, он одобряется.

Как средство стало сообщением. Признание огромного и разностороннего воздействия информации на политику — аксиома современной политологии. Утверждение такой позиции было связано с осмыслением политических последствий перехода от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу. Его заметной вехой стала книга канадского социолога М. Маклюэна «Понимание Медиа: Внешние расширения человека». Ключевой тезис этой работы — «medium is the message» («средство есть сообщение»), из которого, собственно, и разворачивалось ее содержание: описание превращения средств передачи и доставки информации в самостоятельный и влиятельный фактор политики, «демиург ее событийного ряда». Книга М. Маклюэна была издана в 1964 г., на заре постиндустриальной эры, когда еще не существовало наиболее значимых для современной политики факторов ее преобразования в виде социальных и информационных сетей, Интернета и мобильной связи. Но ее автору удалось, проследивая тенденции развития средств массовой коммуникации, выявить последствия и противоречия, ставшие ощутимо значимыми уже в наше время.

По мнению М. Маклюэна, новые средства массовой коммуникации (СМК) меняют культурные основания современных обществ, определяя их движение от слова к образу, а цивилизация, сложившаяся благодаря печатному слову, приходит в столкновение с образной системой современных СМК¹.

Такое преобразование вызывает значимые политические последствия. У информации появляются собственный носитель и собственная скорость движения, несопоставимая с прежними средствами

¹ См.: McLuhan M. Op. cit. P. 82.

«доставки». Происходит сжатие пространства и времени, которое сокращает мир «до размеров деревни». Небольшая скорость передачи информации диктует потребность в делегировании и представительстве, из которых вырастают атрибутивные качества политики. Современные СМК, практически мгновенно передавая информацию, существенно меняют функцию представительства, создают возможность непосредственного участия граждан в принятии решений.

Если линейное структурирование письменности задает централизм организации, то радио, телевидение освобождают от этой центристской сети, обеспечивая взаимосвязь и возможность непосредственного участия каждого в событии.

Главным системообразующим конструктом в нормативно-символической среде становится имидж. Именно он выступает средством, индивидуализирующим восприятие людьми политических проектов¹. Специфика имиджа заключается в том, что он:

— устраняет бескомпромиссность и враждебность политических позиций;

— не фиксирует расхождение групповых принципов и убеждений;

— направлен на сохранение свободного выбора;

— поощряет бессознательные мотивы поведения.

Имидж помогает выработать самостоятельную позицию, но не претендует на создание своих «метакодов» — «мыслительных парадигм», предопределяющих последовательность мышления и действия, как это делает идеология.

Однако результаты такого перехода оказываются более сложными и противоречивыми. И дело не только в том, что мультипликативность, мозаичность получаемой информации делают «участие фактом не активного, а пассивного опыта»², а восстановленное после печатного слова значение образа открывает возможности для применения разнообразных техник манипулирования. Поскольку образ рассчитан на интерпретацию и подключает воображение, восприятие печатной и визуальной информации оказывается разным: телевидение, оперируя с образами, соединяя чувство и воображение, активизирует зрителя, позволяют ему многое добавлять самому. Но свобода интерпретации не исключает манипулятивных воздействий на человека.

Заложенная М. Маклюэном традиция исследования радикальных изменений в политике, происходящих благодаря информационной революции, продолжается в рамках осмысления колоссальных преоб-

¹ См.: Соловьев А. И. Политическая идеология // Политология: лексикон. С. 360.

² McLuhan M. Op. cit. P. 248—249.

разований в общественной жизни под влиянием Интернета. Эти последствия разнообразны, и к их анализу мы неоднократно обращались на страницах этой книги. Укажем лишь на некоторые вехи происходящих преобразований и на значение их последствий.

Во-первых, сама возможность осуществления власти (влияния) и политики определяется наличием пределов (границ): территориальных, административных, статусных, культурных (языки) и т. п. Если они отсутствуют или игнорируются, влияние, зависимости всякого рода оказываются невозможными, так как объект влияния просто покидает властное поле. Интернет стирает все пределы (границы) и расширяет объект влияния до пределов планеты и всего ее населения, приводя тем самым к глобализации власти и политики.

Во-вторых, меняется субъект политического действия и участия. Им становится не потребитель концентрированного и системно изложенного знания, дозированной и направленной информации (религия, образование, пропаганда), но искатель (потребитель) рассеянного знания, получаемого путями, степень разнообразия и доступности которых увеличиваются по нарастающей.

В-третьих, носителем упорядоченности становятся не институты, а взаимодействия. Иерархичность построения и использование санкций как важнейшие атрибуты власти служат прежде всего средством компенсации дефицита информации как важнейшего управленческого ресурса. Но и то, и другое в современных условиях перестает быть дефицитом, и потребность в иерархии и санкциях снижается. Директивное управление большими массами людей через традиционные властные механизмы (принуждение + санкции) оказывается неэффективным, а их применение не вызывает ожидаемых результатов, снижая потребность в традиционных институтах, осуществляющих посредничество между гражданами и властью¹. Институциональные формы политической активности (и прежде всего политические партии) все чаще сменяются неинституциональными — ассоциациями, движениями, сетевыми формами взаимодействий и сообществ, обеспечивающих возможность политического участия при сохранении автономии.

Модусы понимания: образ и текст. В центре процесса преобразования культурных оснований политики в современном обществе находятся образ, его продуцирование и манипуляции с ним. Происходит символизация мира политики, и символ здесь служит образом идеи.

¹ См.: Туронок С. В. Интернет в политике // Политология: лексикон. С. 176.

Образ оказывается эффективным средством мобилизации людей, управления их действиями, трансляции различного идеологического материала. К его использованию активно прибегают в современной политической жизни и пропагандистской деятельности. При этом следует учитывать богатство скрытых в символе манипулятивных возможностей — способность с его помощью заставить людей действовать вопреки их собственным интересам, незаметно влиять на их поведение. Эти приемы связаны с произвольностью толкования символа-образа, проистекают из неясности употребляемых терминов, что позволяет призывать к одному, ожидать другого, мириться с результатами, противоположными первоначальному замыслу. Происходящая в этом случае апелляция к бессознательному выражается в активном использовании разнообразной психологической техники скрытого влияния. Образы используются:

- для вербализации — когда слова окрашивают, формируют определенное отношение к действительности;
- детализации — акцентировки внимания на одних и затушевывании других характеристик;
- архаизации — обращения к более примитивным, простым уровням и формам сознания;
- визуализации — перевода понятий в символы, зримые образы¹.

Как средство коммуникации образ обладает значительным «проникающим» эффектом: он не требует перевода, специальной трансляции, делающей текст понятным, хорошо запоминается, может концентрировать большой объем информации, легко проходит через фильтр недоверия².

При этом выявляются значительные различия в механизмах восприятия текста и образа, а стало быть, и в их способности влиять на сознание и поведение людей.

Текст, при всей его многозначности, является рациональным про-

дуктом, обращенным к разуму. Он предполагает наличие некоего культурного порога, переход через который открывает возможность его «аутентичного» освоения, что предопределяет значение политического образования, просвещения. Политический текст, воплощенный в дискурсе, структурирован, состоит по крайней мере из таких компонентов, как объяснение, описание, постановка задач и т. д., и обращен к абстрактному мышлению, без включения которого эта структура не может быть освоена. Результатом действия этих особен-

¹ См.: Почепцов Г. Г. Имиджелогия. Киев, 2000. С. 204—226.

² Там же. С. 581—582.

ностей текста служит формирование на его основе того, что М. Вебер называл «целерациональным действием».

Образ специфичен тем, что его содержание закодировано в форме. Образ синкретичен, его содержание не структурировано, соединяет «все в одном», сосредоточивая внимание на целях. Образ игнорирует средства, поэтому полного, развернутого целерационального действия на его основе не получается. Образ будирует людей, рождает эмоциональный отклик, объединяет, поэтому к нему постоянно обращаются в политике. Но он не может служить основой долговременного политического действия, для этого нужна программа, и ее формирует текст, а не образ, так как первый аналитичен, развернут, а второй синкретичен, свернут.

При этом следует иметь в виду, что образ — это тоже текст, но текст специфический, он обращен не к индивиду и его сознанию, а к массе и к ее психике. Его содержание свернуто, сжато, не отрефлексировано, толкование многозначно и может стимулировать движение как к рационализации политического действия, если увеличивается информированность и критичность мышления, так и к дерационализации, открывая возможность неоднозначных и непрограммируемых действий.

Вообще роль невербальных средств в политической жизни достаточно велика. Такие знаковые средства, как различные церемонии и литургии, в великом множестве используются для регуляции политических процессов (встречи, заседания, съезды, визиты и т. д.), формируют канву (матрицу) тех ролей, исполнение которых облегчает достижение политических целей. Процедура со строгим нормативным предписанием берет на себя организацию «поля» политического, властного действия, расставляет фигуры для последующей игры-действия. Для нее, как правило, характерны очевидная целенаправленность, учет и преемственность исторических традиций, демонстрационный характер предписываемых действий. Они имеют знаковое, символическое значение, ориентированы на формирование соответствующих строго программируемых впечатлений и действий. В словах здесь просто нет нужды, все организовано и успешно протекает без них.

Можно ли, оценивая ситуацию в целом, говорить о движении к более примитивным формам политики и приемам воздействия на ее вольных и невольных участников? Неоднозначность, множественность возможных вариантов развития очевидны. С одной стороны, ясно, что в связи с активным внедрением приемов имиджологии происходит определенная дерационализация методов и форм поли-

тического влияния. С другой стороны, следует иметь в виду, что непосредственной, прямой связи между текстом и рациональностью, образом и дерационализацией нет. Текст тоже может плодить иррациональные, построенные на ложной аргументации действия и быть основой девиантных человеческих отношений, а образ однозначно не предполагает связи с примитивной архаикой и иррациональностью. К тому же сама текстовая информация может преобразовываться таким образом, что не только своим содержанием (которое может быть просто ложным), но и структурой построения не стимулирует, а затрудняет выработку продуманного, целесообразного действия. «Клиповое сознание, клиповое восприятие действительности оказывает воздействие на все стороны человеческого восприятия. Сокращается темпоральный, текстовый объем единицы информации за счет ее уплотнения и насыщения. Уходит длительность, протяженность текста, и информация уподобляется отдельным, достаточно агрессивным, сконцентрированным ударам, воздействующим на сознание»¹.

Необходимо видеть по крайней мере два смысла образа. Первый — когда образ выступает в качестве фрагмента первичного, мифологического освоения мира человеком, ему присущи спонтанность происхождения, непосредственность отображения действительности, эмоциональность форм выражения. Второй — когда образ (имидж, которым столь богата насыщена современная политическая информационная среда) по своему происхождению и сути является артефактом — продуктом специальной профессиональной деятельности, опирающимся на многие достижения как науки, так и политической практики и выступающим в качестве символа, знака — зримого условного представителя иного объекта, носителя кода, глубина понимания которого различна у разных субъектов его восприятия.

Такой образ, по своей сути, является свернутым, сведенным к одному символу текстом². Но, приобретая ряд важных для обеспечения влияния преимуществ: конкретность, четкую привязку к объекту, целостность и эмоциональную насыщенность, свернутый в образ текст теряет некоторые важные характеристики рациональности: последовательность выражения мысли в слове, выстраивание по правилам, поэтапность движения от логики к эмоциям и действиям. Необходимость в образном насыщении, символизации появляется всякий раз, когда идея ищет своего массового адепта, нуждается в понятных

¹ Листвина Е. В. Книга и чтение в современной культуре // Смысл жизни личности в эпоху посткнижной культуры. Саратов, 2003. С. 209.

² См.: Почепцов Г. Г. Указ. соч. С. 72, 96.

любому человеку средства выражения, способных связать высокое и обыденное, абстрактное и конкретное, рефлексию и действие. Текст — это послание, настроенное на понимание; образ — это послание, настроенное на действие.

Место понимания в политике. Нетрудно заметить, что специфика политики, являющей себя как противоречивое сочетание фактов и ценностей, себялюбия и лояльности к другим, заинтересованности и бескорыстия, эгоизма и жертвенности, отражается на способах ее духовного освоения. Поэтому общепринятые методы рационалистического познания, сосредоточивающие внимание исследователя на решении таких проблем, как соответствие средств — целям, образа — реальности, принципов политического дискурса — законам логики, должны быть дополнены методами и приемами познания, способны-

ми учесть и выразить более высокие, нежели рациональность, экзистенциальные блага, среди которых: жизнь, надежда, любовь, дети, милосердие, дружба. Основной путь обнаружения этого богатства экзистенциальных значений и смыслов субъективного мира человека — это истолкование мира и способов бытия языка в мире политики, проявляющихся в коммуникации, уточнении и экспликации терминов, механизмах влияния, способах вербального и невербального выражения смысловых значений.

В сфере политической реальности термин «понимание» обладает двумя взаимосвязанными, но различающимися смыслами. Во-первых, понимание — это гносеологическая процедура, метод изучения политических явлений, противоположный их натурализации (сосредоточивающей внимание исследователя на поиске объективных законов и факторов детерминации, анализе статистической информации, установлении корреляции природных, экономических и политических явлений и т. п.). Такой метод создает возможность изучения политики с точки зрения выявления значения и смысла ее феноменов для субъекта, рассмотрения того ценностного багажа, которым он руководствуется. Во-вторых, понимание — это и онтологический процесс постижения субъектом политики той сферы реальности, в которой ему приходится действовать; он сводится к ее истолкованию, иерархизации ценностей, которыми она для него обладает.

Общим в двух типах понимания является как содержание (субъект имеет здесь дело с ценностным миром, с постижением значения и смысла его компонентов), так и структура: в них содержатся и выявление качеств объекта, и его интерпретация, соотнесение с внутренним миром субъекта, и некоторые предикативные, предписывающие определенное поведение характеристики. Эта общность возникает в

силу внутренней связи между идеями и действиями, их обусловленности общим пониманием и общим словарем (Л. Витгенштейн), обоюдной зависимости от культурного контекста политики, огромного значения языка как в политике, так и в ее понимании и исследовании, принятия идеи многообразия рациональности, ее не сводимости только к способности учета и выражения каузальной зависимости.

Различие — в интенциях и смысловом содержании этих двух видов рефлексивной деятельности. Понимание как гносеологическая процедура характеризуется стремлением к отстраненности от политики, что дает возможность столь необходимого здесь сопоставления с другими методами и типами отношения к политической реальности. Понимание как онтологический процесс полностью погружено в мир политики, ему принадлежит и в нем действует.

И в том, и в другом случае понимание связано с объяснением, но их взаимодополняемость определена разной интенцией этих процедур. Объяснение направлено в прошлое, на поиск причин того или иного явления. Вектор понимания — в будущее, оно служит основой ориентации действующего и познающего субъекта.

Понимание как гносеологическая процедура. Политика творится не только действиями, но и словами. Это реальность, которая формируется как из фактов, подлежащих фиксации объективными методами, так и из значений и смыслов, проявляющихся в ходе взаимодействия субъектов. Поэтому использование при изучении политики наряду с другими методами герменевтики как науки, цель которой — постижение внутреннего мира действующего в политике субъекта, выявление того смысла, который имеют для него происходящие события, оказывается целесообразным. Поскольку политика представляет собой типичный вид коммуникативной деятельности, осуществляемой в знаковой форме, большинство ее проявлений можно представить в виде текстов и изучать герменевтическими методами.

Гносеологический аспект связан с доминированием в процедуре

понимания не взаимодействия субъектов политики, а превращения одного из них или самого процесса речевой коммуникации в объект изучения, состоящего из:

- улавливания смыслового значения, складывающегося из соотнесения факта с субъективным опытом человека;
- обозначения — выявления эмоциональной, экзистенциальной нагрузки объекта на субъекта;
- выражения — знаковой, терминологической представленности процедуры мыслительного освоения политической реальности субъектом;

— интерпретации — ее объектом служат многообразные политические тексты, а основным принципом сформулированная В. Дильтеем заповедь герменевтики: «понять автора лучше, чем он сам понимает себя»;

— выявления и разъяснения смысла слов, речей, поступков участников политического процесса, исходящих из предпосылки, что за его видимой, очевидной, являющейся стороной (лозунги, программы, декларируемые цели, обличения и обращения) существует сторона внутренняя, сокрытая из сознательных или подсознательных побуждений. Здесь открывается обширное поле использования методов рассмотрения экономической, национальной, культурной мотивации, методов вхождения во внутренний мир субъектов политики, движимых не только осознаваемыми мотивами, но и подсознательными влечениями и комплексами.

Возможные направления использования такой методологии многообразны:

- интерпретация, выявление значения и смысла разнообразных политических текстов;
- истолкование политической символики (ясно при этом, что модусы истолкования находятся в значительной зависимости от пространственных, временных, культурных характеристик как субъекта, так и объекта этой операции);
- обнаружение причин и механизмов политического влияния, ведь ясно, что у него существуют не только объективные, но и субъективные параметры;
- описание механизмов возникновения, распространения и угасания политических предрассудков, зависимости политической психологии и мышления от истории и ситуации;
- изучение и критика идеологического сознания, играющего большую роль в политической ориентации;
- анализ мотивации политического поведения, которая не сводится к объективной внешней детерминации;
- исследование всего многообразия проблем политической коммуникации и диалога.

Понимание как онтологический процесс. Имеется в виду выявление значения понимания, постижение, раскрытие его для субъекта окружающего мира, предполагающее выбор способа отношения к нему.

Очевидно, что любой тип влияния (а это аспект власти) так или иначе опосредован пониманием, влиянию же предшествует контакт, политика — коммуникативный вид деятельности, невозможный без обмена значениями, смыслами, информацией. Но у коммуникации

есть определенные объективные (выраженные в наличии взаимного интереса) и субъективные (связанные с ясностью, адекватностью используемых смыслов) предпосылки. Поэтому выявление смысла — центральная процедура в онтологическом механизме понимания. Она предполагает прежде всего достижение ясности в использовании терминов (которая, в свою очередь, складывается из более или менее точного представления об их содержании), установление однозначности смыслов в разных случаях применения, согласование сфер употребления терминов.

Ясность, согласование смыслов в политике складываются из знания и оценки — соотнесения используемой в политическом действии информации с внутренним миром субъектов политики. Для политического знания важно умение связать тот или иной политический факт с собственной судьбой. В этом заключен не только познавательный, гносеологический, но и глубокий практический, онтологический смысл, «ведь посредством языка мы не только называем, обозначаем или описываем, мы также производим действия и осуществляем практику, от которой общество зависит»¹. Но это происходит именно на основе понимания, оказывающегося важнейшей предпосылкой многих политических процедур и действий:

- принятия политических решений;
- согласования своего поведения с поведением других людей;
- оказания влияния, которое просто невозможно, если понимание отсутствует, хотя бы потому, что команды субъекта влияния не воспринимаются его объектом.

Понимание необходимо и для достижения согласия, без которого политическое действие, носящее групповой характер, просто невозможно. Оно служит необходимым компонентом диалога, позволяющего раскрыть позиции и намерения участников политического действия, выявить их взаимные интересы, обозначить точки конструктивного сотрудничества.

Предпосылки и уровни понимания в политике. Существует целый ряд элементов реальности, взаимодействие между которыми предопределяет возможность, характер, направленность понимания. Оно зависит:

- от уровня образования участников политического процесса, ведь именно он очерчивает круг известных им терминов, средний уровень познавательных способностей, без наличия которого многие участники политического действия произносимые в ходе него слова

¹ Ball T. Op. cit. P. 233—234.

воспринимают как шум, некий элемент внешней для них среды, никак не влияющий на их поведение;

- уровня информированности, который непосредственно сказывается на наборе сведений об основных фактах, именах, терминах, необходимых для ориентации в сфере политических отношений;

— уровня культуры участников политических отношений, от которого в первую очередь зависят различия и сходства в акцентах, смыслах символов, отношении к ритуалам, насыщающим данную сферу реальности. Именно в круге культуры формируется *предпонимание*, первичное понимание, улавливание смысла, служащее предпосылкой постижения его более сложных форм;

- интереса к политике, задающего характер, направленность внимания к тем или иным фрагментам политической реальности, влияю-

щего на степень готовности субъекта к восприятию политической информации;

— социального статуса. В зависимости от него люди по-разному воспринимают, истолковывают политику и свое место в ней: высокий социальный статус, как правило, связан с устойчивым интересом к политике, готовностью к участию в институциональных и регулярных формах политической деятельности; снижение социального статуса сопряжено с падением интереса к политическим делам, здесь доминируют внеинституциональные (спорадические) формы политической активности, которые в определенные моменты могут быть и очень интенсивными. Понимание как процедура, связанная с освоением политической реальности, здесь просто не включается, и такая политическая активность, как правило, стимулируется самыми примитивными психологическими импульсами: страхом, симпатией или антипатией, внушением.

Уровни понимания в значительной степени определяются характером, типом мировоззрения субъекта политики. Если эту типологию положить в основу классификации, можно выделить следующие уровни.

Научный — основан на фактах, достоверных знаниях о различных фрагментах социальной и политической реальности, их анализе и интерпретации с помощью общепризнанных в данной сфере (науке) процедур рационального познания: моделирования, экстраполяции, статистического и факторного анализа и т. д. На данном уровне можно выделить два различных типа понимания в политике: *А — сциентистский* и *Б — профессиональный, политологический*.

Тип А (сциентистский) опирается на использование точных, прежде всего математических методов сбора и обобщения фактов,

дающих возможность анализа и обобщения больших массивов статистической и социологической информации, получаемых в результате опросов, построения различного рода моделей политических процессов и их графического отображения. В рамках данной методологии осуществляется достаточно достоверное предвидение и прогнозирование политических процессов, формулируются различные варианты принятия политических решений. Но активное ее использование в современных условиях показывает и уязвимые стороны основанного на ней понимания политической реальности. Все чаще действительность убеждает в ограниченности методов, ориентированных на учет только объективной составляющей политического процесса, что прежде всего выражается в расхождении продуцируемых на их основе предсказаний с политической действительностью.

Адепты такого понимания политики постоянно попадают в весьма неприятные и для них, и для тех, кто им верит, ситуации из-за неспособности учесть, выразить многочисленные смысловые компоненты политической реальности, которые явно не укладываются в какие-либо жесткие рациональные схемы. Примером такого рода постижения политики могут быть в огромном числе появляющиеся во время избирательных кампаний на телевизионных экранах аналитики, которые на основе данных опросов, схем, графиков, статических материалов дают достаточно точные (до десятых долей процентов) прогнозы результатов будущих выборов и т. п. Правда, обращает на себя внимание то, что разные предсказатели дают весьма различные прогнозы одного и того же события. Очевидно, что политическая жизнь гораздо многообразнее того своего фрагмента, который фиксируется средствами точного рационального анализа.

Сциентистский стиль политического мышления оборачивается здесь различными формами утопизма (Н. А. Бердяев), с разной степенью радикальности порывающего с политической реальностью и заводящего их последователей в тупики политического недомыслия.

Способность же учета подлинного и многообразного содержания в значительной степени возникает в результате включения в процесс политического познания и ориентации наряду с объективными методиками и приемами разнообразных средств изучения субъективно-ценностной его стороны. По мнению К. Дейча, «понять политику означает прежде всего быть способным узнать, что является важным, т. е. видеть факты, которые производят наибольшее воздействие на исход событий. Это также означает способность знать, что является ценным, — представлять, какое воздействие каждый политический результат будет оказывать на наши ценности, а также на людей и события, которых мы лю-

бим и о которых заботимся. И в конечном счете это значит знать, что есть действительность и правда, которые наши первые впечатления, наши догадки, наши кусочки народных верований будут испытывать систематической эмпирической проверкой и постоянным практическим опытом»¹.

Такой способ понимания является наиболее оптимальным, аутентичным для политики и существует на политологическом, профессиональном уровне (тип Б), представляющем собой сложный синтез разных методологий и средств познавательной деятельности, среди которых можно выделить:

- научное знание, ориентированное на познание политической реальности объективными, рационалистическими методами;

- интуицию — встречающееся в политике осознанное и непосредственное познание политической реальности, основой которого служат не мистические качества, но специальные знания и опыт, делающие возможным важное для принятия политического решения синтетическое, целостное видение политической ситуации, не раскладывающее реальность на отдельные компоненты, но обеспечивающее ее восприятие в интегрированном виде;

- оценку — способность выразить, связать знания с интересами, позициями, потребностями действующего в политике субъекта и зафиксировать в определенном типе ориентации его отношение к политической реальности. Ведь для политики, которая всегда состоит из действий, само по себе желание или нежелание действовать на основе имеющихся знаний, их практическая и футурологическая ориентация имеют решающее во многих обстоятельствах значение. Столь же важным является способ планируемого действия, который в зависимости от настроенности субъекта может быть последовательным или хаотичным, решительным или колеблющимся, умеренным или радикальным.

Очевидна открытость этого уровня понимания для освоения новых фактов, идей, интерпретаций. Он является наиболее приемлемым для политической деятельности, которая всегда разворачивается в определенной пространственной, экономической, культурной сфере и требует соответствующих своей природе методов оценки.

Если в типе Б знания и ценности сосуществуют в некотором сбалансированном состоянии, пользуются преимуществами и взаимно дополняют друг друга, придавая данному типу понимания высокую степень реализма, в последующих типах этот баланс нарушается, про-

¹ Deutsch K. Op. cit. P. 6.

исходит все большее нарастание значимости субъективной стороны, а построенная на нем политика все менее соответствует критериям рациональности.

Следующий уровень понимания можно было бы назвать *идеологическим, ценностно-ориентационным*. Именно ценности становятся здесь центральным, доминирующим компонентом: мир объекта рассматривается через призму его значения для субъекта, субъективное отношение к действительности доминирует, это взгляд на политическую реальность с позиций желаемого, с точки зрения учета и выражения интересов и потребностей субъекта. Идеология выделяет в окружающем мире то, что представляет интерес, значимость для субъекта, что совершенно необходимо для ориентации и программирования его действий в сфере политики.

В рамках этой ценностной структуры выполняются такие значимые для политического действия функции, как:

- упрощение картины действительности, что облегчает объяснение и ориентацию в ней;
- объединение в целостную картину фактов, информации, убеждений и устремлений;
- ориентация для последующего действия;
- координация действий людей, сосредоточение их внимания и усилий на достижении поставленной цели.

В политической теории и практике давно подмечено, что достижение поддержки большинства происходит не только рациональными средствами, решающую роль играют прежде всего ценностные элементы политической реальности. Дело в том, что требования рациональности неизбежно вступают в некоторое противоречие с массовостью политического действия. Освоение рациональной процедуры (а она невозможна без унификации языка, согласия по системам проверки, доказательства и обоснования) требует определенного уровня подготовки и образования от всех участников этого процесса (хотя бы для того, чтобы не наступила элементарная терминологическая путаница), но в силу очевидной разнородности состава участников это требование оказывается невыполнимым. Важнейшая предпосылка более или менее унифицированного восприятия определенной идеи, цели — некоторая степень схождения интересов и позиций участников — также недостижима в массовом политическом действии по той же причине.

Обращает на себя внимание закрытость, «парадигмальность», замкнутость на себя идеологического понимания политики, т. е. способность интерпретации любого факта, в том числе и совсем нового в

рамках уже усвоенных принципов и ценностей. Принципы объяснения меняются не под воздействием фактов, а в зависимости от ценностей, новых исторических обстоятельств, что делает их абсолютно неприемлемыми для эффективной ориентации в политике.

Еще меньшую роль рациональная аргументация играет на следующем уровне — *мифологического, образного понимания*. Ценность здесь стремится приобрести зримые черты, стать образом, символом. Давно замечено, что массовая политическая деятельность практически невозможна без такого многоликого и яркого компонента, как лозунги. Значимость лозунгов для политики, побуждающая прибегать к ним снова и снова, заключается в их образности, органическом соединении в них идеологических и психологических компонентов. Цели политического действия в лозунгах приобретают яркость, становятся

литического движения в лозунгах приобретают яркость, становятся эмоционально насыщенными, наглядными, вызывают к чувствам людей. Здесь знание замещается непосредственным переживанием, приобретает конкретность, эмоциональная выраженность и окрашенность. Однако многое из полезных свойств других типов понимания при этом теряется, что оборачивается существенными изъянами. Отсутствие критериев, отделяющих истину от лжи, сплошь и рядом приводит к наделению явлений свойствами, которые им просто не могут принадлежать. Особенно часто это встречается в сфере политического программирования и пропаганды. В политической же практике отсутствие критериев оборачивается тактикой вседозволенности, не отягощенной ни соображениями прагматической целесообразности, ни критериями моральной приемлемости. Этому способствует и господствующая в данном типе духовного освоения действительности «оборотническая» логика, когда ни в одном явлении человек не находит устойчивой определенности, и каждая вещь может обратиться в любую другую вещь, когда «кто был ничем, тот станет всем». Столь радикальные преобразования и действия оказываются допустимыми в рамках мышления, отягощенного методологическим радикализмом и оперирующего прежде всего антагонистическими, оппозиционными категориями, не признающего каких-либо переходных состояний, устойчивости посреднических форм.

Несмотря на столь очевидные недостатки, такой тип понимания имеет большое значение в политике, так как для вступления в политическое действие недостаточно только рациональной информации. Крайне необходимы элементы духовности, выходящие далеко за рамки объективной и беспристрастной рациональности:

- оценка: выработка субъективного отношения к реальности;

- уверенность в собственной правоте: именно она служит духовным основанием столь необходимой в политике решительности;

- желание действовать;

- ощущение себя находящимся в состоянии благородного противоборства: добра и зла, права и вины, благородства и низости, греха и святости. Именно этими ценностями пронизаны любые апелляции к массовому участнику политического действия, именно они находят у него отклик.

Еще один уровень понимания в политике — *мистическое понимание*. В его основе — такие компоненты, как уверенность, озарение, призвание, харизма, что предполагает возможность существования непосредственного, аксиоматического знания, получаемого из «высших сфер», стремление через обращение к ним приобрести столь важные авторитет и поддержку. Этот тип понимания не есть некий исторический реликт, он активно действует в современной политике, к нему обращаются самые разные политические силы.

Конечно, такие формы политической рефлексии, несмотря на широкое распространение, явно недостаточны ни для долгосрочного планирования или предвидения, ни для рационального объяснения причин политических событий, ни для обоснования и принятия верного политического решения или разработки политического курса. Но это формы понимания, т. е. более или менее осознанной мотивации политического поведения. Кроме них существуют и более простые способы отражения и переживания политических реалий: подсознательные импульсы и влечения, страх, различные проявления массовой психологии.

Межуровневое взаимодействие в понимании. Ясно, что и в сознании, и в поведении реальных субъектов политики представлены все уровни понимания, которые не существуют изолированно, а взаимодействуют и дополняют друг друга. Своим сочетанием, разными степенями презентации и доминирования у конкретных субъектов политики оп-

ределяют их своеобразие. При этом оказываются возможными следующие формы взаимодействия между субъектами — носителями разных типов понимания.

Во-первых, это *взаимодействие в рамках одного уровня понимания*, которое может осуществляться по крайней мере в двух формах.

А. *Политический диалог*, для которого характерно использование его участниками сходных представлений, лексики и способов обоснования высказываний, а также взаимное признание участниками интересов друг друга. Взаимодействие здесь осуществляется в рамках единой общности, образуемой признанием интересов сторон. Един-

ство такой общности может быть зыбким, и часто признание интересов отнюдь не означает готовности сторон к их удовлетворению или уступкам, но оно существует и может служить базой совместных действий в политике.

Б. *Антидиалогическое взаимодействие: «диспут»*. Его участники знают, о чем идет речь, понимают характер аргументации, но отвергают идеи и позиции друг друга в силу противоположности, несочетаемости интересов, политической ориентации. «Антидиалогические отношения — это такие отношения, когда один или оба партнера взаимодействия рассматривают друг друга лишь в качестве объекта, вещи и принципиально отрицают наличие всякой общности между партнерами взаимодействия и тем самым возможность возникновения диалога»¹.

Во-вторых, это *антидиалогическое отношение*, существующее в силу различий не социального, а прежде всего гносеологического порядка: разности интеллектуальных потенциалов, систем обоснования и смыслового содержания используемых терминов. Оно возникает в межуровневом взаимодействии, и им является прежде всего пропаганда. Очевидна невозможность целенаправленных массовых политических действий без нее. Она служит важнейшим средством политической ориентации, формирования устойчивой готовности людей к определенного типа политической деятельности. Ценности как важнейший фактор политической ориентации благодаря пропаганде приобретают образную форму, расставаясь со многими своими абстрактными, отвлеченными, нуждающимися в сложном и профессиональном толковании характеристиками, становятся понятными и близкими массовому участнику политических процессов. Влияние как цель пропаганды делает ее важнейшим элементом политики, участники которой вообще не могут замыкаться в рамках одного уровня понимания, нуждаются именно во взаимодействии.

С учетом ее роли в понимании можно выделить два типа пропаганды (два типа межуровневого взаимодействия):

- 1) *рациональный*, связанный с движением от более сложных уровней понимания к более простым;
- 2) *иррациональный*, предполагающий переход от низших уровней понимания к высшим.

Первый тип пропаганды можно назвать символизацией, ее смысл — в продвижении той или иной идеи к образности, в насыщении ее чертами наглядности, формировании качеств доходчивости. Лозунги,

¹ Буш Г. Диалогика и творчество. Рига, 1985. С. 32.

призывы, плакаты, символы — постоянно встречающиеся в реальной политике образцы пропагандистской деятельности такого типа. Понимание здесь осуществляется по линии упрощения, идея при этом становится достоянием массы, приобретает способность реального воздействия на поведение больших групп людей. Но в этом процессе она может значительно искажаться, наделяясь смыслом, противоположным первоначальному. Довольно часто такое искажение первоначального смысла бывает сознательной уловкой. Так произошло, например, с известной фразой К. Маркса в «Манифесте коммунистической партии»: «Ваше право есть возведенная в закон воля господствующего класса»¹, в которой выражено очевидное неприятие Марксом буржуазного права за его ограниченность, сведение к нормативному выражению классовой воли. Сталинские мудрецы-правоведы, отбросив слово «ваше», превратили эту фразу в каноническое определение права, но уже противоположное своему первоначальному смыслу.

Наиболее подходящее название для второго типа пропаганды — «валоризация», или *искусственное повышение значимости* (Ж.-П. Гуревич). Здесь движение от низших к высшим уровням понимания происходит за счет использования все более усложняющихся способов обоснования и доказывания значения, необходимости, ценности тех или иных терминов и лиц. Что же делает этот процесс иррациональным? Дело в том, что изначальная точка этого процесса — как правило, некий мифологический образ, символ, постепенно обрастающий все более усложняющейся логической аргументацией, но не приобретающий в результате этого ни качеств научной, эмпирически проверяемой истинности, ни логической непротиворечивости. Переходы от одного уровня понимания к другому здесь происходят за счет и в результате всякого рода логических нарушений.

Разные уровни понимания и модификации их взаимодействия предопределяют различия в отношениях людей к политическим реалиям, основным компонентам политической среды, оказываются ведущими факторами в формировании политических ориентации. Ясно, например, что гносеологической основой радикализма в политике служат достаточно простые (примитивные) уровни понимания, сводящие многообразие социальных связей и взаимодействующих сил к одному-двум «ведущим» противоречиям, а сложность средств преобразования политической реальности — к одному-двум действиям, но зато решительным и всеохватным. Политические заключения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 443.

при этом сводятся к высказыванию нескольких заветных формул, носящих, по сути дела, характер магических заклинаний типа: «Сделаем колхозы богатыми, а колхозников — зажиточными». «Научная» теория, подводя концептуальную основу под такие действия, оказывается набором нескольких символических формул, авторы которых даже не помышляют о процедуре научной проверки своих построений, о связанной и непротиворечивой логической аргументации, непротиворечивом доказательстве.

Структура политического понимания. Понимание — это не только процесс или процедура освоения политической реальности, это и результат — совокупность духовных элементов, способствующих ориентации субъекта в политике, программирующих его деятельность в этой среде. Структура политического понимания представляет собой

способ связи, взаимодействий этих компонентов. Различным может быть не только состав, но и характер соотношения, а также роль, значение составляющих понимание элементов. Однако существует некоторый обязательный, минимальный набор форм отражения политической реальности, без наличия которого понимание оказывается невозможным.

В первую очередь эта информированность, определенная степень осведомленности о политической среде, состоящая из знаний конкретного набора политических фактов (пространственно-временные параметры событий, имена, представления о политических реалиях), служит тем ключом, который открывает вход в мир политики. Без этого набора сведений и представлений он оказывается закрытым для субъекта, не видящего своего места в этом мире, а следовательно, не предполагающего и возможности участия. Любая информация в обществе важна не сама по себе, а в силу своей связи с поведением людей, характером устанавливаемых между ними отношений. Ее объем и качество опосредованно влияют на степень рациональности политического поведения. Существуют некоторые пределы, за которыми рациональное политическое действие оказывается невозможным. Это случается и из-за скудости информации, и при наличии столь большого ее объема, что субъект, принимающий политическое решение, освоить ее и сделать правильный вывод не в состоянии.

Информация принимается или отбрасывается субъектом политического действия в процессе оценки — соотнесения содержащихся в ней сведений, фактов со своим внутренним миром: интересами, потребностями, намерениями. Критерии оценки политической информации многообразны и включают в себя выявление таких ее качеств, как полезность, распространенность, господство, благосостояние,

интерес, удовольствие и т. д., но ведущая роль в этой операции принадлежит ее соотнесению с общим, публичным интересом (что характерно именно для мира политики).

Понимание, смысл которого в духовном освоении политической реальности, предполагает и ее интуитивное постижение. *Интуиция* — явление, часто встречающееся в политике, делающее ее искусством, видом деятельности, не укладывающимся в схемы привычных нормативов, постоянно продуцирующим новые ситуации, требующие нестандартных решений и действий. Именно с нею связано возникновение трудно объяснимых, логически непоследовательных, не поддающихся предварительной проверке и общепринятой процедуре доказательств, но верных представлений о политической ситуации, ее компонентах и императивах. Слагаемыми интуиции в политике служат воспитание и культурная среда, в границах которой происходит освоение политических процессов, а также воображение и творчество, умение принимать не укладывающиеся в рамки обычной логики правильные (но трудно объяснимые и мотивируемые и поэтому часто не понимаемые современниками) решения или отказываться от действий в беспроигрышных, казалось бы, ситуациях. Из этого же источника проистекает способность огромной массы народа в необходимый момент быстро понять свою задачу и решительно действовать в правильном направлении.

Реально значимым для политики результатом синтеза знаний, информированности, интуиции и оценки служит такой компонент процесса понимания, как стиль политического мышления, а его конкретная модификация зависит от характера отношений составляющих его компонентов, доминирования одних над другими, многообразия форм связи с внутренним миром действующего в политике субъекта. Так формируются рационалистический, прагматический, интуитивный, эмоциональный или оценочный стили политического мышления, определяющие характер поведения своих носителей. Очевиден

парадигмальный характер этого компонента политического понимания, он представляет собой, по сути дела, замкнутую систему принципов и методов объяснения политической реальности, способную на собственной основе интерпретировать любой факт, предложить методику решения политической проблемы.

Эмоциональной предпосылкой долговременного действия большой массы людей на основе определенной структуры понимания служит доверие — принятие послания, обращения, информации, идущей от одного субъекта к другому с пониженным порогом критичности (причем причины этого понижения могут быть самыми различными:

и экономическими, и эмоциональными, и культурными, и просто ситуационными — политическая обстановка может быть такой, что «просто нельзя было не поверить»). Взаимодействующие без доверия друг к другу субъекты «не понимают друг друга», и характер их дальнейших действий может быть только конфронтационным, когда в ход идут уже не интеллектуальные, а силовые аргументы. Информация, эмоция, которой не доверяют, просто отбрасывается, не принимается во внимание, не включается в «парадигмальный круг».

С другой стороны, именно благодаря доверию устанавливаются связи между разными уровнями и типами понимания политической реальности и их носителями, поэтому именно оно лежит в основе диалогического взаимодействия.

Глава 12

КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

Специфика политического предвидения. В политике мы имеем дело с особым состоянием элементов реальности — их постоянным изменением, текучестью, а ее важнейшие компоненты (решения, процессы, действия, отношения, события) никогда не остаются равными самим себе даже в течение короткого времени. Поэтому оценка и определение политических явлений не могут быть привязаны только к их актуальному, наличному состоянию, необходимо принимать во внимание тенденции их изменения. Изменяющиеся обстоятельства требуют новых усилий, новых решений, новых целей и средств их достижения. Ведь они влияют на результат политического действия, причем зачастую решающим образом.

Политика — это «искусство возможного», но эти возможности — границы и тенденции политики — надо правильно представлять. Необходимость предвидения определяется и тем, что воздействовать, контролировать политические явления на ранних этапах их становления легче, чем на стадии зрелости. Когда те или иные события переходят в кризисную фазу, возможности воздействия, управления ими крайне ограничены, их течение приобретает лавинообразный, неуправляемый характер, который оборачивается совершенно нежелательными и непредвиденными последствиями. Ясно, что такой ситуации любой политик должен избегать, а это можно сделать, только заглядывая вперед, в будущее, только учитывая последствия сегодняшних событий.

Прогностическая деятельность в политике должна опираться на действительные факты, выделять их объективное содержание, учитывать известные закономерности, опираться на достоверное обоснование сделанных выводов. Важным является не столько предсказание самого события, сколько указание на тенденции, которые к нему ведут. Если неблагоприятная и опасная линия поведения вовремя блокируется и нежелательные события удастся предотвратить, то предвидение, а, следовательно, и деятельность на его основе будут удачными. Речь идет не о детальном описании будущих событий и поведения их основных фигурантов, а об указании на возможное направление развития событий, об определении основных позиций возможных

участников разворачивающегося политического процесса, характера их действий, приблизительной оценке их результатов.

Политическое предвидение имеет специфические особенности.

Во-первых, отсутствует жесткая детерминация, нет однозначного предопределения происходящих событий, поскольку очевидна высокая степень зависимости политических процессов от характера политического субъекта, особенностей его исторического развития, уровня его социальной активности и культуры. Активно действующих субъектов в сфере политической реальности может быть множество, а итог их взаимодействия неоднозначен, он реализуется скорее как тенденция, абсолютное осуществление которой задерживается, замедляется противодействующими обстоятельствами¹.

Во-вторых, ясно, что предвидение здесь может быть только веро-

во-вторых, ясно, что предвидение здесь может быть только вероятностным — содержать значительный, иногда и количественно выраженный элемент неопределенности. Возможности и качество предвидения в большой степени зависят от умения субъекта учесть специфику политики, ее зависимость как от объективных, так и от субъективных обстоятельств, в том числе и факторов, которые ни в какие логические рамки не укладываются, что требует постоянной готовности к встрече с новыми ситуациями, творческого отношения к деятельности.

В-третьих, следует также учитывать, что предвидение, однажды появившись, не может быть безразличным и бездейственным по отношению к будущему. Через влияние на поведение людей, знающих о нем, оно может как способствовать, так и препятствовать своей реализации. Здесь начинает действовать очень интересная особенность человеческого поведения, названная К. Поппером «эффектом Эдипа» (убийство легендарным греческим царем Эдипом своего отца, которого он никогда не видел, было результатом пророчества, заставившего отца расстаться с Эдипом): зная о предсказании, люди подсознательно начинают действовать в направлении его реализации. хотя и

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 251.

прощались с «методологическим национализмом» — рассмотрением всех социально-политических явлений с точки зрения приоритета нации-государства как основного агента политических изменений¹. «Ключевым измерением современного развития становится измерение личностное, индивидуальное. В сознании и социальном поведении человека, в структуре его идентичности происходят глубинные изменения, естественные прежде социальные связи распадаются и зачастую уже не воспроизводятся»². Политика разворачивается к человеку и его потребностям. Но вот происходят события в целом ряде стран, регионов, связанные с подъемом рептильного национализма и клерикализма. В значительной степени они объясняются поиском массой потерявших себя людей жизненной опоры. Но теперь уже не в самих себе, а в более привычных и стабильных основаниях, нежели собственное Я изолированного индивида.

В-пятых, в многообразии методов, направлений, объектов, целей и результатов прогностической деятельности в сфере политики есть общая, постоянно воспроизводящаяся черта — мощное присутствие в каждом элементе политического прогноза субъективного момента: интересов, пристрастий, зависимости от культурной среды, традиций, уровня подготовки и мировоззрения прогнозирующих. Эта зависимость предопределяет выбор методик, интерпретацию результатов, характер действий под влиянием прогностической информации. Наличие ощутимой ценностной компоненты проявляется в самых объективных прогнозах и методиках.

Активное внедрение новых социальных и политических технологий все явственнее высвечивает отягощенность современного общества старыми проблемами, доставшимися ему в наследство от индустриальной эпохи. Обостряются национальные проблемы, глобализируются международные конфликты, увеличивается разрыв между техническими и социальными достижениями, которые далеко не соответствуют техническим изменениям, нарастает хрупкость, уязви-

мость технических и организационных систем, в том числе и со стороны преступных посягательств. Не уменьшается, а, наоборот, углубляется социальное и политическое отчуждение людей, для которого появляются новые основания.

Многообразие методов политического прогнозирования. Прогнозом обычно называют или любое научное предвидение, или такое, в ко-

¹ См.: Бек У. Живя в мировом обществе риска и считаясь с ним. Космополитический поворот // Полис. 2012. № 5. С. 45.

² Лапкин В. В., Семенов И. С. «Человек политический» перед вызовами «Infomodernity» // Полис. 2013. № 6. С. 67.

тором не только указывается на возможность наступления того или иного события, но и дается количественная оценка вероятности его появления. Практика современного политического прогнозирования весьма многообразна по целям и направлениям, по срокам, основаниям и инструментарию. При этом существенной чертой, отличающей ее от обычной техники научного прогнозирования, служит то, что здесь люди, политические деятели не только высказываются о будущих событиях, но и непосредственно в них участвуют. Предсказание ориентирует на представляющуюся желаемой возможность, детерминирует политическую деятельность и влияет на ее результаты.

Поэтому Макиавелли советовал «мудрым князьям» думать не только о сегодняшнем дне, но и завтрашнем и стараться «всеми силами предотвратить возможные беды, что нетрудно сделать, если вовремя принять необходимые меры, но если дожидаться, пока беда грянет, то никакие меры не помогут, ибо недуг станет неизлечимым»¹.

В политическом прогнозе практически всегда речь идет об обработке огромных массивов данных для выявления системных закономерностей. Поэтому здесь требуется использование современной вычислительной техники, специального математического аппарата, эффективность которого как средства обобщения разнородной информации, поиска количественных взаимосвязей и соответствий в разнородных процессах, установления их общего ритма, построения моделей развития событий становится все более очевидной.

Экстраполяция. Это традиционно и широко применяемый в политическом прогнозировании метод, представляющий собой мысленное продолжение в будущем тех или иных действительных политических процессов. Применение этого метода основано на том, что большинство политических феноменов представляют собой процессы, явления с продолжающимся во времени существованием, имеющие свою траекторию движения, которую можно установить, выстроив цепь прошлых и настоящих событий. Качество экстраполяции в значительной степени определяется объемом знаний субъекта о прошлом и настоящем.

Аналогия. Метод, когда на основе сходства условий, вызвавших то или иное событие в прошлом, делается вывод о возможности повторения его в будущем. Метод аналогии можно использовать в прогнозировании событий, отдельных политических феноменов. Его уязвимость проявляется в игнорировании субъективной стороны полити-

¹ Макиавелли Н. Соч. С. 53.

ческого процесса: субъекты политики могут существенно изменяться, и при наличии вроде бы сходных условий предсказанное событие не наступает.

Метод сценариев. Предполагает подготовку описания возможных будущих событий в отдельном регионе или в целом мире. Данный метод используют прежде всего для воссоздания картины развития конфликтных ситуаций, при подготовке политических решений, рассчитанных на перспективу. Составление сценариев всегда опосредовано оценкой событий и тенденцией их развертывания, а в оценке выражается субъективное отношение автора. Поскольку субъектов, носителей различных интересов, ориентацией и позиций в политике всегда много, сценариев, прогнозирующих одно и то же явление, может быть несколько.

Экспертная оценка. Производится с помощью людей, чьи знания и опыт в прогнозируемой области являются общепризнанными, преобладают над знаниями других людей. Мнение экспертов выявляется методами опроса, «мозгового штурма» — коллективного, четко запрограммированного обсуждения с фиксацией проблемы, оценкой выдвинутых предложений по ее решению, механизмом анализа и опровержения выдвинутых гипотез, с учетом высказанных в ходе обсуждений идей и предложений. Позиция экспертов формируется и в процессе деловой игры — групповой деятельности, которая осуществляется по принятым в этой группе правилам и разработанному сценарию (включающему предписание начальных условий обсуждения проблемы, выделение этапов работы, формирование цели деятельности), в рамках которого каждый участник игры берет на себя определенную роль по созданию и проверке гипотезы, модели с учетом реальных условий ее воплощения.

Моделирование. Чрезвычайно полезно в политическом анализе и прогнозировании. В его рамках знания о будущем состоянии политических отношений получают путем создания условного образа объекта, который может быть воплощен в математическую формулу, функцию, график, схему, карту, отображающие структуру и динамику прогнозируемого процесса. Поскольку моделирование дает возможность наглядно выявить тенденцию существования объекта, критические фазы его развития, оно активно используется в политическом прогнозировании, ибо именно такое знание нужно для принятия политических решений, установления контроля над ситуацией и управления ею. Использование компьютерной техники дает возможность обобщения и анализа огромных объемов разнообразной информации, ее

наглядного отображения и построения траектории движения событий, о которых она сообщает.

Интерес к политическому будущему носит далеко не праздный или чисто академический характер. В зависимости от представлений о будущем выстраиваются отношения между государствами, политические действия отдельных людей и организаций, создается программа политических движений и определяются цели политических партий. Очевидным является также невозможность в рамках одной концепции или идеи выразить все многообразие возможных вариантов развития и форм их воплощения в действительности. Поэтому ни одна картина будущих политических отношений полностью, в точности никогда не реализовывалась и реализоваться не сможет. Но действительный порядок политических отношений формируется под

ствительный порядок политических отношений формируется под воздействием этих прогнозов, несет на себе следы борьбы за их воплощение.

Политическое прогнозирование в наше время — признанная отрасль политического знания, органически включенная в практику политики, активно и плодотворно использующая в своей деятельности разнообразные методы предвидения будущего. Среди них свои специфические задачи, не связанные напрямую с установлением вероятности наступления тех или иных конкретных событий и предвидением возможных траекторий их развития, решают традиционные методы философского знания. Логика позволяет выявить противоречия в суждениях и выводах относительно будущего, диалектика — установить характер и фазы движения рассматриваемого объекта, зависимость его состояния от взаимодействия разнообразных факторов, благодаря метафизике появляется эвристически значимая возможность «выхода за горизонт» наличных состояний и фактов, видения и предугадывания результатов намечаемых тенденций.

Факторы, определяющие грядущие изменения. *Революционные преобразования в сфере коммуникаций.* Мир политики — это коммуникативная среда, он формируется в ходе общения людей между собой, их интерактивного взаимодействия, обмена информацией, ресурсами, влиянием, согласования позиций и интересов. Именно в коммуникации те или иные явления обретают смысл, значимый для политической среды, или, наоборот, отношения между людьми складываются таким образом, что важность этих феноменов именно для политики оказывается ничтожной, они не принимаются во внимание и не влияют на поведение людей.

Преобразования в средствах массовых коммуникаций, через которые и осуществляется взаимодействие людей в этой сфере, меняют сущностные параметры политики: политическое пространство может сжиматься, изменять конфигурацию; время ускоряет или замедляет наступление и ход политических событий и процессов; в зависимости от них расширяется или сужается состав участников политического действия.

Важнейшая для политики проблема представительства, делегирования полномочий в значительной мере является коммуникативной. Если небольшая скорость движения информации, всякого рода ограничения в обмене ею создают возможность и необходимость делегирования властных полномочий, формируют потребность в представительстве интересов одних людей другими людьми, то современные средства массовой коммуникации, практически элиминируя границы доступности информации, позволяют эту проблему снять. Политическая функция посредника, делегата, лидера в этих условиях выглядит совсем иначе, преобразуя тем самым саму ткань политических отношений, изменяя характер власти в обществе, начиная «движение от логики господства к логике плюрализма» (Т. Дёрберг).

Становление информационного общества. В облике развитых стран все более зримыми становятся черты постиндустриального общества: происходит переориентация экономики с производства товаров на производство знаний и услуг, стержнем экономической системы становится электронная техника и обеспечение движения информации, очевидно возрастает влияние знаний и его носителей на принятие важнейших управленческих и политических решений, появляются незнакомые системы противоречий: новая техника вызывает кризис устоявшихся норм управления, морали, культуры, создает угрозу возникновения ранее не известного типа тоталитаризма, построенного на использовании современных информационных технологий и тех возможностей социального и политического контроля, которые они

возможностей социального и политического контроля, которые они открывают.

Информация, представляя собой важнейший экономический и политический ресурс, «превращается в самостоятельную и самодовлеющую силу социальных изменений»¹, уникальность которой заключается в ее универсальности, безграничности — она не убывает по мере ее использования, передачи, деления². Ее объемы, степень доступности, размеры ограничений, средства доставки, носители, спосо-

¹ Лапкин В. В., Семенов И. С. Указ. соч. С. 77.

² См.: Василенко И. А. Политическая философия. М., 2004. С. 17, 131.

бы выражения имеют принципиальное значение для определения характера политической деятельности, степени вовлеченности в нее, масштабов влияния на общественную жизнь.

Воздействуя на экономику, эти преобразования вызывают радикальный рост производительности труда, создавая возможность развития гибкого, мелкосерийного производства. Происходит демассификация производства и социальной деятельности вообще, она перестает быть уделом больших коллективов, объединенных сообществ людей. Общество все более сегментируется, разделяясь на специализированные по роду занятий, культуре, ориентации и психологии группы.

Глобализация, проявлениями которой служат и рассмотренные выше явления, инициирует процессы с дилеммой или нарастающим эффектом воздействия на важнейшие параметры политической жизни, подвергая их существенному преобразованию. Заметно снижается суверенитет национальных государств и правительств на фоне увеличения роли международного права и международных организаций. Растет политическое значение регионов, их интересы все более политизируются, составляя не явную, но все более заметную конкуренцию национальным интересам, носителем которых выступает государство. Политические культуры отдельных стран становятся все более многоликими, отражая значительные изменения национального состава их населения.

Преобразования власти в этих условиях характеризуются достаточно противоречивыми тенденциями. Общим местом является ослабление суверенитета национальных государств в условиях глобализации как результат расширяющегося воздействия международного права, межгосударственных институтов и объединений, деятельности транснациональных корпораций. Но современный мировой финансово-экономический кризис воочию показал и достаточную востребованность, и эффективность национальных государств, если они возглавляются ответственными перед своими народами лидерами и правительствами. Стало ясно, что государственное регулирование экономики и социальных отношений не может быть всецело замещено игрой глобальных рыночных сил. Более того, рискогенность и неопределенность, как качества глобализации, создают ощутимую потребность именно во властном регулировании и разрешении социальных, экономических и политических противоречий.

От иерархии к сетям. В противовес организациям, основанным на идеологиях и руководящих общественными делами исходя из принятых и иерархически установленных ценностей, в политике все боль-

шее значение приобретают разнообразные управленческие, политические, социальные, экономические, информационные сети.

Сеть — это форма децентрализованной упорядоченности, реализующая потребность управления и согласования интересов в условиях новой информационной и коммуникационной среды, роста самостоятельности, свободы и активности индивидов. Только в условиях действия этих факторов и возможно развитие новой постиндустриальной экономики — экономики знаний и инноваций, свободного обмена и конкуренции идей и ресурсов.

Лишенные предметного воплощения, институционального носителя сети оказываются весьма значимым и ощутимым элементом современной политики. Многие известные политические события недавнего времени (например, движение за демократию в перестроечном СССР, экологические движения, «бархатные» и «цветные» революции, движение «антиглобалистов») развивались именно на основе сетевых взаимодействий и по эффективности превосходили централизованные и иерархизированные политические и властные структуры.

Сети, по сути дела, формируют новую политическую реальность. Носителем упорядоченности в них становятся не институты, а взаимодействия. Иерархия власти и использование ею санкций служат прежде всего средствами компенсации дефицита информации как важнейшего управленческого ресурса. Но в современных условиях преодоления этого дефицита потребность в иерархии и санкциях как атрибутах властных отношений снижается (или санкции должны быть иными).

Сети сочетают противоречивые качества индивидуальной автономности рынков со способностью иерархических систем осознанно преследовать определенные цели и действовать в соответствии с ожидаемыми результатами¹, представляя и новую модель согласования частных и общих интересов. В них формируется новый, рассеянный, децентрализованный тип политического субъекта: «Рядовые участники ожидают, что их мнение будет учитываться в процессе принятия решений теми организациями, в которые они вступили. Читатели новостей хотят возражать ньюсмейкерам. Граждане настаивают на большей открытости и прозрачности деятельности правительства. Все прежние институты и составные части системы — деньги, правящая верхушка, йети-журналистика, монастырская изолированность тех, кто принимает решения, — должны измениться либо потерять свой

¹ См.: Мирошниченко И. В. Указ. соч. С. 15.

статус и власть. Приближается индивидуальная демократия, в которой все — полноправные участники»¹.

Иной становится мотивация политического действия «рассеянного субъекта»: «Об идеологической мотивации в их случае говорить довольно трудно, можно говорить о некоем policy package («пакете идей»), с помощью которого движение наращивает число своих сторонников, причем данный пакет с течением времени расширяется и меняется»².

Совершенно иначе в сетях выглядит традиционная для политики проблема делегирования полномочий: в условиях выравнивания информационных потенциалов участников политического взаимодействия делегирование от властной «процедуры наделения» переходит к состоянию постоянного обмена, перераспределения ресурсов и уточ-

состоянию постоянного обмена, перераспределения ресурсов и утраты властных полномочий, а сами они как бы рассеиваются, распределяются между участниками взаимодействия. Политика из «системы авторитарного *распределения* ценностей» (Д. Истон) превращается в систему обмена ресурсами, прежде всего информационными, т. е. в какой-то мере приобретает рыночную форму, и задачи производства именно востребованного продукта, его продвижения, рекламы, своевременной и быстрой смены стратегии поведения становятся первоочередными для обретения и удержания власти.

Такая власть все в меньшей мере концентрируется в институтах, тем более официальных. Она приобретает свойство рассеянности, реализуется через разнообразные альянсы, соглашения, партнерства, другие формы представительства, выражения и защиты интересов, которые в современных условиях становятся все более разнообразными. В этих условиях привлекательными и приемлемыми для участников политического взаимодействия оказываются такие формы объединения и представительства интересов, которые не ограничивают их автономии, оставляют достаточные возможности для выбора и даже отказа. Предпочтение отдается формам объединения без четких и долговременных обязательств, но создающим определенные гарантии реализации как интересов, так и свобод. «Институты теперь выступают не в роли застывших структур, а в роли многофункциональных каналов связи, границы которых находятся в постоянном движении, т. е. постоянно расширяются»³.

¹ Фридман Т. Плоский мир 3.0. Краткая история XXI века. М., 2014. С. 507.

² Фадеева Л. А., Новикова С. А. Сетевые коммуникации и социальные взаимодействия в фокусе хактивизма // Политическая наука: ежегодник 2014: Сети в публичной политике. М., 2014. С. 137.

³ Орлов М. О. Социальная динамика глобального мира. Саратов. 2009. С. 149.

Последствия. Совершенно ясно, что эти факторы действуют не порознь, а будучи взаимосвязаны, в том числе и происхождением, дополняют и усиливают друг друга, порождая единый и противоречивый комплекс последствий.

Степень возможной неопределенности в политике, ее непредсказуемость, конечно, возрастают. Она радикально повышает скорость политических и экономических процессов в современном мире, уровень их динамизма. Постоянство нестабильности, смена привычных жизненных ориентиров, естественно, требуют новых способов действия и форм регуляции социально-политических отношений, ставя под вопрос и самую их возможность и необходимость. Увеличивается степень виртуализации социальной и политической среды: многие социальные отношения находятся на грани возможного и реального, а их носители часто не имеют выраженного онтологического статуса, твердых оснований существования. Дестабилизировать, блокировать тенденции их изменения или просто разрушить очень легко. Хрупкость, нестабильность социальных отношений, их зависимость от гораздо большего количества влияний, в том числе и таких, которые раньше были «не заметны», становятся все более ощутимыми, порождая достаточно драматичные оценки: «Прежний мир сегодня развоплощается, его легитимные обитатели утрачивают привычный статус, инструменты цивилизации усложняются, функции персонализируются. Трескается скорлупа обезличенных институтов. Восстание масс, растворяясь в глобальном индустриальном подъеме, простимулировало бунт элит, а обустроенная на перепутье соборная Ойкумена подвергается транскрессии и вивисекции со стороны новых варваров Севера и Юга»¹.

Такое состояние общественного организма известный немецкий политолог У. Бек называет «обществом риска», подразумевая под риском нарастание социально опасных ситуаций вследствие упадка ценностей и традиций, не справляющихся с решением проблем, возник-

постей и традиции, не справляющихся с решением проблем, возникающих в условиях быстрых изменений. Зримые проявления такого состояния — это распространение незащищенных и неорганизованных трудовых отношений, неспособность специального образования гарантировать людям, его имеющим, постоянную занятость и стабильную работу, «война в семье» — рост разводов, незарегистрированных браков, психическая напряженность внутрисемейных отношений, нарастание чувства неуверенности, незащищенности, превраще-

¹ Неклесса А. И. Окна в будущее: культура сложности и самоорганизации // Полис. 2015. № 1. С. 87.

ние научной рациональности в иррациональность. Наука, смыслом своего существования имеющая как раз снижение неопределенности в деятельности общества и человека, в современных условиях способствует нарастанию рисков.

Стремление избежать такого рода течения событий подогревает авторитарные и тоталитарные искушения действующих политических институтов и благожелательно встречаемые заинтересованными социальными группами. А их в любом обществе не так уж мало: это и бюрократия, и вообще государственные служащие, и наиболее обездоленные люди, которым не на кого надеяться, кроме «большого брата». На этой почве растут патерналистские ожидания.

Состояние рискогенности увеличивает количественные параметры практически всех проявлений общественной жизни: объемов и номенклатуры производства, производительности труда, скоростей, загрязнения окружающей среды, всех видов информации и скорости ее передачи, услуг, возможностей и т. д. Риск — это состояние, когда общество готово обрести новое качество, причем качество это не предопределено и может быть самым разным, в том числе и совершенно неожиданным. В такой ситуации существует соблазн решать возникающие проблемы, уйти от неопределенности, опираясь на исторический и политический опыт. Но нынешняя ситуация столь нова, а существующие риски столь необычны, ощутимы и глобальны, что очевидной становится необходимость совершенно нового выбора. И такие решения и действия становятся все более возможными и необходимыми.

Неопределенность вполне естественно воспринимается человеком как ситуация дискомфорта: привычные схемы действия и решения проблем перестают работать. Рискогенность вообще опасна. Но, делая недееспособными привычные схемы, неопределенность открывает другие возможности, приводит общество в состояние движения, поиска необходимых изменений. Самое привычное и первое, что «приходит на ум» в такой ситуации, это такая форма «социальной защиты», как погружение в архаику, обращение к привычным, когда-то оправдавшим себя схемам, стереотипам поведения и решения проблем.

Но современная ситуация столь нова и технически, и информационно, и коммуникационно, что обреченность архаики очевидна. Склонность к ее использованию усугубляет риски, переводит многие из них в состояние неотвратимости.

Кризис устойчивости мира. Очевидно, что устойчивость современной мир-системной организации существенным образом нарушается.

Возникают новые формы тотального противоборства, по сути дела, являющиеся суррогатом ядерной войны, ибо сопоставимы с ней по многим параметрам своих последствий: количеству жертв среди мирного населения, масштабам разорения экономической жизни, разрушению инфраструктуры, долговременности и глубине последствий. Известные беды современного мира в виде терроризма и наркоиндустрии представляют собой лишь поверхность деструктивности, а начинаются они с развязывания низменных, веками сдерживаемых инстинктов, отказа от исторически сложившихся принципов отношений между людьми и завершаются изощренным культивированием все выжигающего цинизма.

В ходе тотализации этих бедствий в полной мере используются преимущества сетевых взаимодействий: их всепроникаемость, высокая скорость, автономность каждого звена, быстрота приспособления к требованиям изменяющейся среды.

Влияние сетевых взаимодействий на преобразование социальных связей, интересов, сообществ и выявление их воздействия на изменения в политике активно обсуждается в современной политологической литературе как проблема кризиса сложившейся и формирования новой идентичности, анализ которой позволяет сделать некоторые выводы.

Интересы, реализация которых происходит в общении с другими людьми, делают людей членами самых разнообразных сообществ (национальных, политических, профессиональных, конфессиональных и т. д.).

Сетевая среда, предоставляя новые возможности общения и сначала выступая как средство, впоследствии замещает (полностью или частично) большинство связей (интересов), формируя новую (сетевую) идентичность, которая становится доминирующей. Так возникает новый тип социальности — связанность Интернетом или «infomodernity»¹.

Возможность решения существующих проблем через коллективные социальные действия становится проблематичной.

В литературе такая тенденция получает неоднозначную оценку, в том числе и как «приватизм», «уход в частную жизнь», «рыночная зависимость во всех аспектах образа жизни». Но смысл ее заключается в формировании онтологических и гносеологических предпосылок для поиска, выбора и нахождения иных, кроме традиционных политических, государственных форм представительства и реализации об-

¹ См.: Лапкин В. В., Семенов И. С. Указ. соч. С. 79.

щих интересов. Носителем таких способных к развертыванию в достаточно развитые и зрелые формы структур служат отношения и институты гражданского общества, сетевые структуры. В ходе этого движения открывается возможность уйти от корпоративизма в этом представительстве — ситуации, когда защита и представительство социальных интересов становятся профессией, долгом, службой и т. д., со всеми ее обязанностями и невзгодами, и так хорошо известными возможностями и преимуществами...

Феномен индивидуализации политики содержит в себе две противоречивые интенции. С одной стороны, растет способность индивидов к самостоятельной выработке смыслов своего существования¹, с другой — происходит очевидное омассовление политики, замещение идеологии массовой культурой. как средством политической

консолидации, каналом невербального взаимодействия между элитарными и неэлитарными слоями. Акцент здесь делается на подключение и эксплуатацию энергии подсознательных влечений², дополняя и без того нескучную технику социального и политического манипулирования.

Значительные и противоречивые изменения претерпевает личностный фактор в политике. Зависимость политического поведения человека от достаточно стабильных или стационарных факторов социально-политической среды: идеологий, партий, социальных общностей уменьшается, он действует более самостоятельно, ориентируясь на собственный интерес и собственные проблемы. С другой стороны, практически все параметры его актуального и будущего состояний находятся под нарастающим влиянием обстоятельств, он не может ни предвидеть, ни воздействовать на них даже гипотетически, ибо они находятся далеко за пределами его возможного влияния и контроля.

В этих условиях растет значение самостоятельных систем ориентации и выработки личных социально-политических стратегий. Ведь мультипликативность, дробление интересов в постиндустриальном обществе столь радикальны, что возможность их отражения и выражения в единой или сколько-нибудь систематизированной идеологии становится все более проблематичной. А политика как система сетевых взаимодействий — это сфера предъявления и соотнесения разнообразных интересов, предполагающая возможность консолидации по самым общим вопросам — экологии, прав человека, безопасности.

¹ См.: Федотова В. Г. Модернизация «второй» Европы // Свободная мысль. 1993. № 8. С. 126.

² См.: Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3; Орлов М. О. Указ. соч. С. 161, 169.

Все остальное выглядит столь многоликим и несхожим, что массовая консолидация на основе единой идеологии и политики становится все менее возможной, хотя по-прежнему желательной, так как облегчает реализацию функций социального управления, обеспечения и защиты как общих, так и корпоративных интересов и ценностей.

Оценка последствий реализации отмеченных тенденций (трендов) противоречива. С одной стороны, явственно обозначается перспектива тотального нарастания отчуждения и произвола, манипулирования человеком, оставшимся один на один с властью элит. Но есть и другая возможность. Она, как и первая, вытекает из специфики новой конфигурации формирования и взаимодействия интересов в сети. Это новое ощущение всеобщей взаимозависимости и включенности, как пишет У. Бек, «космополитический реализм (замещающий «методологический национализм». — А. Д.) в основе своей означает признание легитимности интересов других и включение их в калькуляцию собственных интересов»¹. Это не конфронтация, отвержение или совпадение, но именно рассмотрение интересов других людей как своих собственных. Иначе теперь выглядит и проблема отчуждения: не как изоляция, но именно как «выпадение» из сети — ты в ней, но ты и вне ее, она тебе чужда, т. е. происходит включение при сохранении чувства изолированности.

Такие изменения служат предпосылками движения к новой демократии, новым принципам формирования и представительства интересов. Институциональная трансформация, даже весьма радикальная, становится все менее эффективной, так как не поспевает за движением быстро сменяющихся событий, что ведет к «упадку институционального строя» (Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр)². Происходит «дематериализация» власти, она утрачивает свои привычные атрибуты, предметные или даже символические внешне выраженные формы, «становится вписанной на фундаментальном уровне в культурные коды, посредством которых люди и институты представляют

жизнь и принимают решения»³.

Институциональные изменения не поспевают за событиями и их информационной «упаковкой» — «прелюдией» и «сопровождением», а институты и институционализированные нормы все меньше принимаются во внимание участниками политического процесса, и прежде всего людьми, распоряжающимися властью. Все большее значение

¹ Бек У. Живя в мировом обществе риска и считаясь с ним. Космополитический поворот. С. 52.

² См.: Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб., 2002. С. 69.

³ Кастельс М. Указ. соч. С. 502.

имеют негласные договоренности, всякого рода умолчания, экстренные формы реагирования властных структур, согласования властвующих элит. Такую неинституционализированную власть все труднее локализовать и все труднее контролировать¹.

Таким образом, директивное управление большими массами людей через традиционные властные механизмы (принуждение + санкции) оказывается неэффективным, а их применение не приводит к ожидаемым результатам.

Становится все более очевидной невозможность решения задач политического управления сложившимся бюрократическим аппаратом. Бюрократия, как главный инструмент и реальный носитель государственной власти в обществе, в сложившихся условиях оказывается способной лишь на реализацию своих наиболее опасных и социально-эгоистических качеств. В информационном обществе «бюрократы больше не могут выполнять функции, для которых созданы»², степень их управленческой эффективности снижается. Обычная реакция бюрократии на возникшие проблемы — централизация и количественный рост — явно неприемлема. Ни на йоту не повышая эффективность работы государственного аппарата, чиновник становится объектом все более четко выражаемого неприятия со стороны общества. Корысть, желание максимально использовать казенное место для собственного обогащения, «заточенность» на обслуживание своих интересов и частных приоритетов все менее терпимы. Не срабатывают и спасительная ранее склонность бюрократии к ужесточению власти, и всякого рода укрепления ее «вертикали», и призывы к консолидации.

Бюрократия в этих условиях превращается во все более активного и самостоятельного игрока на политической сцене, движимого явным корпоративным интересом, смысл которого заключается в конвертации властного, политического ресурса в ресурс экономический, в условиях глобализации уже не привязанный к каким-либо национальным границам и приоритетам.

Но бюрократия — это продукт индустриальной эпохи, всеобщего разделения труда и дробления управленческих функций, дозированной информации. Именно эти условия сформировали ее основные характеристики: иерархию, централизацию, строгое разделение функций бюрократического труда, порожденное ограничением компетенций. Но многообразие интересов все труднее уловить в жесткой,

¹ См.: Кочетков А. П. Демократия и элиты. М., 2007. С. 159.

² Тоффлер Э. Указ. соч. С. 219.

вертикальной системе необходимого взаимодействия. Отражения множества потребностей и способов их выражения здесь просто не получается.

Однако далеко не все пути замещения бюрократического управления оказываются приемлемыми в современных условиях. Так, хаотизация действительности как средство достижения рано или поздно новой упорядоченности, «дерегулирование» как форма власти, к которым так усердно прибегали международные экономические и политические институты в последнее время, в свете многих современных экономических (кризис) и социально-политических (терроризм, пиратство) событий и процессов оказываются не только неэффективными, но и опасными. Неприемлемой становится и ситуация, когда к управлению приходят всякого рода маргинальные сообщества, использующие более мобильные и жесткие формы власти, чем государство (неотрайбализм, организованная преступность, мафия и т. д.). Стирание грани между легальной и нелегальной властью дорого обходится тем обществам, где это происходит, расширяя «пропасть между внешними границами институционализированного политического контроля и сферами, где намеренно или по недосмотру решаются наиболее важные для человеческой жизни вопросы»¹.

Изменяется и характер политической активности людей: потребность в ней сохраняется, поскольку по-прежнему существуют (и, видимо, даже умножаются) проблемы, требующие для своего решения солидарных и ответственных действий людей, принадлежащих к разным социальным и культурным группам и ориентациям. Эти проблемы в принципе не могут быть решены в результате индивидуального или группового действия (защита окружающей среды, поддержание эффективной системы социальной безопасности, обеспечение взаимодействия разных культур и их носителей и др.).

Но характер солидарного политического действия в новых условиях меняется:

- снижается интерес к институциональным формам политической активности;

- мышление в традициях больших социальных групп становится все более проблематичным (просто потому, что человек все чаще себя к ним не относит или относит к слишком многим группам, а следовать многочисленным традициям и требованиям для него оказывается весьма затруднительным делом — и он не следует никаким);

¹ Бауман З. Указ. соч. С. 254—255.

- идеология как средство политической мотивации все настойчивее замещается массовой культурой, рекламными способами обращения к возможному участнику политического действия;

- институциональным формам политической активности (и прежде всего политическим партиям) предпочитают неинституциональные — ассоциации, движения, сетевые формы взаимодействий и сообществ, обеспечивающие возможности политического участия при сохранении автономии;

- ведется поиск новых ориентаций — конкретных, напрямую продиктованных наличной ситуацией, краткосрочных в реализации, не требующих для своего воплощения институциональных реформ. Ведь они могут «обрушить» ситуацию, «запустить» цепь неожиданных и нежелательных событий, обернуться не приобретениями, а по-

терями.

Невиданный рост объемов, увеличение средств передачи и обработки информации оборачиваются все острее ощущаемой трудностью выбора фрагментов, наиболее значимых для данного субъекта. Происходит элитизация процесса принятия важнейших политических, социально значимых решений. Круг причастных к этому лиц становится все более ограниченным, что оборачивается монополизацией реальных центров власти в современном мире. Все более ощутимой становится его поляризация. С одной стороны — индивид, вокруг которого распадаются привычные политические отношения и ранее помогавшие его деятельности структуры: организации, движения, другие стабильные формы представительства его интересов, с другой стороны — власть, все более концентрирующаяся в руках немногих и нуждающаяся в периодических, строго отмеренных и контролируемых включениях индивида в систему своего функционирования. Ни о каком его самостоятельном участии, а тем более контроле над пристально опекающей его властью не может быть и речи. Поэтому она говорит с ним на языке закодированных в образы посланий, рассчитывая на его детально контролируемую и спрогнозированную реакцию — ответ профана, которому решено дать возможность поучаствовать в весьма важном деле. Поскольку все учтено, не требуется никакой самодеятельности, а ведь именно она и есть конечный продукт компетентности.

Закамуфлированных намерений и реальных попыток решить возникающие проблемы в рамках жесткого, авторитарного действия и контроля великое множество. Они выражаются в повсеместно встречающихся экспериментах «отрыва власти от политики» — прогрессирующем обособлении деятельности аппарата власти от воли граждан,

от уже наработанных форм выражения их мнения и контроля за властями предрежащими. Происходит процесс «поглощения государства администрацией»: «то, что обычно служило системой передачи, все больше превращается теперь в систему решения; то, что обычно было министерством (буквально службой), теперь превратилось во власть»¹. В такой ситуации рациональные аргументы замещаются техникой манипулирования, использованием рекламных форм воздействия, апелляцией к бессознательному и сопровождаются падением интереса к политике, ростом политического отчуждения со стороны тех людей, которых вовлекают, но не объясняют, просят поддержать, но неизвестно кого, предлагают, но непонятно зачем.

Меняются облик и назначение политических партий. Теряя традиционные черты (представительство интересов определенной социальной группы на государственном уровне, идеология, выбор стратегии, значение программ, устойчивая массовая база), партии по характеру своей деятельности приобретают все большее сходство с рекламными агентствами. Для них характерны «ориентация не на идеологию, а на технологию; организационная гибкость и подвижность; подчеркнутая инструментальность и свобода от какой-либо сакрализации (традиционалистской или идеологической) создаваемого союза, когда последний представал в качестве чего-то самоценного»². Такие партии не привязаны к определенным социальным группам, для них характерна размытость границ партийной принадлежности, людей в них объединяет не идеология, а представительство их интересов определенным лидером. Их состав и деятельность в полной мере отражают специфику новой социальности, складывающейся в эпоху развития новых коммуникационных и социальных связей.

Ткань современных политических отношений — основные проблемы, на которых она сосредоточена, и действующие здесь лица — создается средствами массовой информации, как раз и занятыми производством символических товаров и услуг. По мере все более уг-

лубляющейся виртуализации политического мира расширяются возможности манипулирования, ведь «лишаясь «защитной оболочки» межличностного взаимодействия, человек остается один на один с безликой виртуальностью. Все более распространенными становятся дистанционные способы общения, воспитания и обучения»³. При этом «не исключено, что все общество в отдаленной перспективе бу-

¹ Эллюль Ж. Указ. соч. С. 251.

² Афанасьев М. Политические партии в российских регионах // Pro et Contra. 2000. Осень. С. 178.

³ Лапкин В. В., Семенов И. С. Указ. соч. С. 66.

дет представлять собой систему сетевых структур, а правящим классом в таком обществе станет новая социальная группа — **нетократия**¹. Власть нового — «рассеянного» политического субъекта «будет базироваться на временных, нестабильных, аморфных альянсах, а не станет исходить из какой-то географической точки или устойчивого конституционного образования»².

Информация, ее движение и преобразование творят новую реальность — виртуальное сообщество, для которого характерно:

— стирание границ между реальными и абстрактными типами возможностей в политике, перевод их всех в «реальное» состояние;

— социальные институты становятся виртуальной реальностью, то есть, замещаются образами институтов (телевидение, Интернет), и мы знаем о них то, что нам показывают;

— пропаганда как продвижение идеологии вытесняется рекламой, занятой продвижением товара — в данном случае политического (образа страны, лидера, определенной политической силы и т. д.).

Происходит смена весьма значимых приоритетов политики: растет роль не силовых, а культурно-мифологических, имиджевых параметров, а эффективный контроль теперь может осуществляться с минимальной территории, если на ней локализуется производство и распространение информации.

Соппротивление виртуализации политики принимает вид бегства в архаику идей, отношений, образов, моделей поведения.

Но очевидное расширение возможностей техники манипулирования, скрытого влияния, к которой прибегают участники современного политического процесса, приходит во все более осязаемое противоречие со сложностью актуальных политических и социальных проблем, требующих квалифицированного суждения, демократического участия и разрешения. Этой сложности абсолютно не соответствует спорадическое, построенное на программируемых эмоциях малоквалифицированное подключение масс к их обсуждению и решению. Утверждение ценностей и принципов демократии, произошедшее во многих современных политических системах, нарастающая информатизация общества не сопровождаются ни ростом квалифицированного участия населения в решении политических проблем, ни возникновением новых форм политической активности.

Большое значение при этом приобретает поиск современных форм совмещения демократии и коммуникации. Рост информиро-

¹ Кочетков А. П. Нетократизм // Полис. 2013. № 4. С. 111.

² Там же. С. 118.

ванности расширяет разнообразие возможностей политического участия, делает политическую систему более открытой для гражданского контроля, ведет к перераспределению властных полномочий между государством и гражданским обществом. Например, внимание исследователей и практических политиков привлекает концепция «мониторинговой демократии» Дж. Кина. Смысл ее в том, «что общество, простые граждане создают плотную сеть наблюдения и контроля над процессом принятия и осуществления властных решений. За последние полвека общество накопило принципиально важный социальный опыт применения различных способов мониторинга и контроля власти (power-monitoring and power-controlling devices). Это — объединенные общественные комиссии, судебные акции, локальные суды, трибуналы на рабочем месте, консенсусные конференции, парламенты меньшинств, гражданские жюри и ассамблеи, общественные расследования, экспертные доклады, мозговые центры, блоги и другие формы медиа-мониторинга»¹.

Все большую актуальность для многих стран, в том числе и для России, приобретает реализация проекта «электронного правительства» — использование современных информационных и коммуникационных технологий для совершенствования всех видов социального управления, а также для радикального расширения доступа граждан к управленческой информации, возможности обсуждения и влияния на процесс принятия политических решений. Выделяют три основных элемента «электронного правительства»:

— *электронная демократия и участие*, предназначенные для формирования общественного мнения и выработки решений через электронные средства;

— *электронные производственные сети*, которые служат формами сотрудничества между публичными и частными институтами;

— *электронные общественные услуги*, обслуживающие частных лиц и организации в области получения, передачи и преобразования необходимой управленческой информации².

Очевидной является многоликость политических сообществ, проблем, состояний и тенденций их изменения. В них сочетаются устремленность в будущее и явная архаика, т. е. воспроизведение форм политики и власти, способов решения актуальных проблем в рамках стратегий и технологий социального действия, взятых из про-

¹ Красин Ю. А. Государство и общество: сдвиги во властном поле // Полис. 2013. № 5. С. 54.

² См.: Сморгун Л. В. Электронное правительство и административно-политические реформы // Политическая наука: Ежегодник 2004. М., 2004. С. 397—398.

шлого, там доказавших свою надежность и эффективность. В ситуации риска, нарастания виртуализации общество «открывается»; если не все, то по крайней мере многое становится возможным, в том числе и движение в самых разных направлениях и формах.

С другой стороны, все более ценным качеством будущего состояния социальных и политических систем становится их способность сохранять, поддерживать равновесие между различными аспектами своего существования: между обновлением и порядком, техническим прогрессом и сохранением природной среды, техникой и культурой, персональной свободой и высокой степенью управляемости, экономической эффективностью и социальной стабильностью.

Заключение

Важный урок, вытекающий из учета опыта многовекового взаимодействия политики и философии, — убеждение в необходимости отказа от радикализма как практического (попытки переустройства общества на основе умозрительного проекта, каким бы реалистичным и проработанным он ни казался), так и теоретического (намерения в рамках одной теоретической схемы или принципа найти объяснение всем проявлениям сложной политической реальности). Если политика и философия в ходе взаимодействия одна другую чему-нибудь учат, так это пониманию очевидной невозможности как того, так и другого.

Об этом же говорит и опыт непосредственной трансляции тех или иных философских идей в политическую практику, переустройство мира на основе реализации принятых к исполнению философских принципов и идеалов. Тогда, как это и бывает в философии, эти идеалы и принципы превращаются в нечто им противоположное:

- равенство — в измерение того, кто чем владеет;
- общность, соборность — в коммуны и колхозы;
- борьба противоположностей — в поощрение уничтожения классов;
- уважение прав народов — в суверенизацию этничности;
- свобода слова — в возведение в норму пороссячьего визга;
- свобода совести — в конфессионализацию самых патологических проявлений человеческой психики;
- уважение собственности — в признание неприкосновенности очевидно криминальных захватов и приобретений.

Причина радикалистских aberrаций кроется в том, что носители (создатели и толкователи) принципов в силу специфики своей деятельности — умственный, свободный, творческий труд — не ощущают границы между реальностью и рефлексией. Для них — все возможно.

Реальность же такова, что сформулированные философией принципы в политике последовательно, тотально никогда не осуществлялись. Жизнь заставляла отказываться от идейного радикализма. Так, преобразование в ходе реализации либерализма повлияло на формирование социального государства, в принципе им противоречащего;

марксизм трансформировался в социал-демократические проекты и реформы; рыночная экономика в ходе своего развития пришла к признанию разнообразных (но опять-таки не тотально-радикальных) форм ее регулирования.

Из углубляющегося осознания опасности радикализма, его реальной бесплодности рождаются:

- понимание значения многообразия;
- все более определенно демонстрируемое стремление к синтезу, плюрализму в использовании разных подходов и ориентаций как в познании, так и в политической практике;
- приоритет, отдаваемый концепциям, способным обеспечить оптимальное сочетание детерминизма и свободы.

Очевидно, что образ наиболее привлекательного типа общества формируется не в результате теоретических изысканий или пропагандистских усилий, а как итог убежденности людей в способности социальной системы удовлетворить их фундаментальные потребности и чаяния.

Это тем более важно учитывать в современных условиях, когда тенденция к радикализации многих сегментов политики и власти все более очевидна. Становятся актуальной реальностью сообщества и тенденции, до недавнего времени считавшиеся экзотическими реликтами ушедших эпох.

Несмотря на их выпадение из «контекста современности», они тоже есть ее порождение. Многие люди и социальные группы (ранее бывшие целостными, а сейчас распадающиеся) не могут себя найти в современной технологической и культурной среде иначе как через прыжок в архаику. Для них это становится формой политической идентификации, решая многие проблемы, порожденные современностью.

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Влияние философских идей на политическое развитие	18
Глава 2. Природа политики	49
Глава 3. Бытие политического: власть	63
Глава 4. Пространство и время в политике	78
Глава 5. Многоликий политический человек	97
Глава 6. Антропологические корни политической теории	117
Глава 7. Политическое действие	134
Глава 8. Ценности — нормы — институты	164
Глава 9. Идеология как тип политической рефлексии	181
Глава 10. Политический дискурс	198
Глава 11. Коммуникация и понимание в политике	224
Глава 12. Контуры будущего	247
Заключение	269